

ПИОНЕР 3

1983

СОВЕТСКИЙ ХАРАКТЕР

Светлана Савицкая со своими товарищами по космическому полету — командиром экипажа Леонидом Поповым (в центре) и бортинженером Александром Серебровым.

А. ТАРАСОВ

В НЕБЕ
ДЕРЖАТ
ТОЛЬКО СВОИ
КРЫЛЬЯ

Светлана Савицкая стала знаменитой задолго до космического полета. Она прославилась как чемпион и рекордсмен мира по парашютным прыжкам и высшему самолетному пилотажу, как летчик-испытатель, профессионал высокого класса. И уже после этого состоялось ее зачисление в отряд космонавтов...

Уникальная, особенная судьба? Многим так кажется, хотя сама Светлана настойчиво говорит, что в ее биографии нет ничего особенного, что она такая же, как все, что у многих женщин на земле бывает работа и потруднее.

И все же не зря называют ее судьбу звездной! Всего две женщины за двадцать пять лет космической эры совершили такой взлет — Валентина Терешкова и Светлана Савицкая...

Когда на тренировке космонавтов я впервые увидел Светлану, она удивительно напоминала девочку. Челка на лбу, короткий хвостик темных волос на затылке. Чистое, без косметики лицо. Быстрый смешливый взгляд в ответ на шутливые стихи своей дублерши.

Но когда заходит речь о технике, Светлана меняется. Взгляд становится внимательным, точным, глубоким. Это взгляд летчика-испытателя, налетавшего 1500 часов на двадцати типах самолетов. Взгляд человека, испытывавшего и сверхзвуковую скорость в кабине реактивного истребителя, и темноту стратосферы во время затяжного парашютного прыжка. В этом взгляде — память о перегрузках при выходе самолета из штопора, из «мертвой петли», при крутых виражах вниз головой, в перевернутой машине. В этом взгляде все, что положено испытать летчику мирового класса.

Вот такая она, Светлана, — и особенная, и обычная. Не где-то на далеком острове росла вторая в мире женщина-космонавт, бесстрашный летчик-испытатель, а здесь, среди нас. Бегала в школу и в спортивные секции по тем же самым улицам, что и мы, стояла рядом в строю на пионерских сборах, как и мы, неохотно несла к учительскому столу дневник, если вдруг проскакивала тройка... Но уже тогда, в далеком детстве, складывался ее характер, начиналась звездная судьба...

В комнате ее отца, маршала авиации дважды Героя Советского Союза Евгения Яковлевича Савицкого, висит фотография. Пять реактивных истребителей на воздушном параде летом 1948 года. Впервые в мире они показывали групповой высший пилотаж «вокруг оси ведущего». Все пять пилотов — летчики-фронтовики, Герои Советского Союза. А ведущий — молодой генерал авиации Евгений Савицкий. У него в тот день было особенно крылатое настроение — недавно родилась дочь Светлана.

Может быть, в такой семье девочке проще было выбрать свою судьбу? Раз отец прославленный летчик, и дочка, наверное, захочет полететь? Однако вот брат Светланы, Евгений, избрал вполне земную профессию, стал ученым-историком. Значит, в жизни не все идет само собой, если даже мальчишку из такой семьи не потянуло в небо. Значит, нужно еще что-то...

С самой Светланой говорить об этом трудно. Об авиации, о технике, о товарищах она рассказывает

сколько угодно. Но как только спрашиваю о ней — замыкается. «Ничего особенного, это моя работа. Все как у всех».

И я расспрашиваю ее отца — Евгения Яковлевича Савицкого, прошу его вернуться лет на двадцать назад, вспомнить детские годы Светланы.

— ... Ну, совершенно ничего в ней не было особенного, — разводит руками старый летчик. — Училась в самой обычной московской школе, не специальной, не «улучшенной». И летом ездила в обычный пионерский лагерь. Занималась спортом — окончила спортивную школу ЦСКА по плаванию... Увлекалась английским языком, музыкой...

Обычная жизнь? Но характер проявлялся и в этой обычной жизни, в повседневных мелочах.

— Мне по роду службы приходилось командовать многими людьми, — говорит маршал. — И я даже удивлялся, что Светлане не приходится ни о чем напоминать, вообще никаких команд не требуется. Все, что положено, все, за что отвечает, сделает раньше, чем ее об этом спросят.

— Но ведь она все-таки девочка, Евгений Яковлевич... Неужели так ни разу не заплакала, не покапризничала?

— Поверите? — отвечает бывалый летчик. — Не помню ни одного случая слез. Чуть ли не с дошкольного возраста. Обидится — надуется, уйдет в себя, но чтобы плакать — никогда.

И все же, может быть, в этой семье есть какие-нибудь особые секреты воспитания?

— Пожалуй, нет, — говорит Евгений Яковлевич. — Просто мы старались, чтобы дети знали о нашей работе, чувствовали, что она значит для нас.

Мать Светланы была сначала школьным учителем, потом партийным работником. Отец, несмотря на генеральские, а потом и маршальские погоны, прежде всего летчик. Летчик, возвращающийся домой усталым после полета. Надо сказать, маршал авиации Савицкий летал на сверхзвуковых реактивных самолетах, когда ему было уже далеко за шестьдесят. А каждый такой полет — это большой труд, тщательная подготовка, постоянная собранность, риск и мужество...

Все это год за годом запечатлевалось в сердце и сознании девочки. Не раз Светлана слушала рассказы однополчан отца. Узнала, какой великий ратный труд — 360 боевых вылетов... Узнала и о его тяжелых поединках с фашистскими асами в небе Москвы, Кубани, Белоруссии, Берлина. Больше

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

МАРТ 3

Москва 1983 г.
Издательство «Правда»

двадцати вражеских самолетов сбито в бою! Сам был сбит трижды, покидал горящую машину. Раз пришлось переползать линию фронта с поврежденным позвоночником. Только встал на ноги — снова в небо.

Разве это не школа смелости, мастерства, любви к Родине!

Но Евгений Яковлевич переводит разговор на другое.

— Хотите посмотреть любимое место Светы в нашем доме?

Заходим в мастерскую, где стоят верстак, паяльник, тиски, бормашина... Здесь в свободное время Евгений Яковлевич сам что-нибудь мастерит, вырезает по дереву, чеканит. Здесь и Света принаровливалась к инструментам, училась надежно держать их. Потом это помогло изучать самолеты, умело обслуживать технику...

Но вернемся в ее школьные годы. Она, обычная московская девятиклассница, вместе с подружкой пришла проситься в аэроклуб. Так рвалась в авиацию, что схитрила и прибавила себе в справке о возрасте лишних полгода. Но в аэроклубе все равно сказали: рано. Посоветовали сначала учиться прыгать с парашютом. И спросили: ты случайно знаменитому летчику Савицкому не дочка? Она резко ответила: нет, однофамилица!

Авторитет и слава отца всегда были для нее святынями. Но в небе должны держать свои крылья, а не отцовские. И она решила всего добиваться сама.

К окончанию школы на ее счету было 450 прыжков и три — рекордных...

А потом был ее первый полет — на винтовом самолете «Як-18». Светлана была уже членом аэроклуба, студенткой Московского авиационного института.

— Она и тогда ничего не сказала дома. Ни об учебе в аэроклубе, ни о первом взлете. Только старые друзья, досаафовцы, меня все же предупредили, — рассказывает отец Светланы.

Он приехал на аэродром в Тушино, встал на краю поля, чтобы дочь не увидела и не узнала. С волнением смотрел, как спортивно-тренировочный самолет разбежался по грунтовой дорожке, подпрыгнул раз-другой и оторвался от земли... Самолет сделал круг и пошел на посадку. Савицкий следил за полетом до конца, до остановки винта. Потом подошел к своему старому другу, руководителю полетов, достал плитку шоколада. «Передай. Только не говори, от кого...»

Он, конечно, не знал, да и кто мог знать, что через пятнадцать лет, в августе восьмидесят второго года, вместе со всей страной и миром будет смотреть телерепортаж с космодрома Байконур — о старте экипажа, в который войдет сто одиннадцатый космонавт планеты. И этим космонавтом станет его дочь — летчик-испытатель Светлана Савицкая.

...После возвращения экипажа я впервые увидел отца и дочь вместе. Это было на подмосковном аэродроме в день встречи космонавтов. Старый маршал в полной парадной форме, со Звездами Героя стоял в толпе встречающих — космонавтов, ученых, родственников. А Светлана все с той же девчоночьей челкой, но теперь, как и отец, — Герой Советского Союза, вместе с друзьями спускалась по трапу самолета, прилетевшего из Байконура.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Фотография фотохроники ТАСС.

«ТОВАРИЩ» — СПУТНИК ПИОНЕРА

На книжной полке твоего отряда, в школьной библиотеке много книг о пионерской организации. Ты с интересом читаешь книги о пионерах-героях, о том, как организовать работу юных корреспондентов, тимуровцев, книголюбов. Книга «Будь готов!» знакомит тебя с историей пионерской организации, ее делами. Для кидовцев — целая серия книг о детских демократических организациях.

Очень трудно перечислить все пионерские книжки, которые издаются огромными тиражами. И все же на библиотечной полке есть одна, особая пионерская книга. Почему особая? Не потому, что напечатана на хорошей бумаге, с красочными рисунками, издана сотысячным тиражом. Она особая потому, что эта книга — **СПУТНИК ПИОНЕРА**, книга настольная, на каждый день твоей пионерской жизни. Ее название — **«ТОВАРИЩ»**.

На третий год после окончания Великой Отечественной войны вышло первое скромное издание этой книги. Шли годы. Твои сверстники прошлых лет держали в руках «Товарищ», действовали по советам, которые давались в нем. В книге прибавлялись страницы, увеличивалось количество рисунков и схем. Одно оставалось неизменным: «Товарищ» был

верным спутником пионерской жизни юных ленинцев.

И вот перед нами красочное издание «Товарища»-82, посвященного 60-летию Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина. Внимательно прочитай это юбилейное издание «Товарища».

В книге семь разделов. Читая страницу за страницей, ты познакомишься со всеми пятнадцатью союзными республиками, совершишь по ним заочное путешествие. Ты узнаешь об истории пионерской организации, о правах и обязанностях пионера, о том, как построена пионерская организация. «Главные дела пионерские», «В твоём отряде», «Ты и твоё звено», «Пионерский календарь», «Ты вступаешь в комсомол» — одни эти названия отдельных глав раздела говорят сами за себя. Они помогут ответить на любой твой вопрос о пионерской жизни.

Много интересного о детском демократическом движении узнает читатель в разделе книги «У нас друзья на всей земле». Впервые «Товарищ» знакомит с детскими организациями Анголы, Афганистана, Йемена, Кампучии, Никарагуа, которые возникли совсем недавно. На страницах книги ты найдёшь адреса пионерских организаций стран социалистического содружества, изображения пи-

онерских значков, узнаешь, что такое СИМЕА.

На многие вопросы отвечает тебе «Товарищ». И что такое самовоспитание, как вести себя, зачем нужны вежливые слова, как стать точным. «Товарищ» знакомит своих читателей со спортивными клубами — «Кожаным мячом», «Золотой шайбой», «Нептуном», «Белой ладьей», их историей создания, правилами игры.

Коллекционеры найдут в «Товарище» интересные советы о том, как собирать марки, значки, открытки. Юные затейники — о различных играх, а те, кто выращивает кроликов, — о важном пионерском деле — создании школьных кроликоферм.

«Товарищ» — книжка необычная. В конце ее — чистые страницы. Это твоя записная книжка. В ней ты сделаешь записи о своём отряде, его делах, о книгах, которые надо прочитать, кинофильмах, которые надо посмотреть и обсудить на пионерском сборе.

«Товарищ»-82 — хороший подарок для всех, кто носит красный галстук, кто дружит с пионерами.

Красочную книгу для тебя и твоих друзей выпустила редакция пионерской литературы издательства «Молодая гвардия».

Активист там,
где трудно

Научился сам,
научи товарища

Говори только откровенно

ОТРЯДЫ БЕРУТ ВЫСОТЫ

«Дорогой «Пионер»! Чтобы помочь нашим пионерским дружинам и отрядам взять свои ВЫСОТЫ на Марше «Мы дружбой ленинской сильны!», ГПШ (городской пионерский штаб) решил провести КОНКУРС знаний, умений и навыков председателей советов дружин. От председателей советов дружин зависит немало, так ведь?

Конкурс состоял из шести этапов.

На станции «ПИОНЕРСКОЙ» ребята должны были ответить на любой вопрос по истории пионерской организации, рассказать о жизни своей дружины, о работе школы пионерского актива. В конкурсе «БОЕВЫХ ЛИСТКОВ» ребята показывали свое знание лучших районных пионерских дел, как дружины обмениваются опытом работы, как умеют увидеть наиболее интересные для всех проблемы. Учитывалось время выпуска листка, его оформление и, конечно, качество материалов. Многим ребятам понравился конкурс «ВНИМАНИЕ! ИДЕТ СОВЕТ ДРУЖИНЫ». Каждый председатель совета дружины мог показать свое умение интересно для ребят и с пользой для дела проводить общий разговор. В оценке этой работы рассматривалось и чувство юмора, и умение давать поручения, и организаторские способности, и тон разговора.

На станции «ОТЧЕТЫ И ВЫБОРЫ» всем председателям советов дружин предлагалось показать, как они проводят отчеты и выборы в дружине, как определяют порядок выборов в отрядах. Председатели соревновались в умении ставить перед коллективом интересующие всех вопросы и интересно на них отвечать, говорить на сборах только о главном, определять перспективу действия дружины.

Конкурс «ТВОЯ ПИОНЕРСКАЯ КОМНАТА» для большинства ребят оказался не очень-то простым.

Не все знали, как правильно и красиво оформлять пионерскую комнату, не сумели показать, какие встречи и беседы должны проходить в этом пионерском штабе дружины. Зато конкурс «ЛЕЙСЯ, ПЕСНЯ», который завершал состязания, оказался веселым и радостным. Выучили много новых песен и много хороших песен спели вместе.

Я не рассказываю, кто победил, потому что это не так важно. Победила дружба, которая поможет всем дружинам идти Всесоюзным Маршем «Мы дружбой ленинской сильны!».

Очень хочется знать, как работают другие городские пионерские штабы? Есть предложение ко всем ГПШ: давайте обсудим, каким должен быть активист, кого вообще считать активистом?

Мы приняли вот такие заповеди — «Активисты, запомните!»:

НЕ ТОТ АКТИВИСТ, КТО ВПЕРЕДИ ИДЕТ, А ТОТ, КТО ЗА СОБОЙ ВЕДЕТ;
АКТИВИСТ ТАМ, ГДЕ ТРУДНО;
НАУЧИЛСЯ САМ, НАУЧИ ТОВАРИЩА;
НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ НА ПОЛОВИНЕ;
ГОВОРИ ТОЛЬКО ОТКРОВЕННО;
ТЫ АКТИВИСТ, ТОВАРИЩ АКТИВИСТ, И НА ТЕБЯ РАВНЯЮТСЯ ПИОНЕРЫ!

Интересно, что думают об этом другие ребята, другие городские и районные пионерские штабы?

С пионерским приветом Вика Кожанова».

«Пионер» просит откликнуться на письмо Вики КОЖАНОВОЙ из г. ОДЕССЫ всех, кому интересен разговор о пионерских активистах, о командирах наших отрядов, дружин, штабов.

Итак, КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ АКТИВИСТ? КОГО СЧИТАТЬ АКТИВИСТОМ?

НА МАРШЕ

Вопрос к ЦС ВПО имени В.И. Ленина

Дорогие ребята, наши читатели! Вы знаете, что каждый пионер имеет право обращаться с вопросами, предложениями в любой совет пионерской организации — отряда, дружины, городской, районный, областной, республиканский, а если есть необходимость, в Центральный Совет Всесоюзной

пионерской организации имени В.И. Ленина.

Только вопросы эти должны быть хорошо обдуманными и серьезными. Сегодня на ВОПРОСЫ Кати Кустовой из г. Москвы ОТВЕЧАЕТ заведующая сектором ЦС ВПО имени В.И. Ленина Галина Петровна Чубарова.

ВОПРОСЫ:

Как должны проявлять свою активную жизненную позицию

пионеры, которые уже вот-вот вступят в комсомол?

Нужно ли носить подросткам — пионерам, которым уже исполнилось 14 лет, пионерский галстук?

Может ли быть председателем или членом совета дружины комсомолец-девятиклассник, обязан ли он носить пионерский галстук?

ОТВЕТЫ:

Старшие пионеры — организаторы всей пионерской жизни в дружине. Они передают младшим своим товарищам все умения, навыки и знания, которые приобрели в пионерские годы. Старшие пионеры возглавляют

ГПШ (городской пионерский штаб) решил провести КОНКУРС знаний, умений и навыков председателей советов дружин.

Не тот активист, кто впереди идет, а тот, кто за собой ведет

Каким должен быть активист?
Его считают активистом!

работу всех штабов при совете дружины — от их мастерства, от их организаторских способностей, от их умения строить свои отношения с людьми зависит успех Пятилетки трудовых пионерских дел, тимуровской работы и работы с октябрятами, «Зарницы», клуба «Поиск», лекторской группы и пресс-центра. Старшие пионеры становятся консультантами по всем предметам, экскурсоводами в школьных музеях, организаторами поста бережливых, руководителями клуба интернациональной дружбы, агитбригады, группы распространителей книг. Самым подготовленным, самым надежным старшим пионерам доверяют работу в городских и районных пионерских штабах.

Все пионеры до 15 лет, если они не вступили в комсомол, носят красный пионерский галстук. Пионерский галстук символизирует идейное единство пионеров, комсомольцев и коммунистов. Теперь старшие пионеры будут носить еще и значок «Старший пионер», который будет вручаться семиклассникам при посвящении их отряда в «старшие пионеры».

Для каждого комсомольца работа с пионерами — почетное и ответственное поручение. Если комсомолец по поручению комитета комсомола работает в пионерской организации — избран председателем или членом совета дружины или назначен отрядным вожатым, — то на все пионерские мероприятия он надевает пионерский галстук.

Все пионеры до 15 лет, если они не вступили в комсомол, носят пионерский галстук.

Пионерский галстук — единый символ для всех пионеров.

ДЕЛО, КОТОРЫМ МОЖНО ГОРДИТЬСЯ

Этим летом мы ездили в лагерь труда и отдыха «Энтузиаст». Помогали колхозникам собирать редис и пропалывать свеклу. Трудились на совесть. С непривычки было трудно, но мы не унывали: устраивали соревнования, пели песни, а после работы организовывали конкурсы, вечера песни и танца. Все это помогало нам работать с хорошим настроением. Мы завоевали первое место, и взрослые сказали нам «спасибо». Приятно сознавать, что твой труд приносит пользу. Пусть не такую огромную, но все же что-то и мы сделали для выполнения Продовольственной программы.

Наташа Литвинова, г. Саратов.

ПОСТУПОК

Однажды мы с подругой шли в школу. Видим, мальчишки ломают ветки деревьев для луков. Мы подошли и сказали: «Ребята, деревья живые, зачем вы делаете им больно? И зелени в городе будет меньше». И пошли домой за краской, чтобы замазать раны у деревьев. Смотрим, мальчишки вернулись и стали нам помогать. Я думаю, убеждать лучше всего делом, личным примером, поступком.

Люда Борисевич, г. Гомель.

ВЕРНОСТЬ КРАСНОМУ ГАЛСТУКУ

Дорогой «Пионер»! Ты начал на своих страницах новый Всесоюзный пионерский сбор-поиск «Верность красному галстуку». Я хочу принять в нем участие. Пионерские годы моего отца выпали на тяжелое послевоенное время. Пионеры старались во всем помогать старшим. Отца только-только приняли в пионеры, а он уже с товарищами пропалывал морковь и свеклу, колол дрова, даже дома помогал строить. Дома, конечно, строили взрослые, а пионеры подносили доски, инструменты, выстругивали рубанком небольшие деревянные рейки.

Вместе с соседским мальчишкой отец пас совхозных телят. Вставать нужно было рано, чтобы успеть на зорьке выгнать стадо на луг. Телята слушались плохо, разбегались, старались улизнуть от пастухов. Но мальчишки научились справляться с телятами. Больше всего пионеры любили заготавливать сено. Скошенную траву большой копной укладывали на телегу, ребятам разрешали забираться наверх и править лошадей.

Страна в то время залечивала раны, нанесенные фашистами. Вместе со взрослыми помогали ей в этом и пионеры. Отец сказал мне, что еще тогда, в своем пионерском детстве, понял, что земля, политая потом и кровью, несущая хлеб и жизнь, — самое дорогое для человека. Поэтому и профессию он выбрал, связанную с землей, стал инженером-топографом. Папа сказал, что готов всем, чем сможет, помогать нашему пионерскому отряду, но главное, чтобы мы сохранили в своей памяти смысл пионерских дел всех поколений новгородских пионеров. Я думал об этих словах отца, когда поехал с отрядом в колхоз помогать собирать картофель и турнепс. Мы собрали семьдесят корзин, промокли под дождем, но были счастливы — как все люди, когда заканчивают полезное для родной страны дело.

Володя Воробьев, г. Новгород.

Ребята, прислал всех, кто пошлет письмо в нашу новую рубрику, активист на конверте «ОТРЯД ГОВОРИТ С ОТРАДОМ». Ждем ваших писем!

К 70-летию писателя

громный зал Дома союзов переполнен. Ни одного свободного места. Почему сегодня здесь так особенно празднично? А вот почему. Не только розы на сцене и стенды с нарядными книгами веселят и радуют глаз, но и разлитый по всему залу алый цвет пионерских галстуков. Собрались пионеры. Сцена пока пуста, в зале гул нетерпеливых ребячьих голосов. Внезапно, как по сигналу, воцаряется полное безмолвие, тут же взрываясь громом аплодисментов и восторженных возгласов:

— Дядя Степа, ура!

Дядя Степа, он же любимый детворой всей нашей многонациональной страны и многих стран мира писатель Сергей Владимирович Михалков, выходит на сцену, высокий, изящный, с доброй улыбкой в каждой черточке молодого лица.

Он молод? Да. Хотя его произведения знаете наизусть не только вы, нынешние читатели его книг, а знали, любили ваши родители и деды, ибо Сергей Владимирович Михалков начал печататься с 1935 года — значит, годиков ему порядочно, семьдесят лет! И все же только седина выдает почтенный возраст нашего дорогого Михалкова.

Душа молода, талантливое перо молодо, произведения задорны, шумливы и веселы, серьезные, мудры и всегда тоже молоды.

Юбилей лауреата Ленинской и Государственных премий, Героя Социалистического Труда, кавалера многих орденов, академика Академии педагогических наук мы празднуем в год, ознаменованный большим и торжественным событием.

В этот год восемьдесят лет назад состоялся знаменательный II съезд РСДРП (Российской социал-демократической рабочей партии). Партия стала ленинской, утвердила созданную Лениным программу борьбы за счастье народа. Последователей Ленина на съезде было большинство, и поэтому называться они стали большевиками. Больше-

вик — значит ленинец. Прекрасное, гордое слово! Конечно, у Сергея Михалкова, коммуниста, есть произведения, посвященные Владимиру Ильичу: «В музее В. И. Ленина» и «На родине В. И. Ленина».

«Мы входим в дом, дыханье затая,
В дом, где жила Ульяновых семья».

Так же, затаив дыхание, мы входим в музей В. И. Ленина.

Просто, ясно, любовно пишет Михалков о создателе партии и Советского государства, сердцем поэта угадывая, как вы, пионеры, крепко любите великого Ленина:

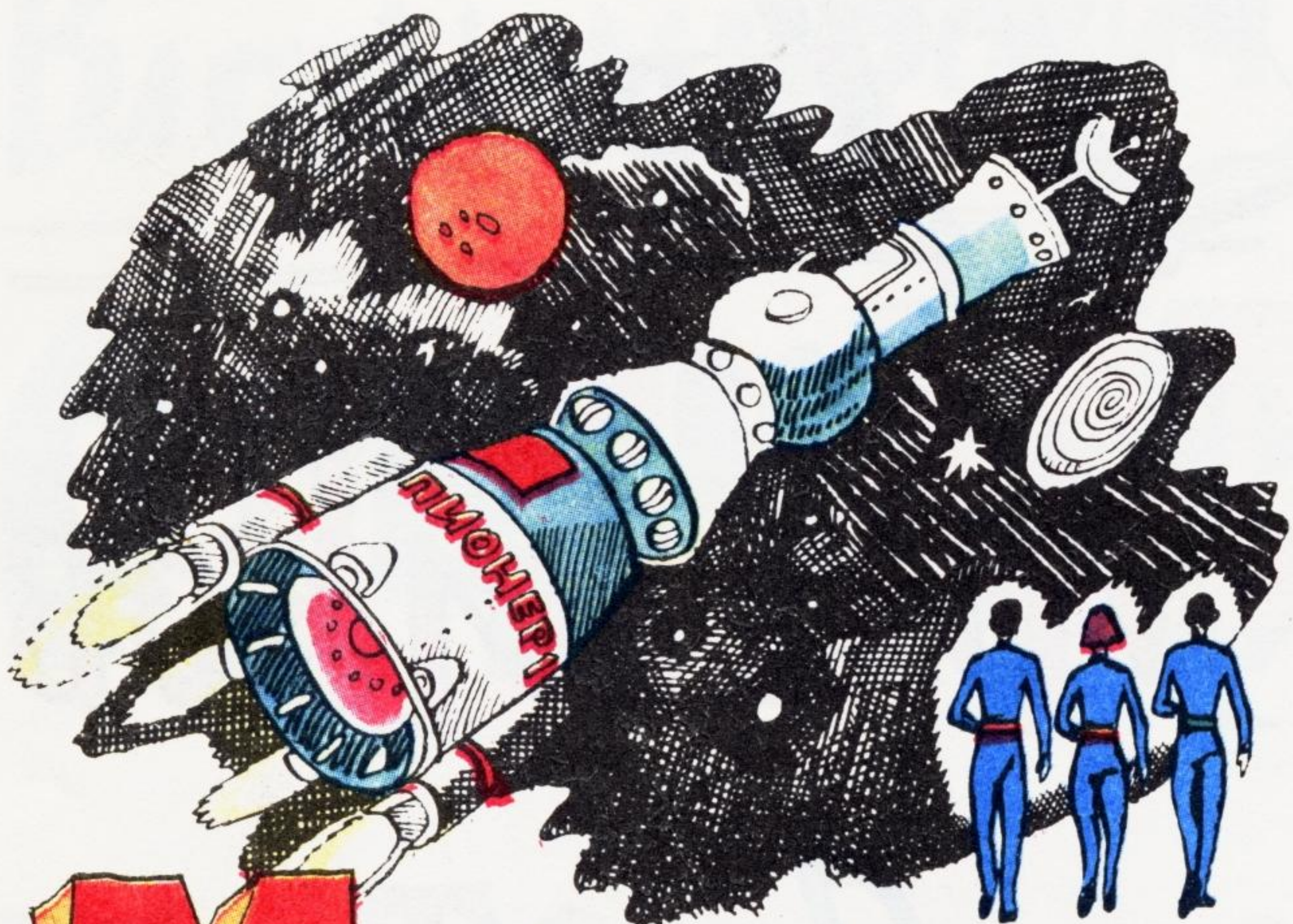
«Под знамя Ленина они
Торжественно встают,
И клятву Партии они
Торжественно дают:

«Клянемся так на свете жить,
Как вождь великий жил,
И так же Родине служить,
Как Ленин ей служил!».

Много чудесных стихов написано Михалковым о вас, пионеры, о ваших мамах и папах. О школьницах, которые в день рождения старой учительницы «за труд ее огромный» несут в подарок вазу и вдруг... О, беда! Не донеся до школы, разбивают. И что же? Находится немало людей, пришедших на помощь ребятам. И уже не только от них вручается учительнице драгоценная благодарность:

«От штатских и военных —
Людей обыкновенных,
Простых советских граждан,
Что меж собой дружны,
От нашего народа
Что крепнет год от года,
От пионеров,
школьников —
От всех детей страны».

Так, правдиво и жизненно, умеет Михалков показать человеческое благородство. О разных, великодушных и щедрых, умелых и даровитых, горячо любящих Родину советских людях и детях написа-

Михалков!

ны, выражаясь языком Маяковского, все «стотомов его партийных книжек».

А. А. Фадеев, выдающийся писатель, многие годы руководивший Союзом писателей, говорил о Михалкове: «Замечателен он, главным образом, тем, что, будучи сам воспитан Советской страной и Советской властью, пишет стихи, воспитывающие детей в духе Советской страны и Советской власти».

Придете ли вы в театр, перед вами разыгрываются захватывающие сцены из жизни школьников, из вашей жизни, ребята. Вы узнаете в героях себя и товарищей, хохочете и грустите, страдаете и радуетесь — много интересных мыслей и душевных переживаний будят в вас пьесы Михалкова «Красный галстук», «Особое задание», «Сомбреро» и многие другие.

А вот вы в кино. На темном экране под звуки бурной музыки стремительно прочертится название «Фитиль», и грубые, невежественные, бесчестные люди предстанут перед вами — это Михалков-сатирик бичует разного рода уродства нашей жизни, защищая в ней добро и правду.

Создатель «Фитиля», Михалков автор множества басен, острых, метко стреляющих и убивающих зло.

Буквально нет жанра в детской и взрослой литературе, каким не владел бы в совершенстве писатель Сергей Михалков, автор текста главной песни страны — Гимна Советского Союза!

Он глубоко знает литературу для детей, гордится созданным ею богатством. «Есть книги-учителя, строгие и взыскательные. Есть книги-приятели. Есть книги-волшебники. Есть книги-солдаты. И каждая новая хорошая детская книга — это праздник для тысяч и тысяч юных граждан планеты Земля!» — говорит Михалков.

Таким праздником приходит к вам, друзья пионеры, каждая михалковская книга. Среди этих книг и стихотворные повести о добрейшем великане, моряке, милиционере, а теперь уже и ветеране труда, знаменитом дяде Степе, который впервые появился на страницах журнала «Пионер». Сорок пять лет шагает по свету созданный талантом писателя Михалкова любимый герой малых и взрослых читателей дядя Степа и будет всегда шагать, подни-

мая в человеческих сердцах добрые, светлые чувства.

С. В. Михалков — общественный деятель. Множество раз случалось ему выступать дома, на Родине, и в разных странах «полпредом» советской литературы и искусства для детей, в защиту мира.

Сергей Владимирович хороший, очень хороший человек! Он спешит на помощь людям всякий раз, когда им надо помочь.

Мария ПРИЛЕЖАЕВА

Читатели и авторы журнала «Пионер» горячо поздравляют Сергея Владимировича с прекрасным юбилеем, желают ему много лет впереди, много книг, много счастья!

В новогодней анкете «Пионера» 1981 года редакция предложила вам, ребята, задать вопросы С. В. Михалкову. Писем пришло очень много. Мы выбрали самые интересные вопросы и попросили Сергея Владимировича на них ответить.

Михалков

на вопросы

Как научиться писать стихи?

Отвечу стихами:

Как мне помочь своим советом
Тому, кто хочет стать поэтом?
Чтоб написать стихотворенье,
Умножь желанье на терпенье,
Сложи все то, о чем мечтал,
Со всем, что в жизни прочитал,
Словесный хлам без сожаленья
Сожги в горниле вдохновенья,
А что осталось, для души
Десяток раз перепиши...
Вот мой совет. Но и при этом
Сперва, мой друг, родись поэтом!

Легко или трудно быть писателем?

Легко быть плохим писателем, значительно труднее — хорошим.

С каких лет Вы пишете стихи?

Стихи начал писать в девять лет.

Помните ли Вы свое самое первое стихотворение? Как оно называлось?

Первое стихотворение не помню. Что-то, кажется, про какую-то свечку, которая догорела, и мне стало грустно в темноте. Первое стихотворение, которое было напечатано в настоящем журнале для взрослых, называлось «Дорога». Мне исполнилось 15 лет.

Показывали Вы кому-нибудь свои первые стихи?

Первые стихи читал поэт Александр Безыменский. Он меня похвалил, за что я ему был благодарен всю жизнь.

Почему Вы решили стать писателем?

Я любил книги, и мне нравилось, как они пахнут типографской краской.

Кто Вам помог выбрать такую интересную профессию?

У меня были хорошие учителя в школе и в жизни. В школе учитель родного языка и литературы А. Софроненко, в жизни писатели А. Фадеев, С. Маршак, К. Чуковский, А. Н. Толстой. Они меня заметили и дружески направляли своей критикой, замечаниями и пожеланиями.

Мечтали ли Вы о какой-нибудь другой профессии, кроме писателя?

Нет. Работал геологом, но мечтал стать писателем.

Расскажите, как Вы сочиняете стихи?

Когда я берусь сочинять стихи, они у меня не выходят из головы и просятся сами на бумагу. Когда приходит время, я их записываю. Но потом очень много раз переделываю, переписываю.

Кем бы Вы стали, если бы Вам пришлось начинать все сначала?

Я стал бы тем, кем я стал.

Смогли бы Вы прожить хотя бы месяц, не сочиняя стихов?

Смог бы. Но тогда я пишу что-нибудь другое. Например, пьесу для детского или взрослого театра. Всегда на столе лежит какая-нибудь незаконченная работа в заготовках.

Сколько времени Вы пишете стихотворение?

Как напишется. Иной раз я пишу одну басню целый год. Пишу до тех пор, пока не посчитаю ее законченной. А когда напечатаю — вижу, что еще можно было бы поработать, чтобы она стала лучше. А иногда стихотворение получается быстро. Одним словом, раз на раз не приходится!

Какое свое стихотворение Вы больше всего любите?

То, самое лучшее, которое я еще не написал.

На какую тему Вы любите писать стихи?

Люблю писать стихи забавные и героические.

Кому Вы чаще всего посвящаете свои стихи?

Все свои стихи посвящаю товарищам-детям.

Почему больше всего Вы пишете для детей?

Писать стихи для ребят очень интересно.

Про кого Вы больше любите писать: про прилежных или про грязнуль?

Люблю писать про разных детей: про смелых и озорных, про шалунов и хороших друзей. Меня интересуют все дети, такие, какие они есть.

А Вы писали когда-нибудь повесть, рассказы, сказки?

Писал сказки и рассказы, пьесы и сценарии для фильмов. Повестей и романов не писал. Видимо, не умею. Но все может быть, может, еще и напишу что-нибудь этакое...

Как Вы успеваете так много писать?

Я пишу всегда. Особенно хорошо пишется на

Владимирович

ОТВЕЧАЕТ

Читателей

отдыхе. Но нахожу время и в любое время дня, если только не помешают важные дела.

Выписывали ли Вы в детстве «Пионер»?

Когда я был маленьким, не было еще журнала «Пионер».

Как Вы учились в пятом классе?

В пятом классе учился не так, чтобы очень, но и не так, чтобы очень...

Как Вы относитесь к стихам, которые пишут ребята?

К стихам ребят отношусь серьезнее, чем некоторые ребята, которые пишут стихи. Поэзия — это не баловство и не забава, а серьезное дело. Это в первую очередь Призвание. Потом Труд и Вдохновение, Терпенье и Самокритика.

Когда Вы учились в школе, с Вами случались истории, похожие на ту, которая описана в пьесе «Товарищи-дети»?

Случались разные истории, но такой не случилось. Это я просто выдумал.

Почему Вы назвали свою пьесу «Товарищи-дети»?

Дети — мои товарищи!

Что Вы больше любите писать: стихи или пьесы?

И то и другое.

Долго ли Вы писали вашу пьесу?

Эту пьесу писал два месяца.

Сколько Вам было лет, когда Вы написали «Дядю Степу»?

Дядю Степу, первую его часть, написал, когда мне было 22 года. И первая его публикация была в журнале «Пионер». Там родился дядя Степа, «Пионер» — его родной дом.

Сергей Владимирович, в 9-м номере журнала «Пионер» было напечатано продолжение «Дяди Степы». Скажите, пожалуйста, Вы придумали этого человека или он был на самом деле?

Дядю Степу я придумал, но я уверен, что такие, как он, живут в Советском Союзе — большие, сильные, добрые и справедливые, настоящие друзья ребят — девочек и мальчиков.

Почему Вы вдруг решили написать продолжение «Дяди Степы»?

Надо было закончить когда-то начатую поэму. Дядя Степа пришел с военной службы, пошел работать в милицию. У него родился сын Егор. Егор Степанов стал космонавтом. Дядя Степа вышел на пенсию, стал ветераном труда. Я хотел показать, что, несмотря на свой возраст, он не перестал дружить с ребятами. А потом он стал дедом. На этом я и поставил точку. Дальше продолжать поэму не буду. Не писать же о том, как он совсем состарится и умрет! Пусть он вечно будет живым для наших детей.

Будут ли напечатаны Ваши новые стихи, пьесы в будущем году?

В год моего юбилея выйдет несколько моих книг. В том числе толстый сборник стихов и сказок в издательстве «Детская литература», книги басен с новыми иллюстрациями веселых художников, сказка «Сон с продолжением».

Интересно узнать, что Вы сейчас пишете?

Сейчас я пишу басни. Новый цикл басен.

Пишете ли Вы для взрослых людей?

Для взрослых я пишу пьесы-комедии. Сейчас написал новую под названием «Эстакада».

Случались ли с Вами какие-нибудь истории под Новый год?

Однажды в Новый год я застрял в лифте. Так и встречал Новый год взаперти.

Что Вы желаете друзьям в праздник?

Всем своим друзьям желаю одно: чтобы все были здоровы и счастливы и чтобы на земле был мир и не было войны!

Рисунки А. БОРИСОВА.

Полное имя этого самого грозного вида наших Вооруженных Сил звучит так: Ракетные войска стратегического назначения (РВСН). Почему стратегического? Потому что оружие, которым управляют наши ракетчики — межконтинентальные и средней дальности баллистические ракеты с ядерными боеголовками, — способно принести армии не только тактический успех, победу в одном бою, но и решать судьбу огромных сражений и даже всей войны.

Но если бы мы попали сейчас на стартовую позицию, то... не увидели бы никакой ракеты. Разве что заметили бы под снегом или маскировочной сеткой небольшое возвышение — крышу шахтной пусковой установки. Теперь представим, что с командного пункта пришел сигнал готовить ракету к пуску. Тотчас же сработает специальное устройство, крыша откроется, и мы увидим глубокую шахту, внутри которой поддерживаются постоянные температура, влажность, давление. Такое уж оружие у Ракетных войск стратегического назначения — очень грозное и очень чуткое. Такие и люди — обязательно сильные,

РАКЕТНЫЕ ВОЙСКА

но и обязательно интеллигентные, широко образованные.

С нашими сегодняшними ракетчиками мне, военному журналисту, доводилось встречаться в самых разных ситуациях: на полигонах во время пусков, когда ракета в ореоле вырывающегося из шахты пламени медленно поднимается над землей и все вокруг дрожит от яростного гула ее двигателей; на проверочных работах, где воины превращаются в инженеров и даже ученых, потому что работать с такой техникой — всегда творчество; на командных пунктах, где...

А давайте вместе заглянем на один из командных пунктов Ракетных войск стратегического назначения. Только, чур, тихо: здесь к посещениям не привыкли, здесь бывали очень и очень немногие.

...Осторожнее на ступеньках лестницы (ракетчики иногда называют ее по-морскому «трапом»), оглядываться и отдыхать будем на площадках, их до конца нашего спуска будет еще много. Над нами одна за другой захлопываются тяжелые крышки люков. Вот

уже кажется, что мы остались совсем одни. Но мелькнул впереди свет, открылась взгляду просторная комната—это и есть командный пункт, КП. Не правда ли, похоже на залы вычислительных центров, которые иногда показывают по телевизору? Стойки с аппаратурой, пульта, разноцветные схемы, светящиеся цифры... Но какая удивительная и какая настораживающая тишина!

Офицеры боевого расчета одеты в непривычную форму, похожую на одежду подводников, на коротких прическах лихо заломлены береты, ноги обуты в мягкие тапочки—тоже для тишины. Впрочем, шаги глушатся и ковром: он покрывает почти всю комнату.

Офицеры в любую секунду готовы к работе по поступившему сигналу, но есть у них и другая, постоянная работа: поддерживают связь с вышестоящим командным пунктом, со своими ракетами. Да, ракеты тоже разговаривают—конечно, на своем языке, языке электрических сигналов и цифр. Ракетчик должен его мгновенно расшифровать, проанализировать, принять единственно правильное решение.

Октября стратегические ракеты впервые вышли на Красную площадь. Появилось оружие, которое гарантировало сокрушительный ответный удар любому агрессору. Встал вопрос: распределить ли его по уже имеющимся видам Вооруженных Сил или образовать новый вид? В январе 1960 года на сессии Верховного Совета СССР было объявлено о создании Ракетных войск стратегического назначения.

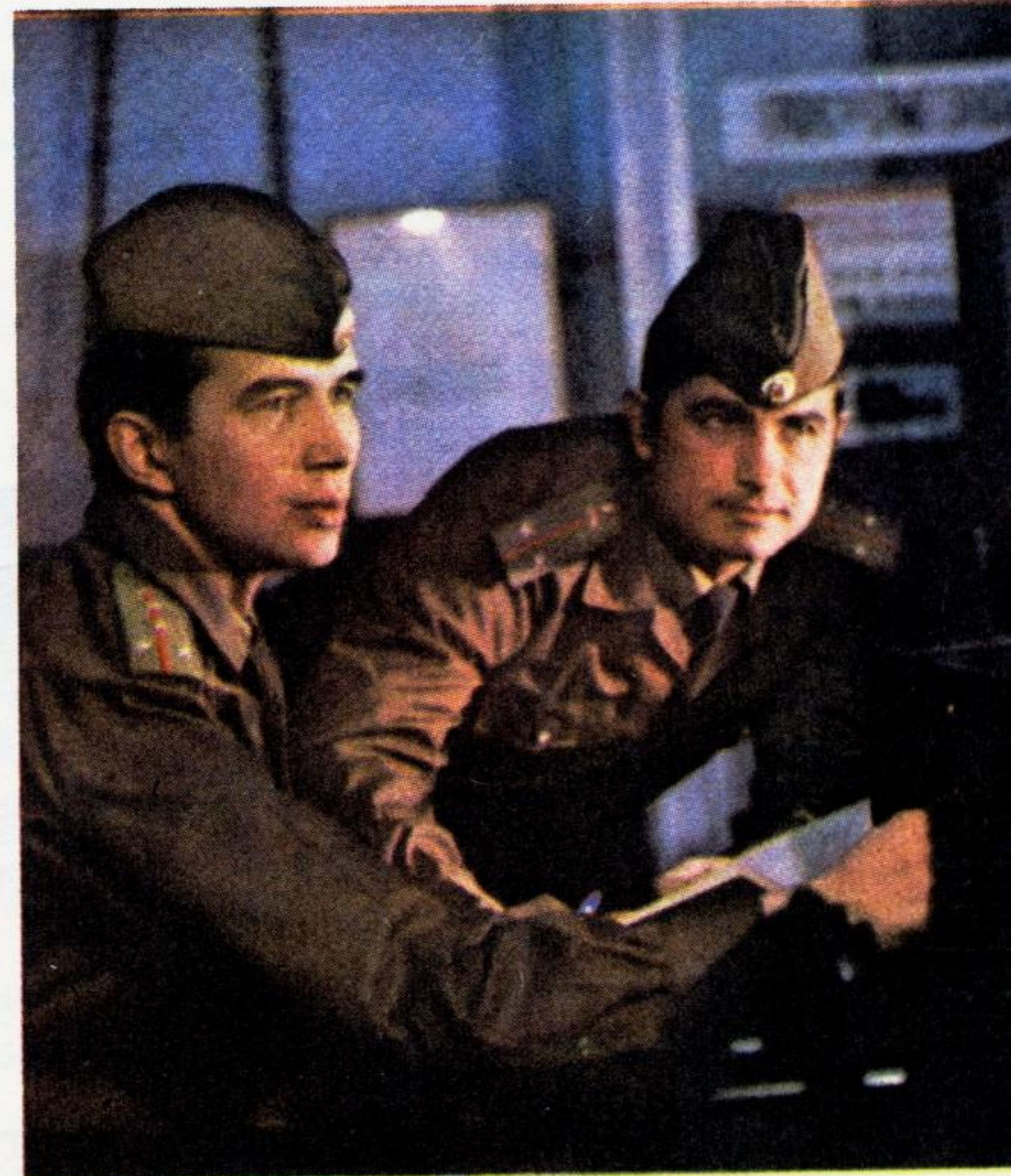
В новые войска брали лучших из лучших. Первый главнокомандующий РВСН Главный маршал артиллерии Митрофан Иванович Неделин сформулировал требования к ракетчику: он «... должен иметь светлую голову, прочные знания, любить новую технику, уметь разобраться во всех ее тонкостях, быть кристально честным и дисциплинированным человеком».

Первые ракетные части было решено создавать на базе прославившихся в Великой Отечественной войне полков, одним из которых был полк реактивной артиллерии. Выбор не случайный: ведь снаряды реактивной артиллерии—знаменитых «Катюш»—это те же самые ракеты, только неуправля-

Воины часто бывают в подшефной школе, знакомят ребят с современной техникой.

Офицеры-ракетчики внимательно следят за показаниями приборов.

А для этого должен знать основы и даже тонкости очень многих наук: математики, механики, баллистики, аэродинамики, радиоэлектроники, кибернетики, химии...

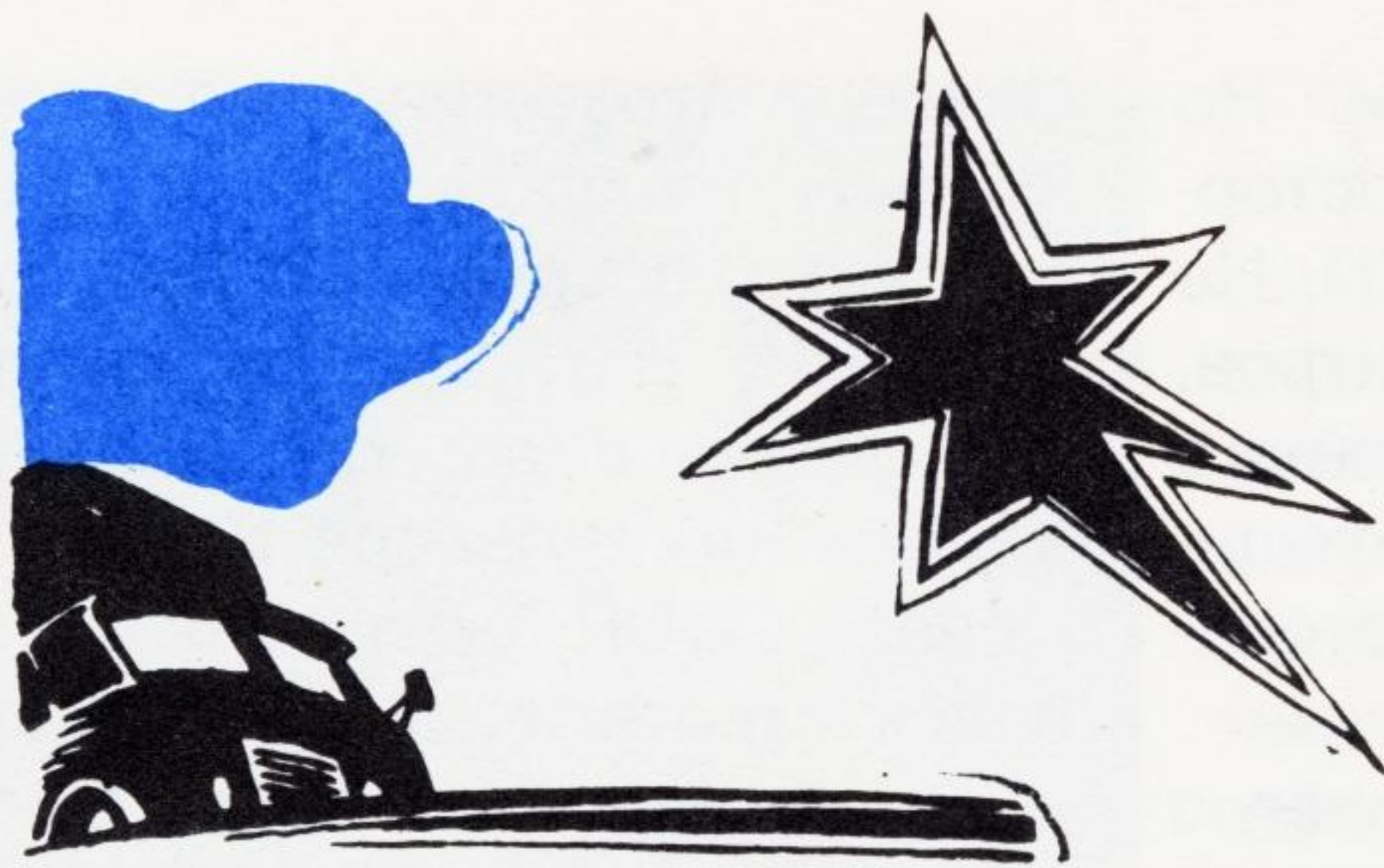
Но, пожалуй, начинается настоящий ракетчик с любви к Родине, ведь Ракетные войска стратегического назначения днем и ночью несут постоянное боевое дежурство, их боевая готовность—это мир на земле. Думать о его защите приходится все серьезнее и серьезнее.

Подсчитано, что после второй мировой войны Америка больше двухсот раз использовала свои войска против других стран, причем в тридцати трех ситуациях угрожала применить ядерное оружие. А начался этот шантаж еще в первые послевоенные годы, когда США уже имели атомную бомбу, а мы еще нет. Но в августе 1949 года в Советском Союзе был успешно произведен испытательный атомный взрыв, через восемь лет прозвучало сообщение ТАСС о создании и испытании в СССР многоступенчатой баллистической ракеты, а на параде в честь 40-летия

емые. А если заглянуть еще дальше в историю, то найдем, что первые отечественные ракеты были изобретены еще в начале прошлого века талантливым русским артиллеристом А. Д. Засядко, они получили боевое крещение в русско-турецкой войне 1826—1827 годов. Не все знают, что ракетчиком был одно время и Лев Николаевич Толстой, служивший под началом генерала К. И. Константинова, чьи ракеты применялись русскими войсками в Крымской войне.

...Есть в РВСН традиция: после каждого учебного боевого пуска воины рисуют на шахтных пусковых установках красную звездочку. Настанет день, и кто-нибудь из вас нарисует на опаленном металле свою звезду. Но путь к ней нужно начинать уже сейчас, ведь Ракетные войска—это знания, мужество, воля, любовь к Родине и... еще раз знания.

В. ВЕРСТАКОВ,
лауреат премии
имени Бориса Полевого.

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ЖУРАВЛЁНОК МОЛНИИ

РОМАН ДЛЯ РЕБЯТ И ВЗРОСЛЫХ

Продолжение. Начало в №№ 1, 2.

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

А завтра все было не так. Завтра — на одной напряженной ноте выл мотор, и «МАЗ» летел по кольцевой дороге, как тяжелый спутник по орбите. И Журка, подавшись к ветровому стеклу, каждой клеточкой, каждой жилкой рвался вперед.

Скорее, скорее, скорее!

...Утром все начиналось, как было задумано. Журка с мамой разыскали прошлогоднюю одежду, в которой он был с Иринкой на качелях, на картине «Летний день». Пускай будет все-все, как прошлым хорошим летом. (Только старенькие кроссовки оказались малы, и пришлось надеть новые сандалеты.) Журка положил в нагрудный кармашек завернутое бритвенное лезвие. Потом повел глазами по полкам. Какую книжку подарить вместе с ленточкой Иринке? Наверно, «Олаудаха». Они с Иринкой столько вечеров сидели над этой книгой, придумывали рассказ для сбора...

Он уже совсем собрался бежать к Брандуковым, и тут его кольнула совесть: а Горька?

Горьку надо было позвать. Нехорошо получится, если Журка уйдет к Иринке один. Горька — он тоже их друг. Но... если будет Горька, разве с Иринкой поговоришь о важном? Разве побродишь спокойно по тем парковым закоулкам, где бродили в первый день знакомства? Разве помолчишь, если захочется помолчать о чем-то знакомом и понятном? Горька хороший. Но он будет болтать, неуклюже шу-

тить — специально, чтобы разогнать печаль прощания. А ее не надо разгонять. Ни к чему. Просто нельзя...

Журка нерешительно затоптался у двери. Что же делать? И тут же успокоил совесть (не совсем успокоил, но приглушил) тем, что сначала пойдет к Иринке один, а под вечер они вместе зайдут к Горьке.

Но пока он топтался, мама вспомнила, что надо сходить за хлебом.

— Сбегай, Журка, это недолго. А то я с обедом не управлюсь...

Не спорить же. Он побежал, помахивая легкой плетеной сумкой и прыгая через тени тополей. Тени были теперь курчавые — на обрезанных сучьях дрожали от ветерка молодые, но частые листья. А Журкина тонкорукая и тонконогая тень была быстрая, ловкая, нетерпеливая. Иногда она даже обгоняла Журку, а когда он высоко подпрыгивал, отрывалась и улетала к заборам.

Журка вдруг понял, что ему ни капельки не грустно. Может быть, потому, что утро было очень солнечное и синее. А может быть, оттого, что если бежишь вот так наперегонки с тенью, то печальные мысли не могут за тобой угнаться. Да и надо ли сильно грустить? Конечно, плохо, что Иринка уезжает, но дружба-то не кончается. И они еще тысячу раз встретятся. И будет еще много хороших дней.

К маленькой булочной на углу Парковой и Красноармейской Журка подошел совсем веселый. Там как раз подъехал фургон, и продавщицы принимали лотки с батонами и караваем. Но эта задержка не испортила Журке настроения. Он посидел на штaketнике перед магазином (солнце жарило плечи), дождался, когда станут торговать, купил батон и половинку украинского хлеба, а на сдачу — посыпанный сахарной пудрой рогалик.

Вернулся он через полчаса.

Но как много значат иногда полчаса!

Журка не стал звонить, открыл дверь своим ключом. Поставил сумку в кухне, шагнул в свою комнату... и увидел себя. Как в зеркале. Но это было не зеркало, потому что рядом с ним, с Журкой, стоящим на доске качелей, сидела Иринка. Это была картина «Летний день».

Она стояла на тахте, прислоненная к стеллажу.

Зачем она здесь? Резкая тревога сразу обожгла Журку. Вошла мама. Журка глянул на нее с нетерпением: что случилось? Мама сказала как-то виновато:

— Иринка заезжала со своим папой. У них что-то изменилось, они улетают прямо сейчас.

— Что изменилось, почему? — беспомощно спросил Журка.

— Я не знаю точно, они очень торопились... Игорь Дмитриевич получил какое-то письмо, ему завтра надо быть во Владимире. Поэтому они сейчас самолетом до Москвы, а там по железной дороге до Владимира, это недалеко... А Вера Вячеславовна поедет завтра поездом, с вещами... «Ему надо скорее, а Иринке-то зачем? — думал Журка. — А, ну, конечно, они с матерью не захотели отпускать отца одного. У него сердце и вообще... И чего меня понесло ни раньше, ни позже в булочную?» Эти мысли проскакивали какими-то равнодушными серыми строчками, будто думал кто-то другой. А Журка... Он стремительно тонул в прихлынувшей тоске. Неужели это он совсем недавно скакал по улице, беззаботный и почти веселый? Сейчас не было ничего, кроме едкой тоски и обиды на дикую несправедливость. Почему все так нелепо? Почему именно в эти полчаса? Зачем кому-то понадобилось отнимать у него и у Иринки этот последний день?

— Они очень жалели, что тебя нет, — сказала мама. — Но ждать было нельзя, они торопились, на такси заехали... А картину подарили нам на память. Такая прелесть, верно?

— Ну при чем здесь прелесть? — с болью откликнулся Журка. — Я же ничего не успел...

Мама поняла.

— Что же делать, Журавушка...

Что делать? Самолет улетает не сразу. Сначала регистрация билетов, потом очередь у выхода на поле. Журка летал, знает! Если уговорит маму схватить на улице такси... Но разве схватишь его здесь, далеко от центра, да еще в выходной день? Это если только счастливый случай...

Но делать что-то надо. Журка чувствовал с нарастающим отчаянием, что, если не скажет Иринке хотя бы несколько слов, если не отдаст ленточку с надписью «Виндроуз» и книгу, если не махнет вслед самолету, что-то очень надломится в жизни.

А может быть, все же можно успеть? Может быть, если...

В это время очень громко затарахтел звонок. «Они вернулись!» — радостно понял Журка и кинулся к двери. Но это была не Иринка и не Игорь Дмитриевич. Это был отец.

Он мельком взглянул на Журку и озабоченно сказал маме:

— Ты мне, Света, собери что-нибудь поесть, дай с собой. Обедать не приеду, в середине дня начнем со склада материалы в лагерь возить, будет не до того...

— Выходной работаете да еще без обеда, — укоризненно отозвалась мама.

— Воскресник же. Лагерь-то надо сдать к каникулам. Все родители там работают. Юрий вон тоже, небось, запросится отдыхать...

«Никуда я не запрошусь», — подумал Журка. И вдруг сказал:

— Папа...

Видно, как-то по-особому сказал. Отец вздрогнул и посмотрел на него.

— Папа... Иринка уехала, — с тоской сказал Журка, почти забыв про все, что было. — Я не успел попрощаться, они на самолете... Папа, если на машине, то можно успеть в аэропорт!.. Папочка...

Отец мигнул, по мускулам его лица словно прошла короткая рябь. Потом лицо затвердело, и отец глуховато сказал:

— Давай.

...И вот гудящий тяжелый грузовик летит по исполинскому асфальтовому кольцу. Это не самая короткая дорога, через город ближе, но там светофоры, пробки, а здесь можно до поворота к аэропорту мчать на предельной скорости. И эта нетерпеливая скорость воет в моторе, звенит в каждой нервной струнке у Журки.

Дорога пошла по широкой дамбе. Слева громадами белых кварталов, стеклянными цехами и тонкими трубами начал поворачиваться, будто на гигантском блюде, «Сельмаш». Справа зазеленели луга, очерченные по горизонту кромкой леса. Оттуда, из-за синей кромки, взлетел и круто пошел в небо необыкновенно большой ТУ-134.

Но это еще не тот самолет, который увезет Иринку, не тот. Журка успеет. Вон как мчится под радиатор серое полотно асфальта! Вон как прочно лежат на руле отцовские руки. Они сразу и четко дали машине самый верный, самый рассчитанный курс.

У отца резкий профиль, спокойный, но не отрывающийся от дороги взгляд. Не поворачиваясь к Журке, отец сказал:

— Ничего, Юрик, успеем. Точно успеем.

Тревожные Журкины жилки слегка ослабели. Раз отец сказал, можно верить. Он же пилот, ас автомобильных дорог.

Только бы ничего не случилось...

— Папа, а за нами, по-моему, милиция на мотоцикле, я в зеркальце заметил.

— Едут. Ну и что?

— Тебя не остановят за превышение?

— А нету никакого превышения, идем как надо... Да и ребята на мотоцикле знакомые.

— А тогда нельзя чуточку скорее?

— Нельзя. Да и не надо, все будет нормально.

Хорошо, если нормально. Если успеют. Потому что в таких случаях успевают не всегда. А случаев таких в жизни множество. Он слышал про них, читал, смотрел в кино. Про то, как один друг уезжает, а другой отчаянно старается догнать его, потому что это очень важно для них обоих. И вот человек рвется по летящей навстречу дороге, скачет на коне, летит на самолете, несется под штормовым парусом, мчится в машине, стараясь напряжением всех мускулов и нервов добавить скорости мотору. Скорее, скорее, ско...

Молния ударила горизонтально — черной свистнувшей полосой. И в короткий-короткий миг после этого Журка успел подумать о многом: «Что это?.. Какая аккуратная дыра в середине стекла. И какие мелкие трещинки вокруг дыры... А небо в ней гораздо синее, чем за стеклом... Это выстрел? Теперь не успеть, папа не поедет с разбитым стеклом...»

Журка рывком повернулся к отцу. Тот одной рукой держал руль, а другую прижимал к лицу, и между пальцами набухали красные капли.

— Папа!

— Ничего, ничего, Юрик, сейчас...

Машина замедлила ход и осторожно встала у края дамбы.

— Папа!

— Ничего, Юрик, глаза целы...

Он оторвал от лица ладонь, и лицо это было незнакомым — в алых пятнах и черных трещинках, из которых, пульсируя, выталкивались тонкие красные струйки. Но Журка растерялся лишь на миг. Все равно это было папино лицо. Журка заплакал — не от страха, а от жалости, рванул из-под ремешка рубашку, выхватил из кармана бритвочку.

— Папа, я сейчас, я перебинтую...

Лезвие оказалось тупым, Журка суетливо кромсал им подол рубашки.

— Да что ты, не надо, аптечка есть...

Журка оторвал застежку на коричневой сумке с красным крестиком, выхватил перевязочный пакет, дернул, как надо, нитку (на «Зарнице» учили), размотал марлевую ленту.

— Папочка, больно? Я сейчас...

В эту секунду распахнулась дверца, в кабину сунулся молодой черноусый милиционер.

— Журавин, Саша! Живой?.. А ну, давай... — Он выхватил у Журки бинт, начал быстро и очень ловко обматывать отцу голову. — Ничего, тут недалеко, в Колпакове, медпункт... Вот гады, из-под насыпи, из кустов бросили. Нас-то не видели, мы левее ехали...

Завязав бинт, милиционер выглянул из кабины и крикнул кому-то:

— Здесь нормально, давай за теми!

У отца остались незакрытыми только глаза и рот. Сквозь марлю проступали веснушками красные пятнышки.

— Больно? — шепотом спросил Журка.

— Да чепуха, щиплет слегка... Вот беда, не получилось у нас. Не догнали твою подружку...

— Да ладно, папа...

Все теперь отодвинулось: Иринка, аэропорт. Не было уже ни тоски, ни жгучего нетерпения, был только страх за отца. Иринке он напишет, объяснит, лишь бы с папой ничего страшного...

Милиционер потянулся к заднему стеклу. Оно было затянато провололочной сеткой, а в ней застрял серый камень. Круглый, размером с небольшое яблоко. Сержант покачал его на ладони, хмуро сказал:

— Вот такой подарочек. Немного бы в сторону — и заказывай по кому-то из вас поминки.

Журка рукавом резко вытер слезы и спросил с тихой яростью:

— Зачем его бросили?

— А черт их знает! Шпана проклятая... Давай, Саша, я сяду за руль.

— Да я сам могу...

— Какое там «сам». Давай.

Отец придвинулся к Журке. Журкины пальцы были в крови. Он вытер их о полуобрезанный

подол, комком затолкал его под ремень, взял отца двумя руками за локоть, прижался к нему плечом. Автомобиль завыл, выбираясь на проезжую часть. Журка неловко покачнулся, ухватил отца покрепче, напряженно глянул на его забинтованное лицо. Опять спросил с тревогой:

— Тебе больно?

Отец помолчал, как-то странно дернул плечами, сказал с хрипотцой:

— Чушь какая, разве это боль... Юрик, сынок, ты меня прости.

— Что? — не понял Журка и опять испугался. Отец так редко говорил «сынок». Может, это от потери крови, от слабости?

— Папа...

— Ничего, Юрик, ничего, родной. Переживем... Все переживем... Да?

Валерик

Порезы оказались неопасными, но каждый день отец ходил на перевязки. Глядя на его забинтованное лицо, Журка сказал однажды:

— Ты похож на марсианина.

Отец почему-то очень обрадовался, ответил весело и невпопад:

— А стекло уже заменили... Ничего, мы еще поедем!

Один раз к отцу приходил незнакомый мужчина — оказалось, что из милиции. Когда он ушел, отец сказал:

— Вот уж не думал! Нашли ведь тех «гранатометчиков», догнали.

— Да?! — зло обрадовался Журка. — А кто они?

— Кто... Пацаны, конечно. Вроде тебя.

— Почему это вроде меня? — сразу ошетинился Журка.

— Ну, я про года говорю. Такие же по возрасту. Чего ты как динамит...

— Мама говорит: весь в тебя, — усмехнулся Журка. — Папа... а что им будет? Этим ребятам...

Отец пожал плечами.

— Откуда я знаю? Что заработали, то и будет... — И ушел опять в поликлинику.

А Журка побежал на репетицию.

Репетиции «Сказки о Золушке» шли одна за другой, потому что предстоял еще один спектакль. И очень важный. Вероника Григорьевна с таинственным видом говорила, что ожидается какой-то сюрприз. Все выпытывали: какой? И она сообщила наконец, что, «кажется», пьесу будут снимать для детской телепередачи «Сигнал горниста».

— Ой, мамочка, — шепотом сказала «новая Золушка» — Лида Синявина.

Она была неплохая Золушка. Если по правде говорить, она играла, пожалуй, не хуже Иринки. Только сильно волновалась. Если на репетиции она сбивалась от волнения, Журка терпеливо ждал и подсказывал. И ни капельки на нее не сердился. Потому что это было бы глупо и по-свински. Лидка же не виновата, что Иринка уехала.

И сейчас, когда она перепугалась, Журка сказал ей:

— Не бойся, это же будет съемка. Если что не получится, переснимут, вот и все...

Но сам он ощутил какое-то беспокойство. Его не очень-то обрадовало участие в телепередаче.

— Конечно, вся пьеса в передачу не влезет, — разъяснила Вероника Григорьевна. — Только самые интересные эпизоды. — Но все равно! Пред-

ставляете, охломоны вы мои ненаглядные, как это здорово! Вся область вас увидит на экране! Школу свою прославите... Но и ответственность какая!

Журка прислушался к своей тревоге. Нет, его не пугала ответственность. Тут что-то другое. Кажется, дело все же в Иринке.

В том, что не она будет Золушкой.

По всей справедливости должна была играть Золушку она. Именно для передачи. Назло всему, что случилось! Если одна передача принесла ей столько несчастий, пускай другая будет ее победой!

Но это было невозможно... Ощущение такой невозможности, все эти беспокойные мысли очень мешали Журке на репетиции. Он даже начал злиться на Лидку. Вероника Григорьевна сказала:

— Журавин, да что с тобой сегодня? Ну-ка, соберись, голубчик.

Он вздохнул и постарался «собраться»...

В субботу провели генеральную репетицию. Ради такого дела «артистов» освободили от уроков. Вероника Григорьевна доказала директорше Нине Семеновне, что репетировать надо на свежую голову, с утра.

Пришла незнакомая женщина — в джинсах и замшевой куртке, высокая, с красивым лицом, с резким нарисованным ртом и короткой прической. Звали ее Эмма Львовна. Оказалось, что она с телевидения.

Эмма Львовна весело, но решительно вмешивалась в репетицию, громкими хлопками ладоней останавливала игру на сцене, что-то проверяла по часам, делала пометки в блокноте. Оробевшая Вероника Григорьевна кивала и со всем соглашалась.

Впрочем, ребятам Эмма Львовна понравилась. Благодаря ее напору и быстроте репетиция закончилась уже в половине двенадцатого. Полагалось идти на два последних урока, но Вероника Григорьевна переглянулась с Эммой Львовной, подмигнула ребятам и сказала:

— Так и быть, разбегайтесь и отдыхайте до понедельника. Ответственность мы берем на себя.

«Актеры» громким шепотом сказали «ура» и дунули по домам.

Когда Журка вернулся из школы, дома никого не было. Мама, несмотря на субботу, ушла в мажбуро: ее попросили перепечатать срочную работу. Отец, видимо, был в поликлинике.

День стоял совсем летний, жаркий, воздух в комнатах перегрелся. Журка с наслаждением распахнул все окна, вытащил из холодильника бутылку молока, глотнул из горлышка (вот мама-то не видит!), смочил в ванной нажаренную солнцем макушку и начал торопливо переодеваться: они с Горькой договорились пойти на двенадцать тридцать в кино.

Кто-то нерешительно, сбивчиво позвонил. Явно не Горька. Журка торопливо заправил в шорты подол желтой рубашки (мама ее уже починила) и открыл дверь.

За дверью стояли незнакомые люди: пожилая, почти старая женщина и темноволосый мальчишка с сумрачными глазами волчонка. Сразу, в одну секунду, Журка ощутил, что веет от них какой-то бедой.

Женщина, переминаясь, проговорила:

— Ты, мальчик, извини... Журавин здесь живет?

— Да, это я, — почти с испугом сказал Журка. — То есть мы все Журавины. А что?

— Значит, папа твой... — пробормотала женщина. И вдруг дернула мальчика за плечо: — Вот, привела,

чтоб прощения просил! За камень за свой дурацкий! Он ведь бросил-то! Теперь, если папа твой не простит, совсем худо...

Плечо у мальчишки мотнулось, и он опустил голову.

Журка смотрел на него и на женщину с удивлением и растерянностью. Неужели этот парнишка в самом деле бросил камень? И зачем они пришли?

— У, паразит, — жалобно сказала женщина мальчику, а у Журки заискивающе спросила: — Папочка-то дома?

Журка внутри себя застонал от мучительной неловкости и хмуро сказал:

— Нет. Наверно, он на перевязке...

— Вот беда опять. Что же делать-то?..

— Ну, вы проходите, — пробормотал Журка. — Он скоро придет.

— Да чего же проходить-то, если... — начала растерянно женщина и как-то машинально шагнула в прихожую. Дернула мальчика за собой. Он худыми, какими-то ломкими ногами переступил порог и опять замер, не поднимая головы.

В полутемной прихожей не было окон, и Журка включил яркую лампочку. Женщина растерянно мигнула. Журка увидел ее тоскливые, беспомощные глаза, дряблые щеки, маленький жалобный подбородок и понял вдруг, что это лицо ему знакомо. Но откуда и почему, не вспомнил. Они встретились глазами, и Журка торопливо перевел взгляд на мальчишку.

Тот казался чуть младше Журки. По виду — класса из четвертого. Тощий, с большими ушами, торчащими из-под прямых черных прядок. Волосы упали вперед, лица не разглядеть. Он был в новых сандалетках, голубых носочках, в летнем синем костюмчике с олимпийскими колечками на кармашке. Новый этот костюмчик сидел на мальчишке неловко и твердо, торчал острыми углами — как спичечный коробок, наткнутый косо на длинную лучинку. Кое-где на жесткой материи заметны были слежавшиеся складки. И Журка вдруг догадался, что в эту нарядную, поспешно купленную одежду мальчишку засунули специально: чтобы он казался более приличным, более воспитанным. Даже более маленьким. Это, мол, не хулиган, а ребенок, который случайно совершил нехороший поступок.

Волчонка одели в костюмчик смиренного зайчика. Журка снисходительно усмехнулся этой мысли, но злости к «волчонку» не почувствовал. Появилась только какая-то смесь обиды и пренебрежительной жалости. И еще болезненное любопытство: каково ему сейчас?

Журка представил себя на месте «волчонка» и зябко шевельнул плечами: лучше не думать про такое...

— Вы заходите, — стесненно сказал он. — Посидите...

— Да чего ж... — опять проговорила женщина, однако нагнулась, чтобы расстегнуть туфли.

— Не надо, — поспешно остановил ее Журка. — Что у нас, музей, что ли... Вы идите в комнату и садитесь. Папа скоро...

В комнате он отодвинул от стола два стула. Женщина села, опустила с головы на плечи косынку, разгладила на коленях слишком яркое цветастое платье. Вздохнула. Мальчик не сел. Встал рядом с ней, сбоку от стула. Все такой же: с опущенной головой и неподвижный. Только пальцы его суетливо мяти и дергали края штанишек. Женщина сильно хлопнула его по руке. Потом

громко, будто здесь было много людей, проговорила:

— Родила его на свою голову! На старости-то лет! Маюсь вот теперь... У мальчика тоже проси прощения! Ты ведь и его мог прибить!

«Волчонок» быстро облизал губы, приоткрыл рот, судорожно глянул из-под волос на Журку. У него были какие-то оцетинившиеся и в то же время умоляющие глаза.

— Не надо у меня ничего просить! — почти крикнул Журка. — Вы... посидите. А я пойду. У меня уроки...

Он ушел в свою комнату, сел к секретеру, открыл первую попавшуюся книжку — учебник истории. Посидел над ним, не зная, что делать. Подумал: «Хоть бы скорее папа пришел...» Потом не выдержал, оглянулся.

В открытую дверь женщину не было видно — только краешек стула с цветастым платком. А мальчишка был виден весь. И они опять встретились глазами.

Это был взгляд чуточку дольше, чем первый. И Журка почувствовал, как страшно, мучительно стыдно и тоскливо сейчас «волчонку».

«Если бы знал, ни за что бы, небось, не кинул», — подумал про него Журка.

А зачем кидал?

В самом деле, зачем?

Что его толкнуло схватить булыжник и швырнуть в стекло летящей машины? Ни Журка, ни отец никогда-никогда и ничего-ничего не сделали ему плохого.

Зачем?

Да, это, оказывается, был главный вопрос. Он сразу же засел в Журке твердым колючим кубиком.

Если бы понять: почему был брошен камень? Журке теперь казалось, что жить тогда стало бы проще и легче. Может быть, мальчишка не так уж виноват? И Журка однажды схватил кусок щебня и хотел швырнуть в машину. Правда, вслед, а не навстречу, но мог бы и навстречу. От жгучей боли, от обиды, от злости на весь мир. Что он тогда понимал?

Люди, которые мчались в том «Запорожце», наверняка не хотели обрызгать Журку. Наверно, и не заметили его. Может быть, спешили по важному делу. Но в тот яростный миг Журка считал себя правым. Это хоть как-то можно понять.

А «волчонок»? Может, и с ним было что-то похожее?

Журка опять уткнулся в учебник, не видя ни букв, ни картинок. И тут услышал:

— Мальчик... Наверно, мы потом придем, попозже. Нехорошо так сидеть-то... Мы пока по магазинам ходим, а через часик опять зайдем...

Журка вышел в большую комнату.

— Ну... как хотите. Я скажу папе...

— Ты уж скажи, а мы придем еще раз... Вот не простит тебя его папа, в колонию попадешь, дурак, или в школу специальную... Пошли давай! — Она сильно дернула сына.

— Пойдите, — неожиданно для себя сказал Журка. — Вы его оставьте... Здесь оставьте.

— А... как? Зачем? — растерялась она.

— Идите в магазины, а он пока пускай здесь... Папа придет, они и поговорят.

— Без меня?

— Ну, не вы же камень кидали, — чуть усмехнулся Журка. — Он кидал, он пусть и отвечает.

— Да что он скажет-то? Одно знает: в пол упрется глазами — и ни гугу.

— Ну, ничего. Может, не упрется...

— А будет папа с ним с одним-то разговаривать?

— Будет. Даже лучше, если с одним, — схитрил Журка. — А то скажет: мама пришла заступаться...

Мать взглянула на мальчика.

— Оставайся, я через час приду... Да проси прощения как следует! Слышишь?

— Слышу, — как неживой, прошептал «волчонок». Это было первое, что он сказал здесь.

Журка запер за матерью мальчишки дверь и вернулся в комнату. «Волчонок» все так же понуро стоял у опустевшего стула.

— Сядь, — насупленно сказал Журка.

Тот сразу сел — будто ноги подломились. Сдвинул коленки. Вцепился в них пальцами с мелкими бородавками и грязными ногтями. Стал смотреть перед собой. И Журка увидел, что это вовсе не волчонок, а мальчишка, совсем сломленный бедой. Беспомощный и покорный.

Журка ощутил полную власть над этим пацаненком. Его можно было поставить на колени, можно было отлупить, и он бы не стал сопротивляться. На миг такое всеислие сладко обрадовало Журку. Но если один всеислен — другой полностью беспомощен. А ужас такой беспомощности Журка когда-то сам испытал. Он вздрогнул. Нет, не хотел он для этого мальчишки ни боли, ни унижения. Он только хотел понять...

— Знаешь, зачем я тебя оставил? — спросил Журка.

Мальчик отрицательно мотнул головой.

— А ты подумай! — с прорвавшейся злостью крикнул Журка.

Мальчик помолчал и спросил совсем тихо:

— Бить?

Журку опять передернуло — от стыда и обиды.

— Ну на кой черт мне тебя бить? — резко проговорил он. — Мне только надо знать: зачем ты кидал камень в машину? Скажи!

Мальчик повернул голову и посмотрел на Журку — более долго, чем раньше. У него были очень темные глаза, а вокруг них лежала тень. Может быть, это от природы, а может быть, от какой-то болезни. Или от долгих слез. Глаза смотрели изда- лека, из тоскливой глубины.

— Я не знаю... — прошептал мальчик, и Журка заметил, как под его жесткой, стоящей коробом рубашкой беспомощно шевельнулось плечо.

— Что ты не знаешь?

Мальчик так стиснул коленки, что побелели ногти. Но он не отвел глаз и повторил более громко, с усталостью и отчаянием:

— Ну, я правда не знаю. Все спрашивают: «Почему, почему?» — а я кинул, и все... Просто...

У него оказался неожиданный голос, вовсе не подходящий для такого мальчишки. Низковатый, с хрипотцой, будто от легкой простуды. Таким голосом говорил бы, наверно, плюшевый медвежонок, если бы научился человеческому языку...

Задребезжал в прихожей звонок. «Папа», — решил Журка, но не обрадовался. Ему хотелось окончить разговор один на один.

Пришел не отец, а Горька. А Журка совсем забыл, что они договорились насчет кино!

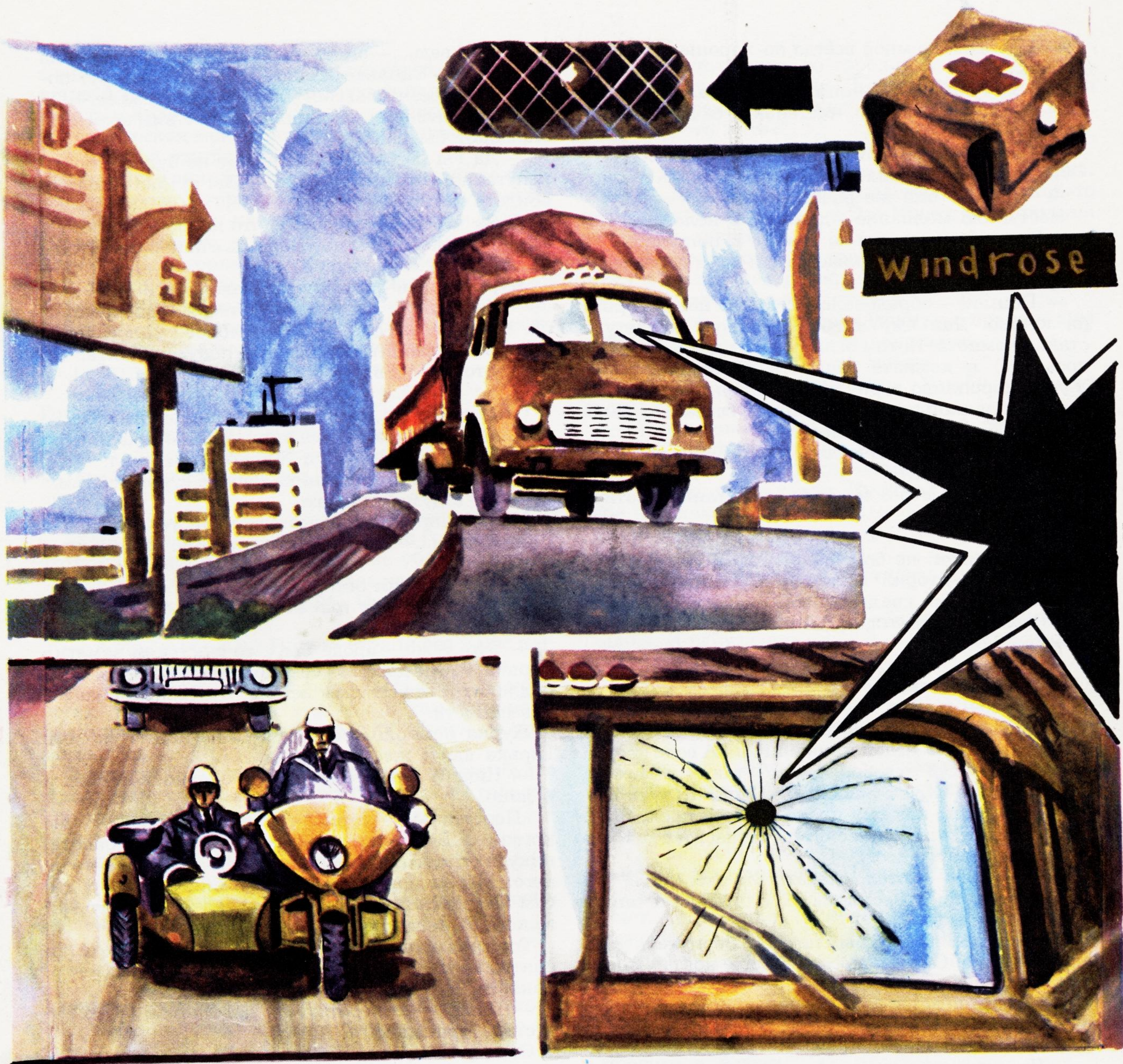
— Идем? — спросил Горька.

Журка сказал, поморщившись:

— Не могу я сейчас. Тут у меня сидит один... «Диверсанта» привели, который в машину камень пустил.

— Да ну-у?! — удивился и, кажется, обрадовался Горька. — Можно посмотреть?

Не дожидаясь ответа, он шагнул в комнату и весело уставился на мальчика.

— Правда, что ли? Этот мелкий гвоздик? — спросил он (хотя сам был лишь чуть-чуть побольше «диверсанта»).

Журка сумрачно кивнул. Горька, все усмехаясь и не отрывая глаз от мальчишки, обошел его по широкой дуге. Тот сначала робко следил за ним, потом съежился и опять опустил голову.

— Ну и что теперь? — спросил Горька у Журки. Журка пожал плечами.

— Я почему знаю? Отца ждет, объясняться будет... А я пока хотел добиться, зачем он кидал. Понимаешь, причину из него вытянуть!

— Тебе не все ли равно, что ли? — сказал Горька.

Журка мотнул головой. Ему было не все равно. Он хотел знать, как рождаются черные молнии, которые в одну секунду могут обрушить на людей всякое горе.

Мальчишка опять поднял глаза и вдруг сказал хрипловатым своим голосом:

— Они все кидали и не попали... Потом Репа говорит мне: «Кидай». Я кинул и попал. Потом побежали...

— Вы что, в партизан играли? — деловито спросил Горька.

— Ага...

— Идиоты! — почти со слезами крикнул Журка. — Это же не игра! В машинах-то настоящие люди! Вы об этом думали?

— Не-а... — прошептал мальчишка.

— Но ты хоть о чем-то думал?

— Чтобы в стекло попасть. Чтобы зазвенело...

— Дать бы тебе, чтобы зазвенело, — беспомощно проговорил Журка. И понял, что больше спрашивать не о чем. Но вспомнил опять, как замахивался камнем сам, и снова спросил:

— А может, ты злился на кого-то, когда кидал?

— Не...

— Да не тяни ты его за душу, — вдруг серьезно сказал Горька. — Ни черта он не соображал тогда.

— Совсем? Так не бывает.

— Бывает. Я, когда бутылку у магазина тащил, разве о чем-нибудь думал? Сейчас, как вспомню, сам удивляюсь...

— Сравнил... — сердито отозвался Журка. И обратился к мальчишке с новой догадкой: — Репа этот... и кто там еще, они тебя насильно заставляли кидать? Отлупить грозились?

Мальчик мотнул головой.

— Не... Они со мной всегда по-хорошему. Заступались...

— «Заступались»...— опять вмешался Горька.— А сейчас, наверно, чистенькие сидят: «Мы ни при чем».

— Они сказали, что не кидали, только я...

— А ты что сказал?— спросил Журка.

— Что... Не они же разбили, а я...

Наступило молчание—длинное и неловкое. Потом Горька ненатурально зевнул и попросил:

— Дай чего-нибудь пожевать, я дома перекусить не успел.

— Пошли!— обрадовался Журка и повел Горьку на кухню. Дал ему хлеба, холодную котлету и стакан компота. Потом оглянулся на дверь: показалось, что в комнате раздался длинный всхлип. Журка торопливо вернулся к мальчишке. Тот сидел, как и раньше, и тоскливые глаза его были сухими. Только дышал чаще.

И совсем неожиданно для себя Журка спросил:

— Есть хочешь?

Мальчик быстро и даже испуганно мотнул головой:

— Не...

— Да пойдем, не бойся,—сказал Журка.

— Не...—повторил мальчик. Суетливо поскреб по полу острыми краями новых сандалеток, коротко вздохнул и спросил, глядя в сторону:— А он меня простит?

— Кто?

— Ну... папа твой...

«Да нужен ты ему...»—чуть не сказал Журка. В самом деле, не будет же отец сводить счеты с этим и так задавленным бедой мальчишкой. А если сперва и вскипит, если заговорит, что «таких с детства учить надо»,—Журка скажет: «Папа, отпусти его. Ты же видишь, как ему плохо...» Отец послушает. Журка знал, что сейчас отец согласится на его любую просьбу.

«Не бойся»,—хотел сказать Журка. И в эту секунду опять позвонили. И опять мальчишка сжался на стуле.

Однако и сейчас это был не отец. Вернулась мать «диверсанта». Она очень огорчилась, когда узнала, что отца еще нет.

— Вот же невезенье какое... А мне к трем часам на работу надо, я в домоуправление подрядилась по субботам полы мыть...

— Ну, так вы идите. А его оставьте,—опять посоветовал Журка.

— Одного-то...

— А что, он дорогу домой не найдет?

— Да найдет... Тут еще одна забота. У него талон к зубному врачу на два часа. А он один, паразит, ни за что не пойдет, сбежит. Он их боится, врачей-то этих, пуще милиции...

Журке не хотелось так сразу расставаться со своим несчастным гостем, он продолжал испытывать к нему странное чувство. Смесь жалости и любопытства. Но самым главным было ощущение нерешенной загадки. И эту загадку понять без мальчишки было невозможно.

— А в какую поликлинику талон? У вас, на «Сельмаше»?

— Да нет, в городскую. В нашей-то нету детского кабинета...

— Это недалеко,—сказал Журка.—Если хотите, мы его сводим.—Он оглянулся на Горьку, который независимо стоял в дверях кухни и пальцами вытаскивал из стакана компотные ягоды. А вдруг Горька скажет: «На фиг нам это надо?» Но тот бросил в рот сливу и кивнул.

— Вот ведь...—опять нерешительно заговорила женщина.—Сколько хлопот вам...—Она вдруг повысила голос, чтобы сын в комнате слышал ее.—Он вон чего натворил, окаанный, а вы с ним возитесь! Наоборот бы надо!

— Да вы не бойтесь, наоборот не будет,—почти испуганно отозвался Журка.—Вы думаете, мы его обидеть хотим?

— Да что ты! Я же вижу, что вы по-хорошему... Мальчик, может, ты поговоришь с папой-то? Чтобы он не очень сердился. А?

Журку опять скрутило от неловкости.

— Да ладно... вы не волнуйтесь,—пробормотал он, стараясь не смотреть в дряблое, жалостливое лицо. И с непонятной тревогой подумал опять, что лицо это где-то видел.

Отца так и не дождались и в половине второго повели «пленника» в больницу. Мальчишка понуро шагал между Горькой и Журкой и молчал.

Недалеко от поликлиники Горька сурово сказал:

— Не вздумай драпать.

Мальчишка отозвался тихо и немного удивленно:

— Куда я...—И при этом глянул не на Горьку, а на Журку.

Журка спросил осторожно:

— Дергать будут или сверлить?

— Сверлить...

— Это хуже,—вроде бы с сочувствием заметил Горька.—Мне два раза сверлили, дак я над креслом подлетал и опуститься не мог, будто космонавт в невесомости.

Журка поморщился и глянул на него с укором. Горька вдруг жестко сказал:

— Ничего. Это все же не так больно, как стекла в лицо.

«Перестань!»—хотел крикнуть Журка. И не крикнул. В Горькиной суровости была правота, никуда от этого не денешься. И не за что кричать на него. Журка почувствовал себя виноватым, будто сам оказался на месте «диверсанта». И опустил голову. А когда поднял, увидел отца.

Тот шел навстречу. Бинты с лица у него были сняты, но на лбу и на щеках белело много марлевых наклеек.

— Папа...—растерянно сказал Журка, будто его застали врасплох.

Отец улыбнулся, и белые наклейки зашевелились.

— Вы, гвардия, куда маршируете?

— Да...—сбивчиво начал Журка,—вот его... к зубному врачу провожаем, чтобы веселее было.

Он локтем ощутил, как дрогнул и боязливо напрягся рядом «пленник». Краем глаза увидел Горькину усмешку. И торопливо, чтобы Горька не сунулся в разговор, спросил у отца:

— Ты почему так долго у врача был?

— Очередь к хирургу. И возились со мной порядочно... Домой скоро придешь?

— А вот с зубом дела закончим и придем.

— Ну, давайте,—добродушно сказал отец.—Зуб—дело серьезное.

Когда разошлись, Горька небрежно сказал мальчишке:

— Хорошо ты разукрасил дяденьку. Видел?

Журка думал, что мальчишка промолчит, но тот негромко ответил:

— Видел...

И это, кажется, смутило Горьку.

Перед белой дверью с табличкой «Детский стоматолог» никого не было. Из кабинета доносились еле

слышное позвякивание и тихий голос. Эти звуки лишь подчеркивали неприятную тишину, которая висела в коридоре. У Журки шевельнулась совсем не героическая мысль: как все-таки хорошо, что не ему идти за эту белую дверь.

В большое окно безудержно рвался поток солнца. Совсем летнего, горячего. Лучи нагревали желтый пол и широкую клеенчатую скамейку. Журка, Горька и совсем поникий «пленник» присели. Клеенка была горячая, будто под скамейкой пряталась печка, но мальчишка зябко ежился и потирал ноги: на них, как от холода, высыпали пупырышки.

Дверь открылась. Из кабинета, держась за щеку, вышла девчонка с мокрыми глазами и, не взглянув на ребят, торопливо пошла по коридору.

— Да-а... Там, видать, не курорт...— сказал Горька.

Мальчишка молча вцепился в края скамейки.

Из-за двери показалась пожилая женщина в халате и косынке—видно, медсестра. Весело удивилась:

— Ого! Сразу три богатыря! Кто первый?

— Да нет, один только,—отозвался Горька.— Вот этот. А мы конвоируем, чтобы не убежал.

Медсестра быстро наклонилась над мальчишкой, легонько взяла его за локоть. Сказала серьезно и ласково:

— А зачем убежать? Ничего страшного у нас нет. Пойдем, не бойся, мальчик. И не слушай их...

Мальчишка рывком поднялся. На ломких своих ногах покорно шагнул к двери и там, у порога, беспомощно оглянулся на Журку. Дверь за ним закрылась.

С минуту Журка и Горька сидели молча, будто ждали чего-то. Потом Горька бесцветным голосом проговорил:

— Сейчас завопит.

И тут Журка не выдержал:

— Ну зачем ты так?!

— Как?—не удивившись этому крику, спросил Горька.

— Ну вот так! Издеваешься!

— А ты его жалеешь...

— Ну и что?!—запальчиво сказал Журка. И повторил тихо, уже по-другому:—Да. Ну и что?

Горька помолчал и ровно проговорил, глядя на дверь:

— А я жалею тебя.

— За что?

— А если бы камень тебе в лоб? Если бы черепушка пополам?

— Но он же не попал... Он же не знал про меня. Он вообще не думал!

— Вот потому и гад, что не думал...

— Но ты же сам говорил... Ты сам его оправдывал! Когда про бутылку...

— Оправдывал?—Горька усмехнулся.—Я просто объяснил. И про него, и про себя.

— Не трогай ты его, он сейчас беззащитный.

— Мы все беззащитные,—откликнулся Горька.

— Почему?—удивился Журка.

— А нет, что ли? Что хотят с нами, то и делают. Захотели—погладили, захотели—пинка дали...

«Опять с отцом не поладил»,—догадался Журка и сказал:

— Если тебе плохо, на других-то зачем кидаться...

— А вот я такой,—усмехнулся Горька, и глаза его сумрачно блеснули из-под медной челки.

— Какой «такой»?

— А вот такой. Подлый,—безжалостно сказал Горька.

— Ты чего ерунду-то городишь?

— Ерунду так ерунду. Значит, дурак...—как-то неохотно отозвался Горька.—Тебе-то что?

— Как это «что»?

— Ну, я тебе кто? Брат, бабушка, мать родная?

— Я думал, ты мне друг,—тихо сказал Журка.

— Я? Да ну-у...—Горька засмеялся с какой-то ненастоящей легкостью.—Это Ирка у тебя друг. А я так, сбоку припека...

— Не мели чушь!—крикнул Журка. Крикнул, пожалуй, слишком громко, потому что в Горькиных словах была кое-какая правда.

— Да нет, не чушь,—вздыхнул Горька.—Она тебе, наверное, уже письмо написала...

— Ну... написала. А что такого?

— А мне сроду не напишет... У тебя и портрет висит: ты да она.

— У нее тоже висит: она, я да ты. Втроем.

— Ну да. Я там шутком нарисован.

— Горька... Ну ты чего?—виновато сказал Журка.—Это же пьеса такая. Ну играл бы принца, кто тебе не давал? Ты же мог...

— В пьесе-то мог...

Журка сказал осторожно:

— Иринка уехала, мы остались двое. Неужели нам теперь ссориться?

— Разве мы ссоримся?—будто бы удивился Горька. И вдруг спросил:—А ты мою фотографию повесил бы? Как Ромкину?

— Зачем?—испуганно спросил Журка.

— Ну, если бы... я, как Ромка...

— С тобой сегодня что? Заболел или не выспался?

— Ты не вертись, ты скажи,—усмехнулся Горька и опять блеснул глазами из-под медных волос.

Журка помолчал и проговорил неохотно:

— Я не хочу... про такое. Знаешь, Горька, я немного верю в приметы. Поэтому лучше не надо...

— Надо. Не вертись,—заупрямился Горька.—Я, может, тоже верю. И мне как раз надо. Только честно.

Журка украдкой сложил в замок пальцы, чтобы не случилось беды, и честно сказал:

— Да, повесил бы. А ты как думал...

Горька вроде отмяк немного. Что-то хотел сказать, но открылась дверь, и вышла медсестра. Спросила у Журки:

— Как зовут братишку-то? Мне надо карточку заполнить, а он с открытым ртом сидит и только гыкает.

— Братишку?—растерялся Журка.—Я не знаю... Он не братишка.

— Мы с ним случайно,—разъяснил Горька.—Просто нас попросили покараулить, чтобы не сбежал.

— Странно... А он сказал, что который в желтой рубашке, тот брат. Значит, не поняла... А как зовут-то вашего приятеля?

Журка с Горькой переглянулись. Журка виновато пожал плечами.

— Ну и ну!—неласково сказала медсестра и скрылась.

Все это перебило прежний разговор Журки и Горьки. Теперь они сидели потупившись и молча. Журка запоздало расцепил пальцы.

Минуты через три медсестра вывела мальчишку. Сказала ему:

— Видишь, ничего страшного. А послезавтра будет совсем пустяк. Пломбу заменим, вот и все. Приходи к девяти...—Она глянула на Журку и сухо сообщила:—Между прочим, его зовут Валерик.

На крыльце Журка спросил у Валерика. Спросил не сердито, а даже смущенно:

— Ты почему сказал, что я твой брат?

— Я не говорил,— пробормотал Валерик.

— Ну да, не говорил. Она же сказала...

— Она меня спросила: «Там твои друзья сидят?» А у меня же рот открыт был, а за щекой вата...

— Ну и что?

— Я говорю: «Ых...» Ну, значит, «нет». А она опять: «Может, там твой братишка есть?» Я опять сказал «ых». Она, наверно, подумала, что это «да»... Потом опять говорит: «Это который в желтой рубашке?» А я опять...

Он впервые сказал подряд несколько фраз. И вдруг будто испугался такого многословия — замолчал.

— А ты опять: «Ых», — закончил за него Горька. И снисходительно разъяснил: — Это она тебе зубы заговаривала, чтобы ты кресло не промочил со страха... Штанишки сухие?

Журка наградил Горьку злым взглядом и больше не смотрел на него. Стал смотреть сбоку на Валерика. Тот опять шел понурый и покорный — готовый вынести все, что ему приготовлено. Он был похож на печального Буратино, только без колпачка и длинного носа.

Журка все отчетливее чувствовал, что «молния» родилась не в руке этого мальчишки. Она родилась где-то раньше. Потому что по Валерику она тоже ударила. Журка не смог бы объяснить эту мысль словами, но он будто видел, как в воздухе вспыхивает черная звезда и одним лучом врубается в стекло машины, а другим валит навзничь мальчика в синей жесткой рубашке (хотя тогда Валерик, наверно, был одет не так).

— Слушай, а ведь не ты бросил камень, — уверенно сказал Журка.

— Я... — откликнулся Валерик. — Если бы не я, тогда я бы не признался... — Он помолчал и вдруг сказал с тем же долгим всхлипом, который Журка слышал в комнате: — Стекло на машине, оно выпуклое... За ним людей не видать совсем, только все в нем отражается. Все мелькает, как кино в телевизоре. Я и кинул. Я не знал, что опасно...

— Врешь ты все, — резко сказал Горька. — Все ты знал. Парни заставили, вот и кинул. И еще кинешь, если заставят.

Валерик мотнул головой.

— Нет... Они даже и не заставят. Я с ними больше не хожу...

— Куда ты денешься? — насмешливо проговорил Горька. — Позовут — и пойдешь. А не пойдешь — они тебе так вломят, что зубной кабинет после этого раем покажется.

Журка впервые увидел, как у Валерика упрямо и пренебрежительно сжался рот.

— Ну и пусть вломят. Я этого не боюсь.

— Какой храбрый! — усмехнулся Горька. — А зуб сверлить боялся, аж весь побелел.

Валерик не обратил внимания на насмешку. Он сказал с непонятной нарастающей доверчивостью:

— Это потому, что там нельзя зубы сжимать. Сидишь, а рот открыт... А если зубы сжать, я тогда терпеливый. Мамка вчера вон как отлупила... за это... Я и то молчал.

Горька возразил:

— Мать сильно лупить не будет. Она всегда жалеет.

— Да? — тихо сказал Валерик. Он остановился, быстро оглянулся и неловко поднял подол своей твердой рубашки. На боку у него, пересекая тонкие проступившие ребра, синели припухшие длинные

следы ударов. Журку будто хлестнули по глазам. И затошнило.

— Она жалеет, конечно. Потом, — хмуро объяснил Валерик. — «Сыночек, сыночек...» А сперва, если разозлится, то себя не помнит. У нее нервы...

Горька грубовато сказал:

— А чего молчал-то? Наоборот, надо было орать. Кто-нибудь заступился бы.

— Не, — серьезно возразил Валерик. — Тогда бы соседи услышали. А они на мамку и так сердятся. Они на нее письмо писали, что пьет и меня обижает... Чтобы меня у нее отобрали в интернат. А если отберут, она куда без меня?.. Да она теперь совсем редко пьет, а они писали, чтобы нашу комнату себе забрать...

Дальше пошли молча. Как раньше: по сторонам Журка и Горька, а между ними мальчишка в синей рубашке с латунными пуговицами и цветными колечками на кармашке. Только это был уже не «волчонок», не «диверсант» и не «пленник», а Валерка...

На старинном здании банка висели большие часы. Горька увидел их и будто споткнулся:

— Ой-ей! Братцы! Мне же к маме на работу забежать надо!.. — Он поспешно зашагал вперед и вдруг оглянулся на Журку. Сказал скованно:

— Я, может, вечером зайду. Можно?

— Да ты что спрашиваешь! — обрадовался Журка.

— Может, ночевать останусь. Ладно?

— Да, конечно! Ты обязательно приходи!

— Ладно. Пока! — И он, стуча полуботинками, побежал к остановке, где как раз шипел и дергал дверцами автобус...

Автобус увез Горьку, а Журка подумал, что Горькина мать сегодня не на работе. Суббота. И уехал Горька потому, что с ним что-то не так. А может быть, просто не захотел больше обижать Валерика? Или подумал, что Журку с Валериком надо оставить одних? Зачем? Чтобы он, Журка, мог принять какое-то решение?

Троллейбусная остановка была рядом с автобусной. Журка спросил у Валерика:

— Деньги у тебя есть?

— Зачем?

— На дорогу.

— У меня талоны есть... — Валерик потянулся к синему кармашку с колечками.

— Ну и хорошо. Садись на «шестерку» и кати домой.

Валерик широко открыл глаза — не черные, а темно-темно-коричневые. Шепотом спросил:

— А как... твой папа?

— Ну зачем ты моему папе? — со вздохом сказал Журка. — Ты что, всерьез думаешь, что он будет на тебя в суд подавать?

Валерик низко опустил голову и проговорил:

— Правда не будет?.. Мама за стекло уже деньги заплатила... И за лечение может, если надо...

— Вон идет «шестерка», садись, — сказал Журка.

Троллейбус распахнул двери, но оттуда сердито донеслось:

— Дрынка!

Валерик будто обрадовался:

— Мне на этом нельзя.

— Подождем.

Валерик переступил тонкими ногами и опять спросил нерешительно:

— А он правда... он мне... ничего?

Журка подумал.

— Ты где живешь?

— Я? На «Сельмаше»...
 — Адрес какой?
 — Я... Механизаторов, четыре. Квартира два.
 — Ну и ладно. Если чего, я тебя найду... Да не бойся... Только не вздумай связываться опять с этим Репой и с другими дураками. А то снова вляпаешься.

— Не... я не буду,— сказал Валерик.
 Потом он уехал в тяжелом пузатом троллейбусе, а Журка пошел домой. С облегчением, но в то же время с досадливым чувством, будто недоделал что-то важное. А что — не знал.

Опыт разговора с открытым ртом

— Это ты, Журавель? — спросил отец из кухни, когда Журка вернулся.
 Журка заулыбался: чуть ли не впервые в жизни

он услышал от папы свое журавлиное прозвище. Не слишком точное, правда, но разве в этом дело?

— Угу,— откликнулся он и остановился в дверях кухни. Отец, нагнувшись над раковиной, мыл тарелки: видимо, он только что пообедал.

Журка несколько секунд смотрел на отцовскую спину. Потом весело сказал:

— Ты удобно стоишь...

— Чего?

— Ничего-ничего. Так и стой,— засмеялся Журка. И с разбега прыгнул отцу на спину. Тот крякнул, потрянул плечами, но Журка вцепился прочно.

— Ты что, обалдуй! Чуть тарелку не грохнул! — запоздало закричал отец. — Вот мама бы дала нам... Ну-ка слазь!

— Не-а... — отозвался Журка. — Ты меня лучше прокати.

— Ю-рий...

— Ну что «Юрий»? Почти двенадцать лет Юрий. А ты прокати, ты меня давно не катал. Все равно не слезу.

— Орясина,— проворчал отец, и Журка понял,

что он старается не улыбаться.—Тебя уже на прицепе возить надо...

Потом отец покорно вздохнул, подкинул Журку на спине и ухватил под коленки. Журка взвизгнул—пальцы были мокрые и холодные. Отец тяжелыми шагами грузчика понес его через квартиру.

Посреди большой комнаты Журка вдруг сказал:

— Постой, папа...—И прямо в ухо отцу прошептал:—Помнишь мальчика, который сегодня с нами был?... Папа, это он бросил камень в машину.

Широкая спина затвердела. Журка медленно съехал с нее, встал перед отцом и, глядя ему в грудь, перебирая пуговицы на его рубашке, рассказал все, что было. Потом поднял глаза.

— Я, папа, сказал ему, чтобы ехал домой, не дрожал больше. Он и так намучился.

Отец хмыкнул, потирая украшенный заплаткой подбородок. Сказал растерянно:

— Вот ведь, надо же... А с виду такой цыпленок.

— А он такой и есть,—отозвался Журка.—Просто все у него получилось как-то... будто все против него.

— Ну и ладно, что уехал,—задумчиво сказал отец.—Я с ним как бы стал говорить? Это дело тонкое... педагогическое. Только у меня вот какая мысль...

— Какая?—встревожился Журка.

— Может, ему лучше было бы, если бы его от матери забрали? Если она с ним... так вот обращается.

— Не знаю, папа...—нерешительно проговорил Журка. В самом деле, откуда он мог знать?—Папа, он же ее любит. Если его заберут, она совсем... А он будет думать: как она там без него? Что у него будет за жизнь—каждый день в тоске...

— А сейчас у него хорошая жизнь?

— Ну, нет, конечно... Но все-таки не один.—Журка опустил глаза и, подавив смущение, признался:—Я бы без мамы не смог...

Отец моргнул, неловко улыбнулся, шевельнул губами, словно хотел спросить: «А без меня?»

Журка молча ткнулся лбом ему в грудь.

Маленький Максимка боком сидел на трехколесном велосипеде и насупленно поглядывал на подхитившего Журку.

— Почему Федота не пхинес?

— В дхугой хаз...

— А ты не дхазнись...

— Не буду,—согласился Журка.—А ты чего сердитый?

— Жизнь такая,—меланхолично откликнулся Максим.—Одни непхиятности... В велосипеде тохмозов нет. На дом наехал, колготину похвал. Видишь, дышка...—Он дернул коленкой.

— Чепуха,—утешил Журка.

— Тебе чепуха, а мне от мамы влетит.

— Не влетит, пойдем.

Лидия Сергеевна обрадовалась Журке и Максима ругать за «дыхку» не стала.

— А Валерий как раз фотокарточки глянцеует, которые на вашем спектакле снимал,—сообщила она.—Иди посмотри. По-моему, неплохо получилось.

Но Валерий Михайлович сидел, запершись, в ванной и попросил Журку подождать. А то следом за ним проникнет в ванную некая личность, а здесь провод у глянцевателя не изолирован...

— «Некую личность» я пойду поить молоком,—сказала Лидия Сергеевна.—Журка, а может быть, и ты хочешь?

— Ой, правда хочу!—сознался Журка.—Я сегодня пообедать позабыл. Столько было дел.

Лидия Сергеевна дала ему, кроме молока, макароны с сыром и поинтересовалась:

— Что за дела?

— Всякие разные,—вздохнул Журка. Подналег на макароны и стал рассказывать по порядку: про утреннюю репетицию и Эмму Львовну с телевидения; про Валерика и его мать; про то, как ходил в поликлинику. Только про смутный разговор с Горькой и про неясное беспокойство, которое осталось после Валерика, рассказывать не стал. Он вовсе не хотел что-то скрывать от Лидии Сергеевны, но не знал, как объяснить ей свою тревогу... Зато он охотно и весело рассказал про последний разговор с отцом.

— Ну вот... Значит, совсем помирились с папой?—тихонько спросила Лидия Сергеевна.

— Угу...—смущенно сказал Журка. И вдруг пришло к нему громадное облегчение. Только сейчас. Словно именно в эту минуту растаяла, испарилась тяжелая ледяная корка, которая привычной холодной тяжестью давила на него столько месяцев подряд. Он сам пораился этой неожиданной и небывалой легкости. Удивленно и обрадованно глянул на Лидию Сергеевну.

Она поняла его радость, улыбнулась навстречу, ласково сказала:

— Ну и славно... Все теперь будет хорошо.

Но в ее голосе Журка уловил усталость. Лидия Сергеевна, видимо, догадалась об этом. Качнула головой, провела по лицу ладонями, виновато призналась:

— Ох, и устала я, Журка...

— А почему? Что случилось?—Он быстро повернулся к ней вместе с табуреткой.

— Да ничего особенного. Просто сессия на носу, зачеты пошли, а я в этом семестре закрутилась с хозяйством, лекций напропускала. Теперь столько учить приходится, просвета не видно... Ох, уйду я, Журка, на заочное.

— Куда?—испугался он.

— На заочное отделение. Чтобы работать в школе, а в институте только экзамены сдавать и контрольные работы.

— Но тогда еще труднее будет,—рассудительно заметил Журка.

— Труднее... и легче. Я, Журка, по школе скучаю. Ты рассказываешь про все ваши дела в классе, а я так бы и побежала туда. Понимаешь, я как будто в чем-то виновата...

— В чем?—удивился Журка.

— Трудно объяснить... Наверно, у меня такой нелепый характер. Все кажется, будто я ребят бросила.

— Кого? Нас? Но ведь все равно же...

— Да нет, вообще ребят... Ну, вот будто война идет, а я в тылу сижу. Вроде бы делом занята, да не самым главным... Хотя это, конечно, очень громкое сравнение...

— Ведь не война же...—осторожно возразил Журка.

Лидия Сергеевна сказала негромко:

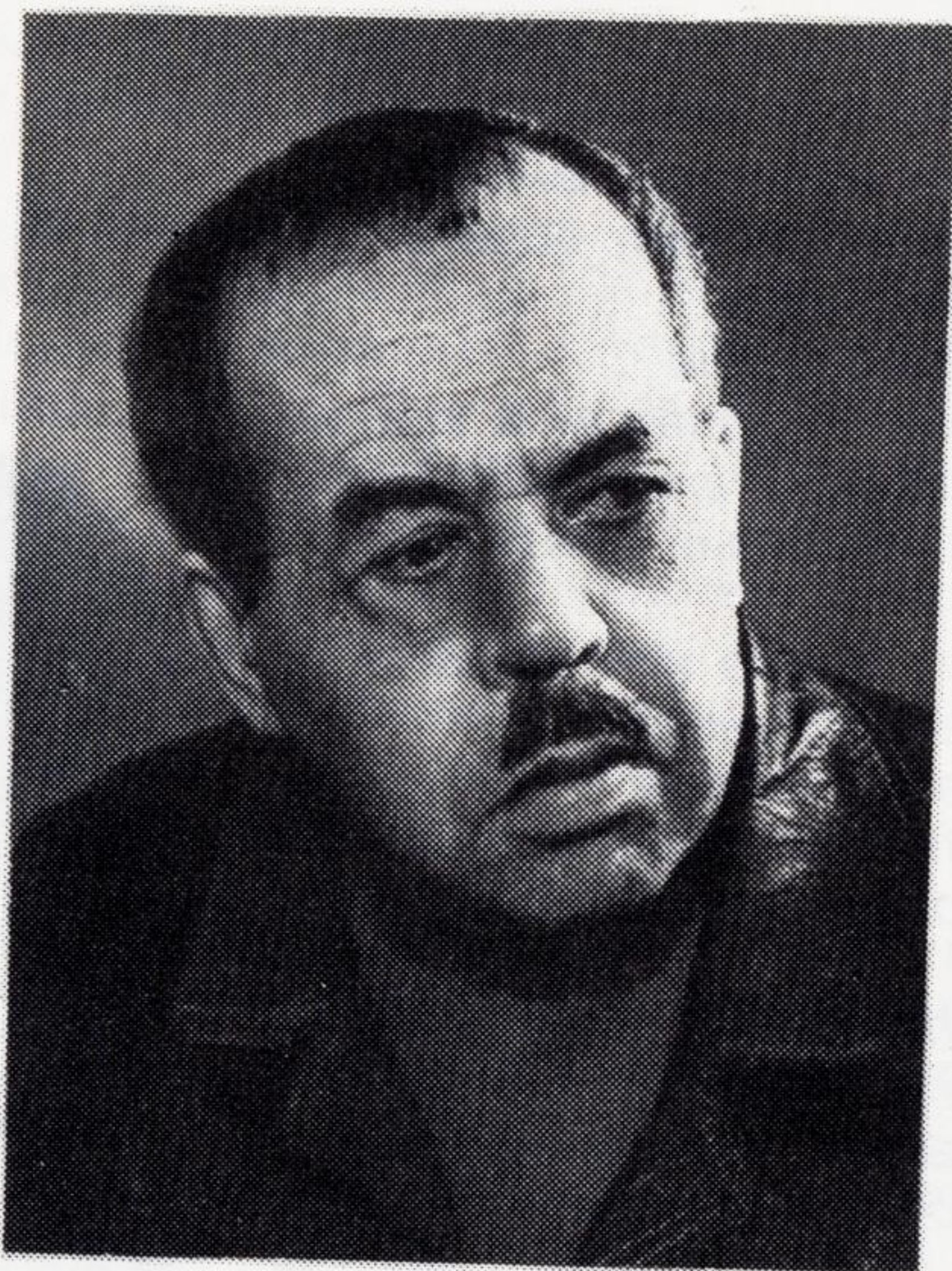
— Война, Журка... За таких вот, как этот Валерик, про которого ты рассказывал... Я, знаешь, о чем подумала? Был бы он в моем классе, я бы его никакой беде не отдала.

«А ведь точно!»—понял Журка. И тревога за Валерку опять кольнула его. Журка сказал:

— Тогда идите на это... на заочное...

— Ох, Журавлик... Думаешь, так просто? Знаешь, сколько забот прибавится! И работа, и сессии,

23

Ради светлого будущего

У Юрия Иосифовича Коринца шестидесятилетие со дня рождения почти совпадает с двадцатипятилетием литературной деятельности. В 1957 году у студента Литературного института имени Горького в Москве Юрия Коринца вышла его первая книга стихов — «Подслушанный разговор». Когда мы говорим — студент, нам всегда представляется молодой, часто очень молодой человек. Но Юрий Коринец не был таким. Когда у него вышла первая книга, за которую его приняли в Союз писателей, ему было ни много ни мало 34 года... И в эти три с половиной десятка лет вместились очень много. Много радостного и много горестного: много веселых и светлых дней и много лихих дней бедствий. Он принадлежал к поколению, на долю которого выпало много испытаний.

Юрий Коринец не жалел об этом, напротив, он гордился тем, что ему удалось в своем детстве тесно соприкоснуться с тем, предыдущим поколением, которое совершало революцию и дралось за установление Советской власти. Юрий Коринец родился 14 января 1923 года в семье старого коммуниста, и все его детство было озарено пламенем недавно совершившейся Великой революции. Он жил среди ее участников, среди людей, еще знавших Ленина, трудившихся под его руководством, среди людей глубокой идейности, беззаветного мужества, высокого человеческого достоинства. Он видел и разговаривал с людьми, чьи имена навсегда вошли в историю мирового коммунистического движения; он пусть и ребенком, но видел в Берлине настоящих коммунистов и настоящих фашистов; на его глазах росло и крепло в нашей стране пионерское движение, и Юрий Коринец в своем романе «Привет от Вернера» оставил незабываемые картины Первого Всесоюзного пионерского слета в Москве в 1929 году...

Свои первые повести, «Там, вдали за рекой» и «В белую ночь у костра», Юрий Коринец назвал «повестями о дяде». Но совсем не семейная история раскрывается в этих увлекательных, захватывающе интересных книгах. Это книги о целом поколении людей разных национальностей — русских, грузин, евреев, немцев, финнов, — людей, спаянных вместе общностью великой цели. Это настоящее интернациональное братство людей, «съевших много пудов соли» в общей борьбе за дело революции. И как же повезло герою этих повестей — маленькому Мише, — что его окружали эти люди! Рядом с ними происходило душевное созревание мальчика, который потом, через много лет, станет писателем и приложит свой талант и труд для того, чтобы современные дети, чтобы новые поколения людей знали о тех, кто прокладывал трудную дорогу в будущее.

Во всем, что написал писатель Юрий Коринец — в его стихах, повестях, романе, рассказах, — во всех его произведениях легко найти главное: коммунистические идеалы, труд, природа. В «повестях о дяде», в романе «Привет от Вернера», повестях «Самая умная лошадь» и «Володины братья» — всюду люди трудятся для светлого будущего, сосуществуя в дружбе с природой. Не борясь с ней, а разумно пользуясь ее благами, видя в природе вечный источник красоты и нравственного отношения друг к другу.

Многие страницы книг Юрия Коринца похожи на картины: так ярко, так необыкновенно выразительно и точно показываются там улицы Москвы и таежные поляны; быстрые северные суровые реки и тихие, заросшие пруды Подмосковья... В изобразительной силе книг Юрия Коринца чувствуется не только мастерское перо писателя, но и верный глаз художника. Но Юрий Коринец действительно художник. Он окончил художественную школу, он и работал в своей жизни художником. Да и потом, уже став писателем, нередко сам иллюстрировал свои книги. И внимательному читателю его книг нетрудно догадаться, что Юрий Коринец пишет только о том, что он сам видел, сам испытал, сам делал. Потому, что так о северной тайге может написать только тот, кто по этой тайге бродил. И о ловле рыбы в холодных северных реках может так написать только тот, кто ее сам ловил. И про тяжкий труд в далеком казахстанском колхозе в лихие годы войны так может написать только тот, кто там трудился...

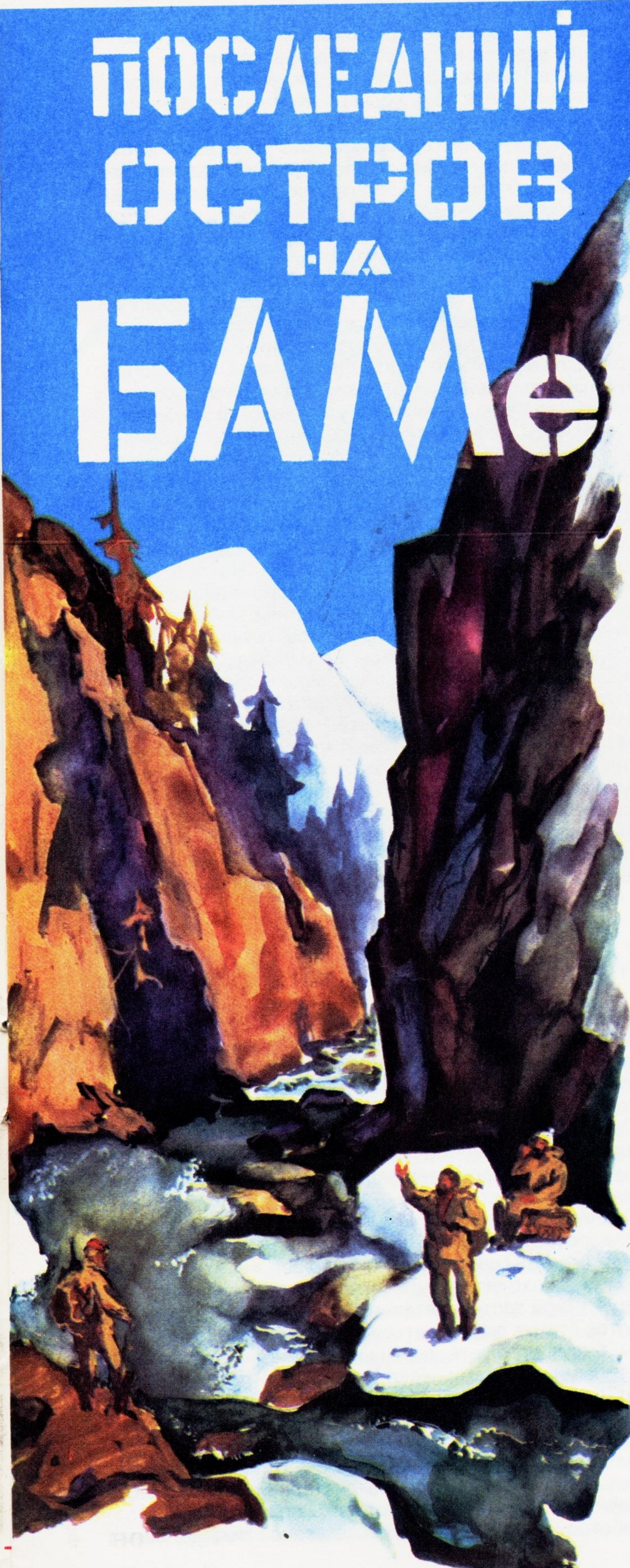
Потому так жизненно правдивы книги писателя, что в них он передал им самим прожитое, передал правду жизни.

Не только велик и длинен жизненный путь писателя. Длинная и славная жизнь у его книг. Его книги, появившись на свет в нашей стране, почти немедленно начинали свой путь по всему миру, к юным читателям самых разных стран. Конечно, они переводились на языки зарубежных социалистических стран. Но они переходили и за другие рубежи — к читателям ФРГ, Австрии, Швейцарии, Дании, Голландии, Англии, Японии...

Шестьдесят лет — хороший возраст! Есть на что оглянуться — вон сколько сделано! И впереди еще много задуманного, вырастающего в душе и уме, чтобы потом стать повестью, стихотворением... Вместе со всеми читателями Юрия Коринца пожелаем ему, чтобы были осуществлены все его творческие замыслы, чтобы дети, его постоянные и верные читатели, получали все новые и новые книги писателя.

Лев РАЗГОН

ПОСЛЕДНИЙ ОСТРОВ НА БАМе

Близится время, когда будет уложен последний рельс Байкало-Амурской магистрали. Но произойдет это не на Дальнем Востоке, не у Тихого океана, где заканчивается БАМ. Последний рельс будет уложен на центральном участке трассы — в краю суровых гор, вечной мерзлоты.

Так часто строятся дороги — с двух концов одновременно. Но на БАМе и нельзя было иначе: центральный участок — самый трудный для строителей. Окруженный горными хребтами, оторванный от обжитых мест, от дорог и городов, он кажется нам далеким неприступным «островом».

Казалось бы, БАМ мог обойти это место стороной — чуть южнее или чуть севернее. Мог бы, конечно, если бы не одно обстоятельство...

«Второй Урал» за Уралом

...Летом 1949 года в местах, о которых идет речь, работала одна из партий Читинской геологоразведочной экспедиции.

Был ненастный день с тяжелыми свинцовыми тучами, навалившимися на низкорослую тайгу. Мелкий, надоедливый дождь, казалось, никогда не кончится.

Геолог Елизавета Ивановна Бурова со своими помощниками шла обычным маршрутом — по скалистому берегу ручья, в одном из ущелий горного хребта Удокан. Оступившись на скользком от дождя камне, рабочий выронил молоток. Достать его из глубокой расщелины так и не удалось. А для геолога лишиться молотка большая беда. Пришлось возвращаться. И тут неожиданно маленький отряд заметил на скале впереди грязновато-зеленые пятна. Точно такие образуются на старых бронзовых памятниках. Опыт подсказал: это медь! Нудный дождь сделал свое дело — в сухую погоду зеленоватые потеки можно было и не заметить.

Начальник экспедиции заложил в скале штольню на пятнадцать метров. Предположение подтвердилось — вся скала состояла из богатых медью пород...

Отряды геологов пошли дальше, обследовали весь север Читинской области и вскоре принесли вести о широком и мощном месторождении. Оно оказалось уникальным для Сибири да и для всей страны представляло огромную ценность. Находку сразу окрестили «открытием века».

В том же массиве горных хребтов геологи, помимо меди, обнаружили такие богатства, что эти, веками дремавшие в безлюдье края стали называть «вторым Уралом». Железная руда и каменный уголь, золото и полиметаллы, апатиты и асбест, калийные соли и стройматериалы — все это скрывают в своих недрах горные хребты Удокан и Кодар, разделенные рекой Чара... У этой долины теперь большое будущее, здесь встанет город — и, возможно, не один, а два и даже три города.

Но для этого нужна дорога, дорога, которая соединит «остров», затерянный в тайге, со всей страной. Этой дорогой и должен стать БАМ.

Сквозь горную броню

До сих пор ближайшей дорогой была Транссибирская железнодорожная магистраль. Если можно на-

звать «ближайшей» дорогу, проходящую на шестьсот километров южнее. Добирались до нее только звериными тропами да по рекам. Когда развернулась в полную силу новая Удоканская геологическая экспедиция, открыт был автозимник — зимняя автомобильная дорога по льду реки Олёкмы, в которую впадает Чара. Пошли машины. Но путь их долог — два-три дня по морозной трассе...

И все же долина Чары оставалась островом, оторванным от обжитых мест. Положение не изменилось, даже когда стали регулярно летать самолеты из Читы, — регулярно, если позволяла погода и взлетно-посадочную полосу не размывали весенние паводки и летние ливни....

Иное дело — БАМ! Его рельсы как бы обозначат границу двух эпох в жизни Чары — «добамовскую» и «послебамовскую»...

Не так давно, в шестидесятых годах, в этих местах побывал писатель Всеволод Иванов. Он плыл по Витиму, слушал рассказы геологов. «Природа, бросив в горы медную руду, — писал он потом в своей книге, — воздвигла вокруг нее, будто нарочно, такую броню, что пробить ее и думать страшно...»

«Пробить броню» и предстоит строителям БАМа. К этому же времени будут закончены и изыскания геологов. «Завершить проектные работы по Удоканскому медному месторождению...» — говорится в «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР» на одиннадцатую пятилетку.

«Завершить проектные работы» — значит перейти от разведки к добыче меди, к строительству комбината и города. Это значит — создать условия для жизни и работы тысяч людей. Как подступиться к этому делу здесь, в суровом и далеком краю?..

Очарование Чары

Чара... Хочется думать, что слово это русское, оно напоминает о чем-то таинственном, загадочном, зачарованном. Но скорее всего это все же эвенкийское название и означает «маловодье». Так называли эвенки реку, которая часто мелела из-за здешней переменчивой погоды.

Всякий раз, попадая на берега Чары, я вспоминаю рассказ писателя-фантаста Ивана Ефремова. Полвека назад он, тогда еще молодой геолог, побывал здесь — вел со своим отрядом геологическую развед-

ку. Его рассказ «Голец Подлунный» — как раз об этих, полных тайн, местах. «Каменный, застывший, скованный морозом мир» — так назвал писатель ущелье Чары и хребет Удокан.

Действительно, здесь сложились уникальные, суровые для всего живого природные условия.

Зимой в Чарской котловине застаивается холодный воздух из Арктики. Горы не пускают его дальше, к югу, и он лежит тяжелой холодной шапкой, со всех сторон окруженный горными хребтами. Здесь — второй полюс холода в Сибири (первый, всем известный Оймякон, расположен в Якутии, на полторы тысячи километров севернее).

Весной, стремительно налетающей лишь в июне, все неузнаваемо преобразуется. Широко разливается Чара, и поселок, окруженный суровыми, еще в снегу, хребтами Кодар и Удокан, ненадолго становится похож на Венецию; вместо улиц там каналы!

Так же быстро налетает лето, жаркое и сухое — появляются несметные полчища комаров и мошки, объединяемых выразительным сибирским словом «гну́с». Зеленеет чарская тайга — царство даурской лиственницы, ее здесь почтительно величают «сибирской пальмой». Выносливое это дерево растет и на болотах, и на каменистых склонах, и на барханах песчаной пустыни.

Оно совсем рядом с поселком, это подлинное чудо Чары! Вроде бы ничего особенного: ветер собрал в барханы пески, принесенные рекой... Но под песком — вечная мерзлота! И у самого края этой необычной песчаной пустыни (а она велика, тянется на пятнадцать километров) — огромное поле льда, настоящий ледник. Это наледь, возникшая зимой там, где бьет из-под земли не замерзающий и в свирепые морозы (еще одно чудо Чары!) источник...

И все эти чудеса — на широте Москвы. Прибавьте к ним не частые, но сильные землетрясения (последнее было в пятидесятых годах, к счастью, еще в безлюдном краю), конусы потухших вулканов в хребте Удокан, горячие минеральные источники — и долина Чары покажется вам и суровой, и загадочной землей. Но скоро, уже очень скоро — когда придет БАМ, — она станет доступной и близкой, и богатства ее раскроются людям.

Здесь будет город Удокан

Долина Чары обширна, в любой ее точке можно строить город, в котором поселятся горняки, добытчики удоканской меди. Но построить город надо так, чтобы люди захотели в нем жить. Возможно ли это в таком суровом краю?

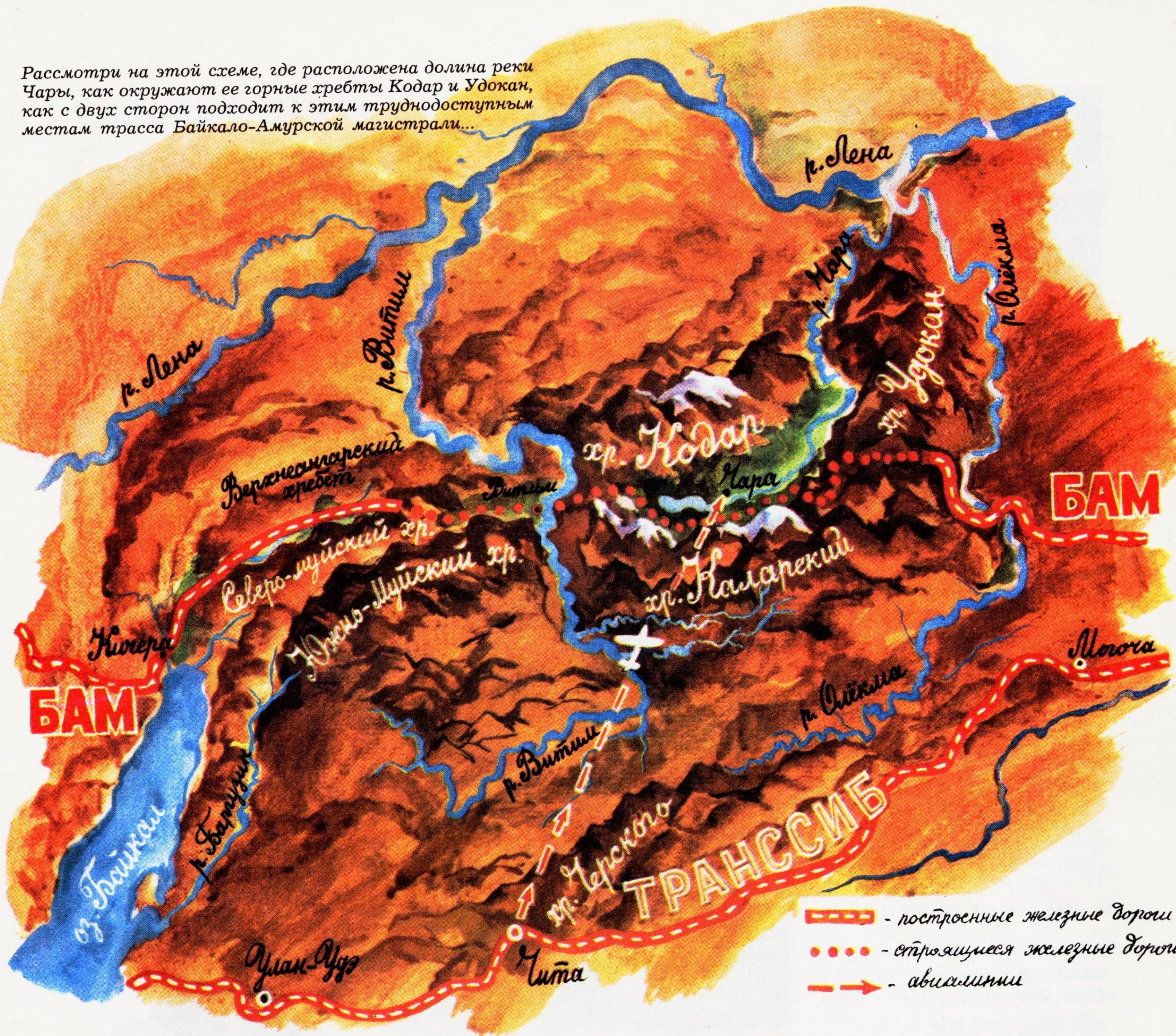
Пять лет назад я видел в поселке геологов недалеко от Чары установленный на обочине дороги транспарант, гордо возвещавший: «Здесь будет солнечный город Удокан!»

Сейчас транспаранта нет, как нет и поселка геологов, а совсем недавно считали, что именно здесь начнут строить город. Решено было все же, что место не очень подходит для строительства. Между сопкок воздух зимой застаивается, и вредные отходы производства станут скапливаться над городом. А близкие горы будут угрожать снежными лавинами и грязекаменными потоками — селями. Теперь поселок закрыт — все дома перевезены в ближайшее эвенкийское селение Намингу, расположенное в безопасном месте.

Не прошло и года, как неподалеку от Чары возник веселый, из желтых стволов лиственницы, поселок Новая Чара. Здесь уже поселились строители БАМа: стройотряд, прибывший из Казахстана. Неподалеку

Рассмотри на этой схеме, где расположена долина реки Чары, как окружают ее горные хребты Кодар и Удокан, как с двух сторон подходит к этим труднодоступным местам трасса Байкало-Амурской магистрали...

темнеет сосновый бор на песках — готовый парк для будущих горожан.

Но и сейчас неясно, здесь ли встанет город. Может быть, чуть дальше по дороге, может быть, немного ближе к старой Чаре... Тут нельзя торопиться, надо взвесить все и только тогда принимать решение. Ясно одно — город здесь непременно будет.

Уже известно, что в нем встанут пятиэтажные каменные дома, построенные с учетом возможных землетрясений и вечной мерзлоты. Будут культурный и торговый центры, большой таежный парк. Поселятся в новом городе несколько десятков тысяч человек. Точно предугадать трудно — по всем городам БАМа прогнозы ученых оказались заниженными. И верно, — люди же едут на БАМ со всей нашей необъятной Родины, из всех республик и краев. И каждый из двухсот бамовских городов, поселков стал как бы миниатюрной копией Союза советских народов!

Таким будет в скором будущем и новый город Удокан.

Когда исчезают «острова»...

Чара — последний «остров» на БАМе, последний из самых удаленных и неосвоенных участков. Таким же

«островом» был еще недавно Южно-Якутский район с его богатейшими месторождениями каменного угля и железной руды. Рельсы Малого БАМа связали Южную Якутию со всей страной...

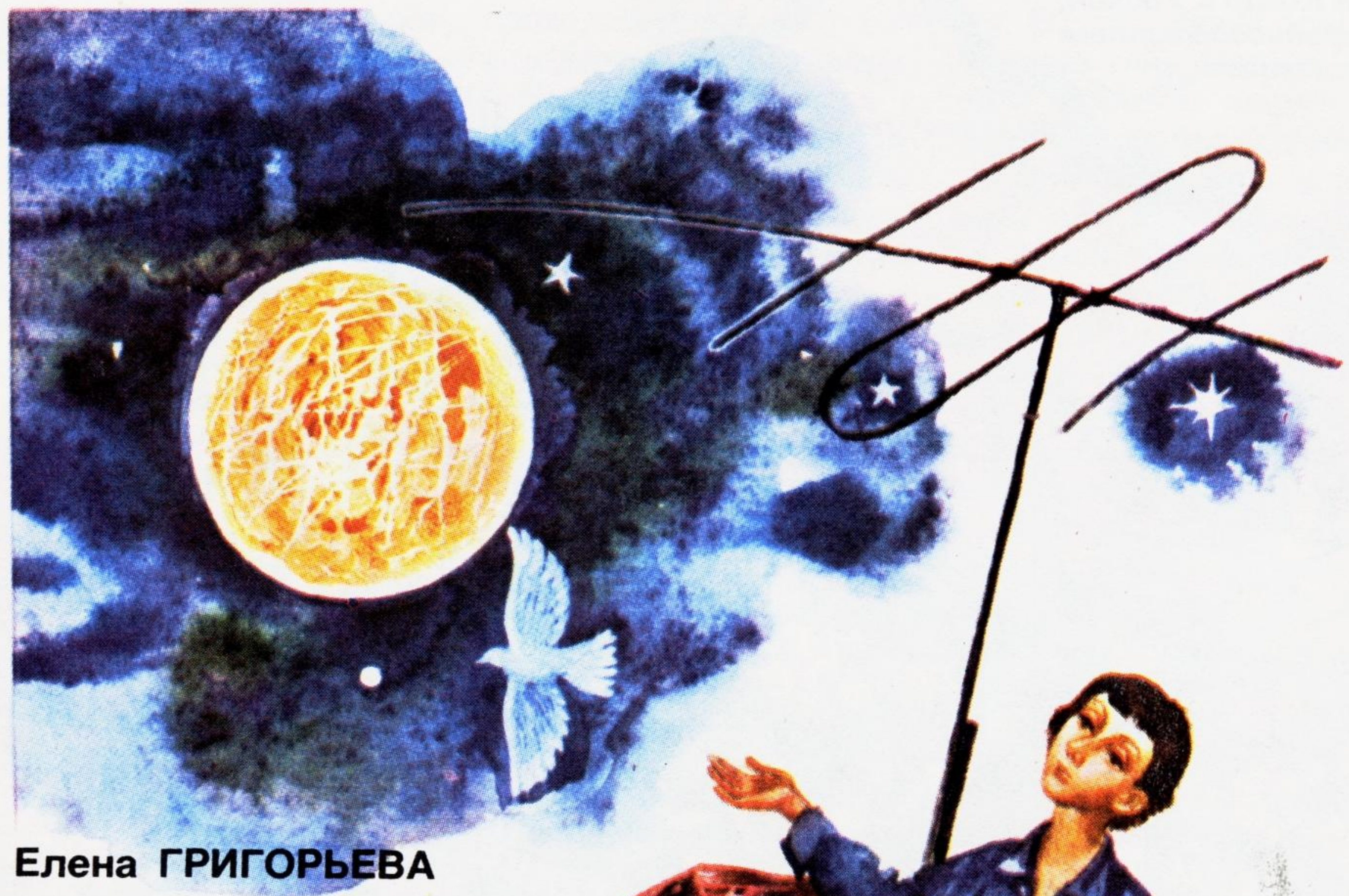
Исчезают последние «острова» в Сибири: БАМ соединяет их в один материк — пространство, освоенное людьми, связанное со всей страной. А внутри этого «материка» по воле человека нетронутыми сохраняются обширные участки тайги. Уже есть решение о создании заповедников на Верхнем Витиме и в Чарской долине. И озеро Леприндо, и барханы на вечной мерзлоте, и пороги на Чаре, и неповторимая лиственничная тайга — все это останется неприкосновенным.

Близок час состыковки западной и восточной ветвей БАМа. Но «стройка века» не закончится. БАМ шагнет дальше — к Якутску, а затем к Магадану, пробуждая к жизни огромные безмолвные пространства и открывая двери природных кладовых...

БАМ будет шагать дальше, оставляя за собой не только новые города, но и зеленые острова заповедной, нетронутой природы.

В. МАРКИН,
кандидат географических наук.

Чара — Северобайкальск — Москва.

Елена ГРИГОРЬЕВА

Звездная крыша

Я из дому вышел
не в дверь,
а на крышу.
Не в дверь,
а на крышу
я из дому вышел.
И вот что увидел,
и вот что услышал.

Увидел я в небе
малютку звезду.
Она мне шепнула:
«Держи, упаду!»
Потом опустился
ко мне на ладони
голубь почтовый.
(«Не бойся, не трону!»)
Он звездочкой белой
на крыше белел,
согрел мне ладони
и вдаль улетел...
А вот и Луна
над антенной повисла,
как будто ведро
на плече коромысла.
И чей-то котенок
потерся о брюки
и звездами глаз
осветил мои руки.

По крыше я шел,
но казалось — летел!
Я с крыши домой
уходить не хотел.
Мне так повезло,
что из дому я вышел
не в дверь, не в окно,
а на звездную крышу!

Бабушка

У мамы — работа,
у папы — работа.
У них для меня
остается суббота.
А бабушка дома
всегда.
Она не ругает меня
никогда!

Усадит, накормит:
— Да ты не спеши!
Ну, что там стряслось у тебя,
расскажи?
Я говорю, а бабушка
не перебивает.
По крупинкам гречку
сидит перебирает...

Нам хорошо вот так, вдвоем.
И дом без бабушки не дом.

Уехала мама,
уехала.
Ну вот,
я без мамы опять.
И солнце за мамой
уехало,
наверно,
ее догонять.

И я бы за мамой
уехал,
да я бы пешком побежал!
И вдруг я подумал:
как часто
я маму свою
обижал.

Грубил и кричал,
даже топал ногами!
Как было обидно,
наверное, маме.

И я в одиночку поклялся,
что если обижу еще,
то руку, как Муций Сцевола,
Сожгу на огне по плечо!

Скрипач

Я все слежу за скрипачом:
берет он скрипку в руки,
волшебной палочкой-смычком
перебирает звуки.

Он сам как будто удивлен:
откуда музыка берется?
А это в скрипке старый клен
то загрустит, то засмеется.

И я увижу: темный пруд
и листья по воде плывут.
Увижу крыши сонных дач,
лишь только палочкой взмахнет он...

Мне кажется, играл скрипач
по волшебству, а не по нотам!

Ветер-музыкант

Просят, засыпая, города:
— Ветер, тронь тугие провода!

Ну, а ветер, ветер даже рад
поиграть тихонечко и в лад.

Провода качнутся, и тогда
музыку услышат города!

Старый стул

Жил на кухне
старый стул.
Был ворчлив он
и сутул.

Он стоял на гнутых ножках.
с безрукавкой на плечах.
А на нем сидела кошка,
точно сторож на часах.

Стул на кухне не молчал,
он, как дедушка, ворчал!
Целый день стоял скрипел,
а быть может, песню пел?

Мама вынести решила этот стул,
потому что был ворчлив он и сутул.

Не стоит он больше тут.
И на кухне все не так:
будто вынесли уют
с этим стулом
на чердак.

Рисунки А. ДУГИНА.

Алины фантазии

Моя подруга Аля Сюзева — выдумщица и фантазерка. Чего только не придумывали мы с ней: и кукольный театр, и конкурс рисунков для малышей.

Однажды в воскресенье малыши нашего дома № 4 по улице Курчатова получили приглашения на концерт...

Все мы сделали как в настоящем театре. Даже декорации и освещение на сцене. Волнуясь, Аля объявила первый номер — сценку «Бармалейкин». Играть Бармалейкина пришлось мне. Ну и смеху было! Больше всего смеялись, когда неряха Бармалейкин полез на шкаф за книгой, а книги все свалились на него. Я растерялась — ведь по сценарию этого не должно было произойти.

После сценки мы заметили с Алей: зрителей стало больше, к малышам присоединились взрослые. Даже мест в «зале» не осталось.

«Антракт», — объявила Аля. Но получилось... еще одно отделение концерта. Мы загадывали загадки, а потом, когда они кончились, пригласили зрителей на сцену. И малыши стали читать стихи. Читали долго и хорошо.

Когда зрители пошли домой, один мальчик остановил нас.

— И это все? — сказал он.

Мы с Алей переглянулись. Значит, надо придумывать что-то новое. И от этого нам стало очень весело.

Света СЕМЕНЦОВА,
школа № 1, г. Арамил, Свердловская область.

Как относиться к девочкам?

В нашем классе все мальчишки презирают девочек. Я раньше тоже относился к ним с презрением, но недавно понял, что был не прав.

Однажды моя мама заболела и попросила меня прибраться в доме и вымыть посуду. Я решил сделать все на совесть... Пока прибирал половину комнаты, прошел целый час. А впереди еще столько работы!

Вдруг в дверь позвонили. Пришла Люба из нашего класса и позвала меня на улицу. Я сказал, что убираюсь. Она решила помочь мне. За полчаса мы убрали всю квартиру, а потом взялись за посуду. Через двадцать минут посуда вся сверкала. Потом Люба сварила суп, который моя семья ела с удовольствием. Переделав все дела, мы пошли гулять. Думаю, что если бы Люба не пришла, мне бы пришлось убираться до позднего вечера.

Все-таки молодцы девочки!

Павлик М.,
г. Тулун, Иркутская область.

Медяки

РАССКАЗ

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Шел пятый послевоенный год.

У мальчишек поселка Боровое в ходу была «чика». Игра на деньги. Играли в нее тайно, подальше от школы и дома. За «чику» родители драли уши, а учителя снижали оценки по поведению. Боровские же ребята уважали «чикарей». У самых удачливых из них всегда бренчали в кармане тридцать—сорок копеек. А это билет в кино плюс стакан семечек. Или кулек ирисок. В то время каждая копейка в семье знала счет, и обладатель рубля в ребячьей компании казался миллионером.

Санька Воронков тоже играл в «чику». Иногда выигрывал—так ловко ударял битой о забор, что она отскакивала в неглубокую лунку. «Котлом» ее называли ребята. В «котел» клали копейки.

Бита у Воронкова, хотя и обыкновенный пятак, была капризная. Санька и бархоткой его чистил, и «заговаривал» на огне, и трижды плевал через левое плечо, прежде чем запустить в дело,—не помогало. Пятак летел в лунку неохотно.

Самым везучим из боровских мальчишек слыл белобрысый Колька Чиж. Вот на его битку засматривались все ребята: старая медная двухкопеечная монета. Тыща восемьсот девяносто седьмого года. Тяжелая и приемистая. С монеты хищно глядел на ребят черно-красный двуглавый орел. Орел, казалось, и направлял Чижову двушку прямо в лунку. Раз—и в «котле»! Два—снова в «котле». Еще удар—обламывая ногти, Колька выгребает из лунки медяки: одна, две, три... десять копеек! А то и двадцать! Знавал Колькин карман и рубль.

Если с другими пацанами у Воронкова хоть как-то ладилась игра, то с Колькой он раскисал. Чижова двушка, будто замороженная, шныряла от забора к лунке, выуживая Санькины копейки.

И вот однажды Колькина бита пропала. То ли он потерял ее, то ли кто из ребят стибрил, а только Чиж начал играть тоже пятачком.

На дворе стоял жаркий май. Санька сидел на скамейке у своего дома и уныло смотрел на воробьев, дерущихся за хлебную крошку. Настро-

ение—хоть в петлю лезь. Полчаса назад он продул Чижу целый гривенник. Сначала дважды взял «котел». Потом смазал. Смазал в самый неподходящий момент, когда Колька предложил внести в «котел» не по копейке, как обычно, а сразу по гривеннику!

Рядом пристроился Егор Заварыкин, Санькин дружок. Заварыкин не играл в «чику». Боялся. Зато «болел» всегда азартно.

— Эх, битку бы тебе хорошую, Санёк!—жалостливо пропел Егор.—Как у Чижа была. Колька-то, погоди, и к пятаку приноврится. Попробуй его тогда, пощипай!..

Санька молчал, досадливо покусывал губы.

Позвякивая орденами и медалями, мимо прошагал Андрей Леонов, сосед Воронковых. Два дня назад поселок отпраздновал День Победы, и Леонов все не снимал выходной пиджак, гордясь бравым своим видом.

Саньку вдруг осенило. В конце войны, когда отец вернулся с фронта, видел Санька у него медаль. Вытряхивал Воронков-старший фронтовые гостинцы из солдатского «сидора»—медаль и вывалилась. «За отвагу» написано было на серебристом кругляше. Санька знал, что хранилась медаль в комод, в картонной коробке вместе с документами, облигациями и старыми письмами. Но он не помнил случая, чтобы отец носил ее или хотя бы доставал из комода. Лежала та медаль спокойненько в коробке, и никто о ней не вспоминал.

Отличная будет бита, думал Санька. Увесистый, литой кругляш медали нисколько не уступит Чижовой двушке.

Мать с отцом были на работе. Во дворе копошилась Верка, шестилетняя сестра Воронкова. Санька проскочил мимо нее, бросил портфель у порога и влетел в горницу.

Комод стоял в простенке меж двух окон. Санька посмотрел в одно окно, в другое, выскочил в сени и бесшумно накинул крючок на входную дверь.

Ключ от комода хранился за зеркалом, висевшим на стене.

Только вставил ключ в замочную скважину—на кухне, за стеной, раздался треск, будто обломился сучок. Трижды прокричала кукушка на ходиках.

Санька побледнел и отскочил от комода.

Саньку не пугало то, что, по существу, он сейчас воровал. Какое воровство?! Так... Взял на время ненужную вещь... Пугало другое. А именно то, что он открывал комод. Нарушал запрет, давно установленный в семье.

Перед глазами мелькнула Чижова двушка, с тихим шлепком влетающая в «котел»... Санька снова взялся за ключ.

Вот она! Тяжелый серебристый кругляш, прикрепленный к планке. Планка обтянута голубоватой с темно-синими полосками тканью...

Санька сунул медаль в карман, опустил коробку в ящик на прежнее место и закрыл комод. Теперь он чувствовал себя спокойнее. Остался пустяк—отломить ушко и отделить кругляш от планки. Вот только где приспособиться?

Мальчик выскользнул из дома. В дальнем углу двора горбатилась баня. Санька разыскал молоток, плоскогубцы и нырнул в предбанник.

Минута, вторая... Есть, готова бита. Планку от медали Санька сунул под сруб, а ушко закинул в угол предбанника. Покончив с медалью, опустился на земляной пол и блаженно вытянул ноги. На какой-то миг ему показалось, что ушко он отбивал не молотком, а пудовой кувалдой. И не в предбаннике, а на виду у всего поселка...

Три дня подряд Воронков принаравливался к новой бите. Тайком тренировался. И натренировался! Медаль стала влетать в лунку получше Чижей двушки.

В первое же воскресенье Санька вышел к «чи-карям»...

— Ты где пропадаешь, Воронок? — спросил вместо приветствия Чиж, заведя Воронкова.

— Да так... — промямлил Санька.

— Деньги копил! — захихикали мальчишки.

Чиж испытующе взглянул на Воронкова.

— Играть будешь?

Санька нащупал в кармане кругляш медали, зажал его в кулаке.

— Посмотрю... Может, и сыграю.

Игра шла вяло. Ребячьи пятаки шлепались то дальше лунки, то ближе, но никак не летели в «котел».

Санька сгорал от нетерпения. Наконец, бросил копейку в лунку и шагнул к забору. Удар — кругляш в лунке. Еще удар — снова в лунке.

Мальчишки оторопели: Санькина бита прямоком летела в «котел».

К Воронкову подскочил Колька Чиж.

— Ты чем бьешь? — растерянно пробормотал он, не сводя глаз с Санькиной биты. — Где взял?

Воронков показал кругляш.

Чиж повертел его в руках, присвистнул:

— «За отвагу»!

— Вот твой «котел». Забирай и проваливай отсюда!

Часто-часто заморгал белесыми ресницами. Потянул носом:

— Отцова?

Мальчишки надвинулись на Воронкова. Молча переводили глаза с медали на Саньку. С Саньки на медаль.

Воронкову стало не по себе. Такого он никак не ожидал.

— Спё-ёр?— ядовито процедил Чиж. Лицо его сделалось злым.— Фронтovou медаль спёр? За отвагу? За подвиг в бою?

Чиж хмуро посмотрел на ребят и жестко сказал:

— Пока Воронок битую не заменит, в игру его не брать!

Санька опешил. Переступал с ноги на ногу, стискивая в потной руке медаль. Вдруг взорвался:

— Та-ак, испугались, значит! Испугались, что карманчики ваши потрясу! А ты, Чиж, как нас своей двушкой?... Нравилось, когда выигрывал?

Чиж хотел что-то возразить, но передумал— растолкал ребят, выгреб из лунки все деньги и сунул их Саньке в руку.

— Вот твой «котел». Забирай и проваливай отсюда!..

Воронков брел домой. «Черт белобрысый,— поминал он Чижа.— Испугался, что с копеечками своими расстанется! Тоже мне, распорядитель... Еще будет указывать, какой битой играть...»

Злость душила Саньку. Чиж, которого он жалел и которого не раз выручал в драках, с молчаливого одобрения пацанов выставил его из игры. Чиж, которому он великодушно прощал столько всяких грехов... Прощал, потому что знал, как несладко живет Кольке. Без отца. С больной матерью и двумя сестрами. В нужде... И вот благодарность.

Дома суетились отец с матерью. Радостные и возбужденные.

— Гость к нам едет, Саня!—объявила мать, лишь только Санька переступил порог.— Отцов товарищ. На фронте вместе воевали.

Отец теребил в руках серую бумажку и кружил по комнате.

— Сыскался разведчик!.. Уж забывать о нем стал, а он сыскался. Живой. Ай да Костя Арефьев!..

Отец помахал бумажкой перед глазами сына.

— Телеграмму вот отбил. С часу на час будет... Жалко, к девятому числу не поспел...

Санька вмиг позабыл свою беду.

Мать сгребла в горнице половики и вынесла их трясти на двор. Санька помог ей. Пока мать мыла пол, он сбегал в погреб за картошкой и солониной. Потом выскочил за ворота и припустил по улице. От нахлынувшей радости захотелось петь.

Через час весь поселок знал о госте Воронковых. Константине Арефьеве. Фронтovém разведчике.

В беготне Санька не заметил, как потянуло сыростью и молочный туман завис над Боровым.

Еще не заходя в дом, Санька догадался: отцов товарищ уже приехал. Из распахнутых настежь окон горницы неслись громкие голоса, а старенький патефон Воронковых хрипло выводил: «Эх, путь-дорожка, фронтová, не страшна нам бомбежка любая...»

Арефьев сидел к двери спиной. Когда он встал и повернулся к Саньке, тот заметил, что левой руки у

гостя нет. Пустой рукав пиджака был заправлен в карман.

Спать не ложились долго. Отец с гостем вспоминали фронтovou жизнь, свой взвод и боевых друзей, а Санька жадно слушал, косился на разведчика— разговорчивого здоровяка с пышной курчавой шевелюрой. Арефьев ему понравился, хотя громовой голос гостя оглушил и даже напугал поначалу Саньку.

Отец, казалось, с приездом фронтového друга помолодел. Приосанился, раскраснелся. Взволнованно, выдерживая долгие паузы, говорил он о войне, называл имена, которых Санька раньше никогда не слышал. И хоть скупое и не слишком понятно рассказывал Воронков-старший, сын ловил каждое слово.

Отец коснулся пустого рукава Арефьева, спросил осторожно:

— Руку-то где оставил? Не в ту зиму, под Слуцком?

Арефьев кивнул.

Они помолчали.

Отец тяжело поднялся со стула. Подошел к комоду. Щелкнул замком и неторопливо открыл ящик.

Санька замер. Отец шарил в ящике. Перетряхивал комодное нутро и продолжал говорить с Арефьевым. Но Санька не вслушивался в разговор. Взгляд его впился в отцову спину...

— Ну, солдат, готовь дырку под медаль,—весело сказал Воронков-старший, вынимая картонную коробку из комода.— Запылилась твоя «Отвага». Шестой год тут лежит...

Санькины руки стали ватными. Голова пошла кругом.

Отец перевернул коробку, смущенно кашлянул, повернулся к комоду и начал лихорадочно обшаривать все ящики сверху донизу. Задвинув последний, сел за стол. Санька взглянул на него и обомлел: никогда еще не видел он такого страшного черного лица...

В тот вечер отец не проронил больше ни слова, хотя гость говорил без умолку. Говорил, стараясь не смотреть на хозяина.

Через два дня Арефьев уехал домой. Провожал его отец. Санька же оба дня не показывался гостю на глаза.

Он даже не простился с Арефьевым.

Вернулся Воронков-старший вечером. Не раздеваясь, шумно ввалился в Санькину комнату.

— А ну покажи, чем ты о забор колотишь?

Отцов голос не предвещал ничего хорошего. Санька попятился в угол.

В комнату вбежала мать.

— Ты чего, Иван?— испуганно взглянула она на мужа и взяла его за руку.

— А вот чего!— Отец отстранил жену и шагнул к Саньке. Глаза не мигая смотрели на сына, губы нервно подрагивали.— Он, паскудник, из Костиной медали битую себе сделал. Чтоб в «чику» играть... Гришка Запрудный только что протоптался... Поняла?! Ты поняла, чего он сотворил?!

Последние слова отец выпалил так громко и грозно, что у Саньки похолодела спина.

Мать охнула, растерянно взглянула на сына.

Отец закурил и сел на Санькину постель.
— Ты не представляешь, какой это замечательный человек — Костя Арефьев...

Отец выдернул из брюк ремень и ударил Саньку. Ударил зло, но как-то торопливо и неумело.

Санька заревел и бросился на кровать. Впервые в жизни отец поднял на него руку.

Как же надо было провиниться, чтобы так взбунтовался отец! А Чиж? Ребята? Ведь не зря они вытурили его из игры... Санька вдруг понял, что совершил непоправимый поступок. Впервые совершил. И от осознания безысходности своего положения он плакал все горше и горше, так что в конце концов его начала душить икота, а потом и кашель.

Несколько раз в дверь заглядывала мать. Но почему-то не подходила. Санька слышал, как на кухне поскрипывали половицы — отец вышагивал из угла в угол. Потом шаги стихли, и отворилась дверь. Отец вошел в комнату и остановился у Санькиной кровати.

Санька перестал плакать и только жалобно ныл.

— Ну, будет, будет... — тихо произнес отец. — Ты скажи лучше, как дальше нам жить. Ведь какой праздник Косте испортили. Шутка ли, медаль заслуженную получить! Его ведь эта «Отвага». За отличие в бою награжден был...

— От-ку-да я зна-ал? — всхлипнул Санька. — Ты же не рас-ска-зы-вал...

Он приподнялся на руках и закричал хриплым голосом:

— Ты же ничего не рассказывал!

Санькина голова снова уткнулась в подушку, и плечи задержались от рыданий.

Отец нахмурился, потер рукой подбородок.

— Что верно, то верно... Не рассказывал. Не мастер я говорить. Думал, что старое ворошить? Стоит ли? Сердце только тревожить...

Помолчав, закурил и сел на Санькину постель.

— Ты не представляешь, какой это замечательный человек — Костя Арефьев... Крепко мы с ним дружили... До сорок четвертого в одном взводе воевали. Спали под одной шинелью. В сорок четвертом, зимой, ушел Арефьев в разведку. Ушел и не вернулся. Подорвался на mine... Костин напарник посчитал его убитым. Документы Арефьева передали в штаб полка, а личные вещи — портсигар, табак, письма и всякое другое солдатское добро — у меня остались. Костя, когда уходил на задание, поручил мне свой «сидор». Лежала там и медаль «За отвагу» — я ее при случае решил родным Арефьева отослать. Решить-то решил, да только меня на следующий день самого зацепило. Полгода кочевал из госпиталя в госпиталь, пока не списали вчистую. И медаль кочевала... После войны писал, разыскивал родных друга. Да все впустую. Пять лет впустую. А тут, как снег на голову, он сам является!.. Его, оказывается, в той разведке партизаны подобрали. Едва живого. Подобрали и выводили. Руку вот только не спасли...

Отец скрипнул стулом, встал и прошелся по комнате.

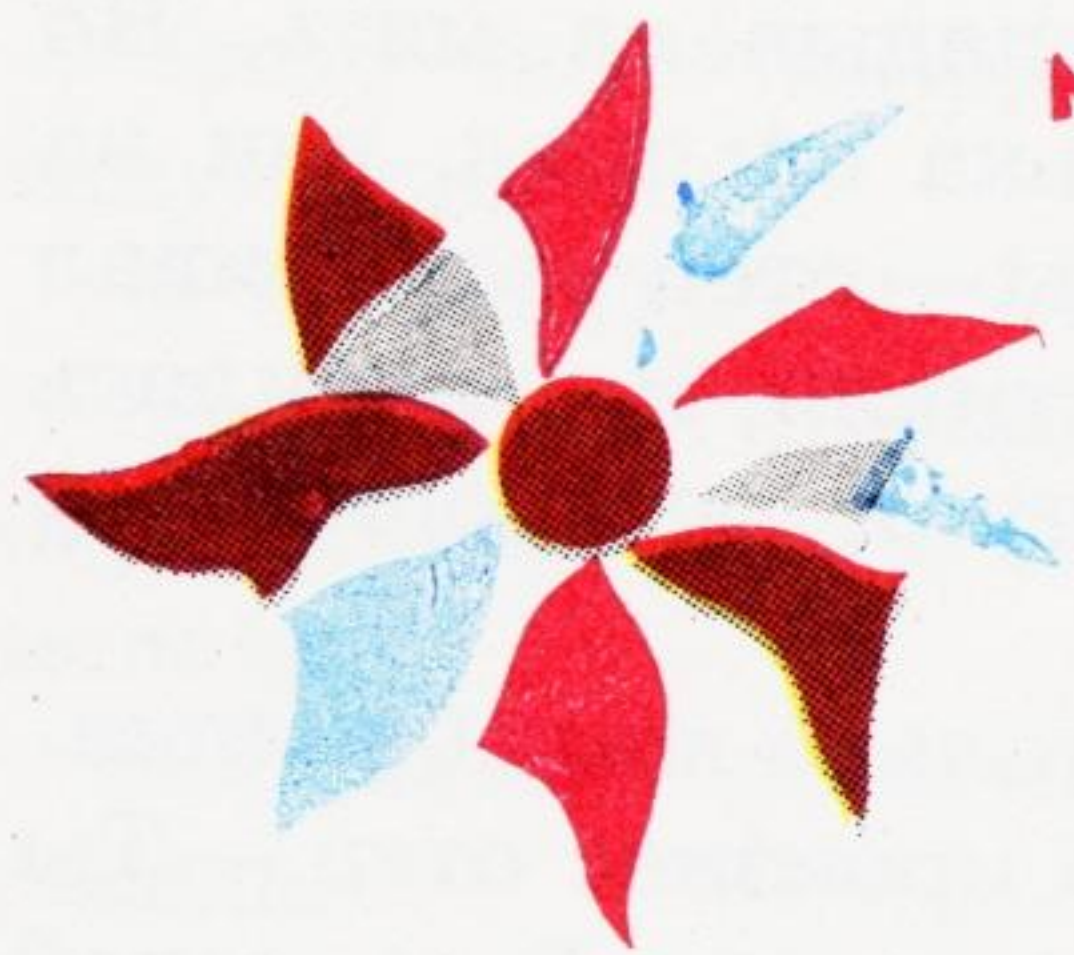
Санька шмыгнул носом, вслушиваясь в шаги. На мгновение перед глазами встало отцово лицо. В тот вечер, когда приехал Арефьев...

Саньку знобило. Он ворочался на кровати, будто хотел вдавить ее в пол или провалиться сквозь землю. Опять припомнилось, как взъелся на него Чиж. У Кольки от ранения умер отец. После войны уже умер. Остались от него орден и две медали — Чиж рассказывал ребятам, за что отец получил награды. Конечно, Колька вспомнил своего отца, увидев серебристый кругляш «Отваги»...

Все что-то вспоминают: кто бой, войну... кто товарищей, родных... Вот только он, Санька, ничего не вспомнил. Ни тогда, когда ломал медаль, ни тогда, когда колотил ею о забор.

Санька повернулся к отцу, утер майкой нос и робко спросил:

— А ушко... там... можно приделать?

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПИОНЕРСКИЙ
КЛУБ
«ТОВАРИЩ»

Группу палестинских детей радушно принимал в прошлом году солнечный «Артек». Палестинские мальчики и девочки приехали на отдых в нашу страну. Многие из них пережили ужасы израильской агрессии в Ливане, многие сражались с захватчиками, были ранены, потеряли родных и близких. О наших друзьях, юных палестинцах, рассказывает этот репортаж.

«Обо всем, что увижу в Артеке, я напишу в своем дневнике,— так решил юный палестинец Иса Зааль Али.— Ведь многие мои соотечественники не представляют, что где-то есть мирная жизнь и дети живут счастливо».

Восьмой цвет радуги

Симпатичного смуглого мальчика я заметил во время экскурсии артековцев по крымскому побережью. Он не расставался с ручкой и тетрадкой, что-то старательно записывал справа налево мудреной арабской вязью. Юный палестинец Иса Зааль Али ведет в «Артеке» дневник. «Обо всем, что я здесь увижу, мне надо обязательно рассказать друзьям,— сказал однажды Иса.— Ведь многие из них не представляют, что где-то есть мирная жизнь и дети живут счастливо». Вот одна из записей в его дневни-

ке: «Вчера вместе с советскими ребятами мы были у памятника Неизвестному матросу. Вздвинуто говорила вожатая. Мы не всё поняли из ее слов, но плакали: почти у всех нас кто-то погиб в Бейруте».

С большим успехом прошел в «Артеке» конкурс на сочинение и стихотворение о Палестине. Ира Федотова, школьница из Псковской области, только по рассказам старших знает о бедах, которые несет с собой война. Но свои мысли она выразила искренне и образно: «В далекой Палестине, где рвутся снаряды и

бомбы, парнишка усталый, измученный, забыв об опасности, уснул крепким сном. И снится ему родина счастливой... Нет ни смерти, ни крови. Цветут города, птицы весело щебечут... Но вдруг загремело вокруг, проснулся мальчишка и вздрогнул: ах, это был только сон. Но, как говорили раньше старцы, снам суждено сбываться. И верит парнишка сну, продолжает сражаться за свободу».

В «Артек» приехали и четырнадцатилетние Салах Марай Халиль и Бурхан Ахмед Тайиб. Израильская газета «Едаут Ахранут» напечатала снимок, на котором эти два мальчика сфотографированы в тюремной камере. Под снимком надпись: «Вредители-диверсанты».

...Отряд, в котором сражались Салах и Бурхан, защищал крепость на окраине Бейрута. Шесть дней не утихал бой. Израильские самолеты беспрестанно бомбили крепость. Силы были неравны. Почти все защитники погибли. Бурхана и раненого Салаха взяли в плен. Их бросили в железную сетку, сетку подцепили тросом к вертолету и таким способом доставили в Тель-Авив, в тюрьму. В тюрьме Салаха и Бурхана пытали, жгли сигаретами пальцы рук и ног, избивали. Ударом приклада Бурхану сломали руку. Камера, в которой их продержали тридцать два дня, была размером в один квадратный метр. Так что днем и ночью приходилось стоять. Только благодаря требованию международной организации Красный Крест удалось добиться освобождения юных палестинцев.

У десятилетнего Джихада Саси нога обезображена шрамами. Во время бомбежки Бейрута недалеко от него разорвалась кассетная бомба... Израильская военщина стремится уничтожить не только взрослых палестинцев, но и детей. Израильцы боятся, что из них вырастут новые бойцы за независимую и свободную Палестину. Во время осады Бейрута израильские самолеты разбрасывали по городу детские игрушки, транзисторы, часы, начиненные минами. Немало детей стали жертвами этого обмана.

На заседании артековского «Политического клуба» выступил палестинский мальчик Акрам Куси. Вот что он сказал:

— Мы будем бороться до последней капли крови. Если погибнет мой отец, будет сражаться старший брат, потом средний, потом я. Не станет меня—оружие возьмут самые младшие. Мы верим в победу, потому что у нас есть друзья и среди них—великий Советский Союз.

Акрам вскинул руку с раздвинутыми в форме латинской буквы «V» указательным и средним пальцами. Знак означает «Виктория» — «Победа».

У народов Востока есть поверье, что радуга имеет еще один, восьмой цвет, невидимый для глаза,—ощущают его лишь сердцем. Это цвет дружбы.

Для палестинских ребят в «Артеке» радуга светила восемью цветами.

М. ЦЕБОЕВ.

Фотографии А. БОЧИНИНА.

М. ИСКРИН

ТАЙНА «ОФЕНФАБРИК»

Недалеко от известного в Мюнхене памятника — тридцатиметровой чугунной девы Баварии — стоит старинное серое здание, похожее на казарму. В годы войны здесь находилась «Оффенфабрик». На фабрике выпускали различные отопительные системы: железные печи, батареи, плиты. В числе других рабочих делали их двадцать восемь военнопленных советских командиров. Рабочая команда № 3254.

После работы пленников держали взаперти. Только в воскресенье выпускали подышать свежим воздухом во двор, окруженный высокой каменной стеной. Конвоир, уверенный, что русские надежно отгорожены от внешнего мира, уходил в пивную.

По ту сторону стены возвышался дом. Там, на третьем этаже, жила жена фронтовика Анна-Мари Оттль с дочерью Ирмой и сыном Карлом. Сначала ребята просто смотрели на русских

из окон. Потом стали дружески кивать им. Наконец вниз полетела записка. Ирма вывела на клочке бумаги: «Здравствуйте, товарищи! Мы с вами! Пишите!» Ответ Карл выудил со двора фабрики спиннингом.

Наладилась регулярная связь. Ирма спускала на веревочке свернутую свежую газету «Мюнхенские новости». Читая хвастливые гитлеровские сообщения о «победах», с трудом можно было догадаться об истинном положении на фронтах.

— Эх, нам бы приемник! — говорил с тоской радист Алексей Чернов.

Однажды утром русские военнопленные носили уголь в котельную. Среди сложенной в подвале рухляди лейтенант Алексей Дмитриев (он живет сейчас в городе Шуге) заметил старенький радиоаппарат и хотел прихватить его с собой. Но майор Константин Кильдо, человек твердой воли и большой

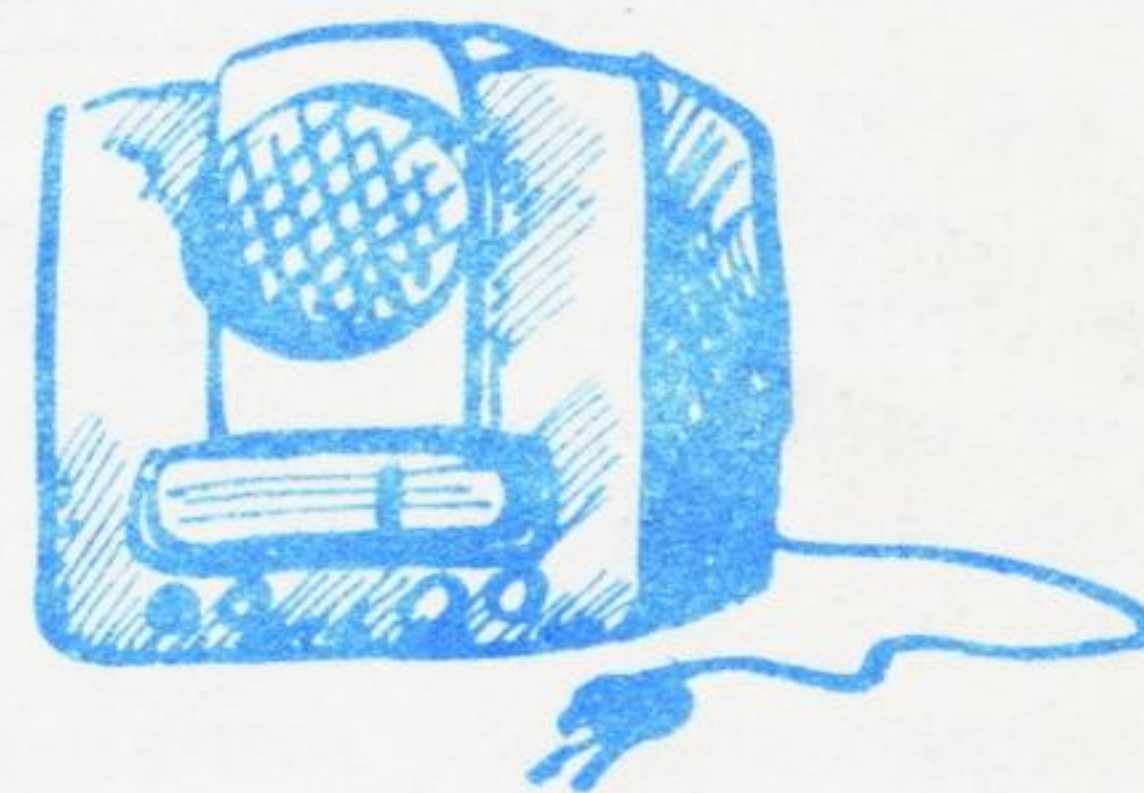
выдержки, отсоветовал. Пропажу могли заметить, а это кончилось бы плохо. Тогда радист Чернов предложил снять некоторые детали.

Кое-чего не хватало, чтобы смонтировать приемник. Как быть? Дмитриев предложил довериться Карлу. «Мальчуган не подведет», — уверял всех Дмитриев.

Алексей Чернов нарисовал недостающие части на бумаге. Карл подцепил послание русских спиннингом. К счастью, он увлекался радиотехникой и достал то, что было нужно.

Радио слушали глубокой ночью, а поутру воентехник Гавриил Гончарук надежно прятал приемник.

Переписка с Ирмой и Карлом продолжалась. Теперь ребята узнавали новости, каких не печатали ни в одной немецкой газете. С нетерпением ждали они вестей с Восточного фронта. Ведь от отца, сапера, перестали

приходить письма. Возможно, он погиб. Но, возможно, перешел к русским.

Ирма с Карлом помнили, что отец не любил фашистов и, если бы не мобилизация, никогда не пошел бы воевать.

...Пленные стали усиленно «болеть» — кашляли, жаловались на животы. Красноносый конвоир водил их в ревири-лазарет на Вестендштрассе. А узники «Офенфабрик» передавали сводки Совинформбюро переводчику и санитару лазарета Вадиму Николаеву, тридцатипятилетнему соотечественнику. В гражданскую войну врангелевцы увезли его на корабле во Францию. Он остался в Париже, но рвался на родину. Защищая Францию от фашистов, Вадим Николаев попал в плен.

Когда приходили «печники», как называли пленных команды № 3254, Николаев шел с ними на горку возле лазарета. Сводка мгновенно исчезала в широкой ладони переводчика.

— Фашистов разгромят, вот увидите,— часто говорил он.—

После войны непременно вернусь на родину!..

К Николаеву обращались за медицинской помощью и французы, и русские, и немцы, и чехи... Новости с «Офенфабрик» быстро расходились по Мюнхену.

Осенью 1944 года Вадима Николаева арестовали. Он погиб в застенках гестапо, не выдав никого из своих друзей.

При аресте Николаев не успел уничтожить одну из сводок с «Офенфабрик». Над «печниками» нависла угроза.

20 февраля 1945 года шустрый четырнадцатилетний подмастерье Иозеф подозвал в обещанный перерыв радиста.

— Алекс! — шепнул он. — На фабрике идти господин под котелок. Говорит инженер: «Русский слушайте Москва. Завтра арест». Понял?

Как не понять! Сын мюнхенского пролетария Иозеф уже давно привязался к советским командирам, выучился говорить на ломаном русском языке. Майор Кильдо отговорил его всту-

пать в фашистскую молодежную организацию «Юнгштурм». Мальчишка стал другом русских. Он сообщал им обо всем, что происходило на фабрике, хотя общение с пленными было строго запрещено...

Вовремя успели перепрятать «вещественное доказательство», за которым охотились гестаповцы. При обыске ничего не было обнаружено.

Взвод солдат с винтовками и ручными пулеметами повел командиров на вокзал. Иозеф шел сзади, размазывая слезы по лицу. Он проводил русских до чугунной девы Баварии и долго-долго смотрел им вслед.

В двух тюремных вагонах команду № 3254 отправили в концлагерь Моосбург. На допросах они ничего не сказали. До сих пор тайну приемника хранит «Офенфабрик».

Не забыли советских командиров Ирма и Карл, взрослые теперь люди. Они горды тем, что в годы войны хоть чем-то смогли помочь советским военнопленным.

Недавно на центральной площади Сартавалы прошел детский праздник «Счастливое детство». Наш КИД организовал ярмарку сувениров. Сувениры сделали мы сами. Вырученные деньги — 47 рублей — перечислили в Фонд мира.

КИД «Глобус», Карельская АССР, Сартавальский городской Дом пионеров.

Слушай, планета, слушай!
Это наши сердца велят.
Ты станешь планетой мира.
Ты станешь планетой дружбы,
Разноцветная наша Земля!

Под таким девизом прошла в нашей школе Неделя солидарности. Много интересных дел запомнится ребятам. Например, конкурс политических плакатов и рисунков. В конкурсе участвовали 63 человека. Все рисунки выражали одну мысль: «Не допустим войны! Детям нужен мир, чистое небо и счастливое детство!» Лучшими жюри признало работы Оксаны Барковой, Тани Днепровской, Вани Косолапова.

На линейке в день окончания Недели солидарности мы решили обратиться ко всем школьникам района с призывом принять активное участие в Марше мира.

Помни, ровесник: ты и я, мои и твои друзья тоже в ответе за мир на Земле. Собирайте подписи под обращениями в защиту мира. Пусть борьба за мир и счастье на планете станет целью жизни каждого из нас!

КИД имени Рихарда Зорге, школа № 2, г. Заозерный, Красноярский край.

23 октября в нашей школе прошел субботник. Организовали его кидовцы. Ребята трудились на автобазе № 8, собирали металлолом. В тот день мы перечислили в Фонд мира 120 рублей.

КИД «Планета», г. Челябинск.

ПИОНЕРСКИЙ МАРШ МИРА

В первом номере
этого года
мы обратились
к кидовцам
с просьбой
рассказать,
как они шагают
на Марше мира.
Редакция получила
много писем.
Сегодня мы публикуем
некоторые из них.

...НЕ МОГУ Я ЖИТЬ БЕЗ БОЯ

В сочинении на выпускных экзаменах в Трирской гимназии Карл Маркс писал: «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком...»

Маркс стал великим. Свой гений он посвятил революционному переустройству общества на благо простых людей.

У него было много единомышленников и друзей. Но один из них, Фридрих, стал самым близким и дорогим. В детские годы они не были знакомы, жили и учились в разных городах. Но если судить по школьным тетрадям Энгельса, по его письмам школьным товарищам, они думали одинаково еще в гимназии.

Память о великих революционерах свято хранит человечество. В Москве есть музей Маркса и Энгельса. Музей создавался в течение сорока лет трудом многих людей. Французы, немцы, англичане, итальянцы, американцы присылали сюда бесценные реликвии, связанные с научной и революционной деятельностью Маркса и Энгельса. Еще 8 декабря 1920 года на пленуме ЦК РКП(б), в котором участвовал В. И. Ленин, говорилось, что создание такого музея — «задача исключительного международного значения».

Люди со всех уголков нашей страны, гости из разных стран, приезжая в Москву, стараются побывать в музее Маркса — Энгельса. В эти дни, когда все прогрессивное человечество отмечает столетие со дня смерти Карла Маркса, особенно много посетителей. И среди них — школьники. Часто под сводами музея раздаются звонкие голоса: «Я, юный пионер Советского Союза, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...» Слушаешь эти твердые слова Торжественного обещания, и невольно вспоминаешь юношеские стихи Маркса:

*Не могу я жить в покое,
Если вся душа в огне,
Не могу я жить без боя
И без бури, в полусне...*

П. ПЭНЭЖКО

Вамные письма

Я хочу поделиться с вами этой историей. Трудно ее рассказывать, но я попробую...

Однажды на окне лестничной площадки я случайно нашла пачку газет. Кто-то небрежно бросил ее здесь и забыл. Из пачки торчала связка писем. Письма были даже не чужие, а никому не нужные. Их выкинули не только из теплой квартиры — из памяти тоже. Чья-то судьба, чья-то жизнь лежала брошенной на холодном подоконнике. Я взяла письма с собой.

И прочитала все до единого. Вдруг... чужие письма отогрели мне сердце, и не стало в мире ничего ближе и нужнее этих страничек с корявыми буквами.

Письма были из далекого села. Их писал старик. Он жил со своей старухой в большом доме. Раньше у них было крепкое хозяйство, от которого остался сад, старый и уже полудикий.

Старики жили одни в своем доме, а им казалось, что они одни-одинешеньки в большом мире. Поэтому они писали своим дальним родственникам письма. Эта была последняя ниточка, живая и тонкая, которая связывала их с людьми, с жизнью. Все это я узнала из писем.

И вот я представляю, как

вязкая сугробистая дорога ведет в теплый дом к двум старикам. Там непременно тикают часы с кукушкой, а на стенах выплывают дорогие сердцу фотографии, и по вечерам топится печь — символ русского гостеприимства и русской доброты. Таким я почувствовала этот дом...

«Здравствуйте, Галина Сергеевна и Елена Петровна, сыночек Миша и дочка Валечка. Желаем вам всем доброго здоровья. Елена Петровна, получили от вас открытку. Вы пишете, чтобы тетя Настя связала Мише носки. Верно, у нас своей шерсти нету. Мы уже давно не держим овец. И мы у нас в Иванове не могли найти шерсти, хотя кое у кого есть овцы. Мы попросили знакомого человека, чтобы он нам из Каменки привез шерсть. И тетя Настя больная, а вашу просьбу она выполнила: испряла шерсть и связала Мише носки.

Тете Насте делают уколы от давления. Давление у нее 230, сильно голова у нее болит, и сердце у нее плохое. Делают от давления и от сердца сразу два укола. Лежит она дома. Как собьют давление и будет хорошо с сердцем, то тогда поедет она в город в глазную больницу. Может быть, будут делать операцию глазам, — тетя Настя почти стала слепая, — а там, в этой больнице, принимают только здоровых, чтобы у них ничего не болело...»

Я вижу, как ближе к осени около дома дяди Саши и тети Насти вылезают «золотые шары» — грустные высокие цветы. Ветер сердчает и раскачивает золотые шары. Они толкаются, не бьются, будто тоненько звенят, и кажется, что во дворе живут маленькие колокола. Дядя Саша садится на ступеньку крыльца, закуривает и, слушая перезвон золотых шаров, смотрит в небо.

Это старость. Это одиночество. И ничто уже не сможет согреть сердца дяди Саши и тети Насти: ни их долгая любовь, ни последнее тепло золотых шаров, ни надежды на завтрашний день...

«У тети Насти сильно голова болит — давление. И я крепко заболел: парализовало левый бок. Делали мне уколы. Лежал я дома. В руку сделали 45 уколов, в ногу — 50 уколов, и теперь у меня левый глаз, и язык, и рука стали нормальные, но я хожу по комнате на клюшке.

Работает нога, но плохо. Врачи говорят: «Все пройдет». Но я вижу и думаю, что вряд ли оживею, так как у меня стали обе ноги отекают. Это письмо писал я два дня. Плохо голова у меня работает. До свидания. Целуют всех вас дядя Саша и тетя Настя. Ждем от вас ответ».

Дядя Саша пишет в своих письмах летопись текущих дней. Летопись своих будней. Горько читать эти письма, потому что каждая строчка в них — печальная нота, и на каждой страничке — одиночество...

Человек, родившись, должен узнать ласку матери и заботу отца. Должен вдоволь насладиться сказкой бабушки и наездиться на дряхлеющих плечах деда. Человеку необходимо расти среди любви и ласки, жить с добротой и любовью в сердце, потому что, когда он выйдет в огромный мир и у него появятся свои дети, человек должен вырастить их великодушными, сердечными. Должен передать доброту и любовь в наследство.

Мой дед погиб на прошлой войне, и мой круг любви и добра разомкнулся. Вернее, из него навсегда выпало одно звено. Дед навеки остался лежать в одной из сотен безымянных братских могил. И я никогда в детстве не испытывала, как сильные руки моего деда поднимают меня к небу, а выплывшие глаза в сетях морщин сияют мудрыми искрами. Никогда мне не придется близко и печально сознавать старость деда — родного человека, и любить его, и жалеть, и целовать его милые морщинистые щеки. Мне не придется прочувствовать многого, что так необходимо человеку, что связано с именем «дед».

...Дядя Саша и тетя Настя остались одни еще с прошлой войны. Единственный сын их Петр, Петя, Петруша навсегда уснул в ленинградской земле. Когда Петя рос и мужал, в доме дяди Саши и тети Насти жило настоящее человеческое счастье. Все в доме пахло этим счастьем: и хлеб, только что вынутый из печи, и огоньки деревенского цветка герани, и парное пенистое молоко, налитое в кружку, и свет из-под купола модного, довоенного абажура. Дядя Саша и тетя Настя знали, зачем они живут и для кого живут. Грешным делом, им уже мерещилось, как широкоплечий Петруша ведет

в их дом молодую жену, и счастье продолжается, и вот уже щебечут за столом внуки...

«Дорогой наш сыночек Мишенька. Вот мы дарим вам носки. Поминай нашего сынка Петра Александровича. А вы нам очень понравились, очень вы хороший и уважительный. Мы на вас надеемся, что вы мамку свою не бросите. Уважайте мамулю, а также уважайте свою сестренку Валечку — она тоже хорошая. И уважайте бабушку Елену Петровну. Да и вообще их никого не бросайте. Это вас просит дядя Саша».

Из писем я поняла, что они долго не знали, где похоронен их единственный Петр Александрович, надежда и солнышко. И вот совсем недавно пионеры-следопыты разыскали могилу их сына и написали в далекое село письмо. Старикам всегда тяжело сниматься с насиженного места, но они собрались и поехали, взяв с собой целый мешок деревенских подарков для следопытов. И, наверное, в первый и последний — единственный раз поклонились своему сынку, защитнику Родины. А он, их ласковый, не слышал и не видел родительских слез...

«Но вот теперь я описываю сам о себе. 10 октября меня вызвали в наш сельсовет, и мне председатель сказал: «21 октября в 6 часов утра за вами приедут из города, из обкома комсомола и повезут в город, в обком. Вы заслужили. Вы в 1918 году и в 1919 году воевали на гражданской. Разбили Колчака, и в 1921 году вы были на фронте, разбили банду Марусину. И вот за это, за вашу службу приглашают вас в обком». И я там был, в городе. В обкоме меня хорошо встретили, подарили мне две книги и накормили и опять на легковой машине привезли меня домой. А 25 октября из нашего района из райкома приезжали за мной. И в райкоме мне дали настоящие часы, и шарф, и значок, и коробку шоколадных конфет. И опять домой они меня привезли. А 30 октября меня пригласили в наш совхоз. Директор дал мне почетную грамоту, и все наши колхозники от души громко хлопали. А 4 ноября из города приехали к нам из обкома и пришли к нам на квартиру и принесли в подарок ручные золотые часы и крепко нас обоих — меня и мою Фе-

доровну — целовали. Сказали мне: «Александр Павлович! Спасибо вам, что вы бандитов уничтожали, и в эту войну тоже были — разбили Гитлера. Победа наша. За это все спасибо!» До свидания. Целуют вас дядя Саша и тетя Настя».

...Я знаю, им нужна самая малость — чтобы их не забывали. Им необходим стук в дверь и гость на пороге.

Гостям они всегда рады. Я вижу, как тетя Настя начинает суетиться с немудреным угощением, дядя Саша — гостеприимный хозяин старается поддержать беседу. Потом они поят гостя чаем, любуются им, а после, уже поздним вечером, когда гость ушел, переживают, что все было не так, не погородскому, бедновато и прочее. И воспоминаниями о госте живут месяцами.

Я могу сесть в поезд и выйти на хмурой, незнакомой станции, и через снег, метель, снегопад добраться до теплого дома, где живут дядя Саша и тетя Настя. Я уже вижу тонкое оконное стекло в броне сверкающего инея и дверь, плотно прикрытую. Я вижу темные сени с износившейся утварью, ведро с водой, я открываю дверь комнаты...

И я начинаю собираться в дорогу. Мне весело и грустно. Весело потому, что я собираюсь к родным мне людям, я еду для того, чтобы скрасить их одиночество. А грустно — грустно от того, что я знаю, я догадываюсь — где-то еще живут одинокие старики, скромные, тихие, покоровившиеся болезням. Живут и пишут кому-то письма.

«Дорогие мои, бабушка Настя и дедушка Саша! — пишу я. — Мы с вами никогда не были знакомы, но я очень хочу вас увидеть. Напишите мне, можно ли приехать к вам? Я буду ждать ваш ответ. Любимые, дорогие мои, до скорого свидания. Крепко целую вас, внучка Ирина».

Теперь я жду ответа от дяди Саши и тети Насти. Я дала себе слово: как только они напишут, сразу поеду. Но они не пишут, а на меня наваливаются дела, и все они кажутся важными. И я уже со страхом думаю — приди сейчас письмо, не смогу я никуда поехать, пока не переделаю всех дел...

Вот такая история.

И. АНДРИАНОВА

Рисунки Д. БАРАБАША.

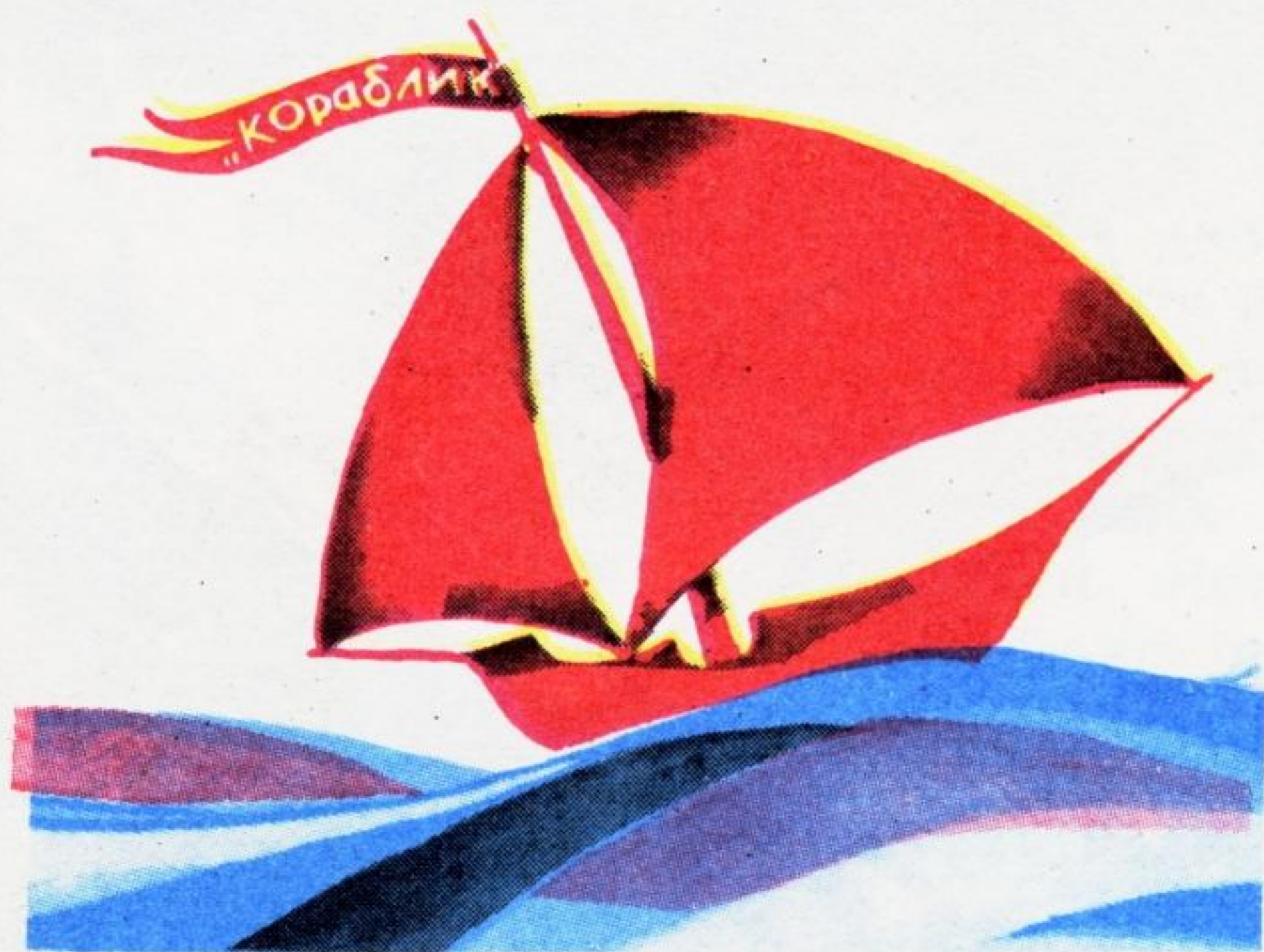
ОТ ВСЕСОЮЗНОГО ШТАБА

ТИМУРА: Мы говорим об одиночестве двух старых людей. Мы рассказали о них не случайно. И рядом с нами живут люди, нуждающиеся в доброте и заботе. В нашей доброте и в нашей заботе.

А мы забываем порой, что нужны кому-то. А когда спохватываемся и бежим навстречу человеку, — бывает иногда поздно.

Подумай об этом. И вовремя постучись в дверь к пожилым, к одиноким людям. Они ждут.

Нане ТЕТРУАШВИЛИ
10 лет. Живет она в
Тбилиси, учится в 4-м
классе школы № 56.

Маме

Пришла весна —
Чудесная пора,
И во дворах
Играет детвора.
Весна волшебной тростью
Ломает зеркала,
А солнце отсылает
Их в дальние края.
Мамино рождение
Мы празднуем в тот день,
Когда отцвел подснежник
И расцветет сирень!

Тбилисоба

С разноцветными цветами
Осень ясная пришла.
Ярко вкусными плодами
Яблоня озарена.
В темно-красные сережки
Нарядился виноград.
Персики налились соком
И, как бусинки, висят.
Словно мячик полосатый,
Виден издали арбуз.
Ветки с грушами дюшес
Наклонились: «Ну-ка, съешь!»
Вот и праздник Тбилисоба
В эту пору к нам пришел,
И теперь мы все рисуем
То, что видели на нем.

Ире ШЛИОНСКОЙ 11 лет. Она живет в городе
Троицке Московской области, учится в 5-м классе
школы № 3. Ира пишет стихи, рассказы, а сейчас
сочиняет целый роман.

Девочка и динозавр

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Меня зовут Маша Зенитова. Я живу в Москве, на проспекте Мира. У меня есть папа, мама и две сестры. Старшую зовут Лика, а младшую — Дина. Лика учится в пятом классе, я — во втором, а Дина вообще еще в школу не ходит. Однажды я гуляла во дворе одна. Знаете, как скучно играть одной? Только с куклами беседуешь. А больше никого вокруг тебя нет. И вдруг чей-то голос окликнул меня:

— Эй, девочка!

Я обернулась и застыла от ужаса: передо мной стоял динозавр. Небольшой, с меня ростом. Он посмотрел на меня грустными глазами и спросил:

— У тебя нет сигарет?

— У па-па-папы есть, — ответила я.

— А как тебя зовут? — поинтересовался динозавр.

— Меня зовут Маша, — сказала я.

— А меня Дин. Вот здорово, что мы теперь знакомы!

— Правда, здорово, — подумав, согласилась я.

Мы явились ко мне домой. Я открыла дверь своим ключом: дома никого не было. Увидев папины сигареты, Дин засунул в пасть сразу несколько пачек и с удовольствием захрустел ими.

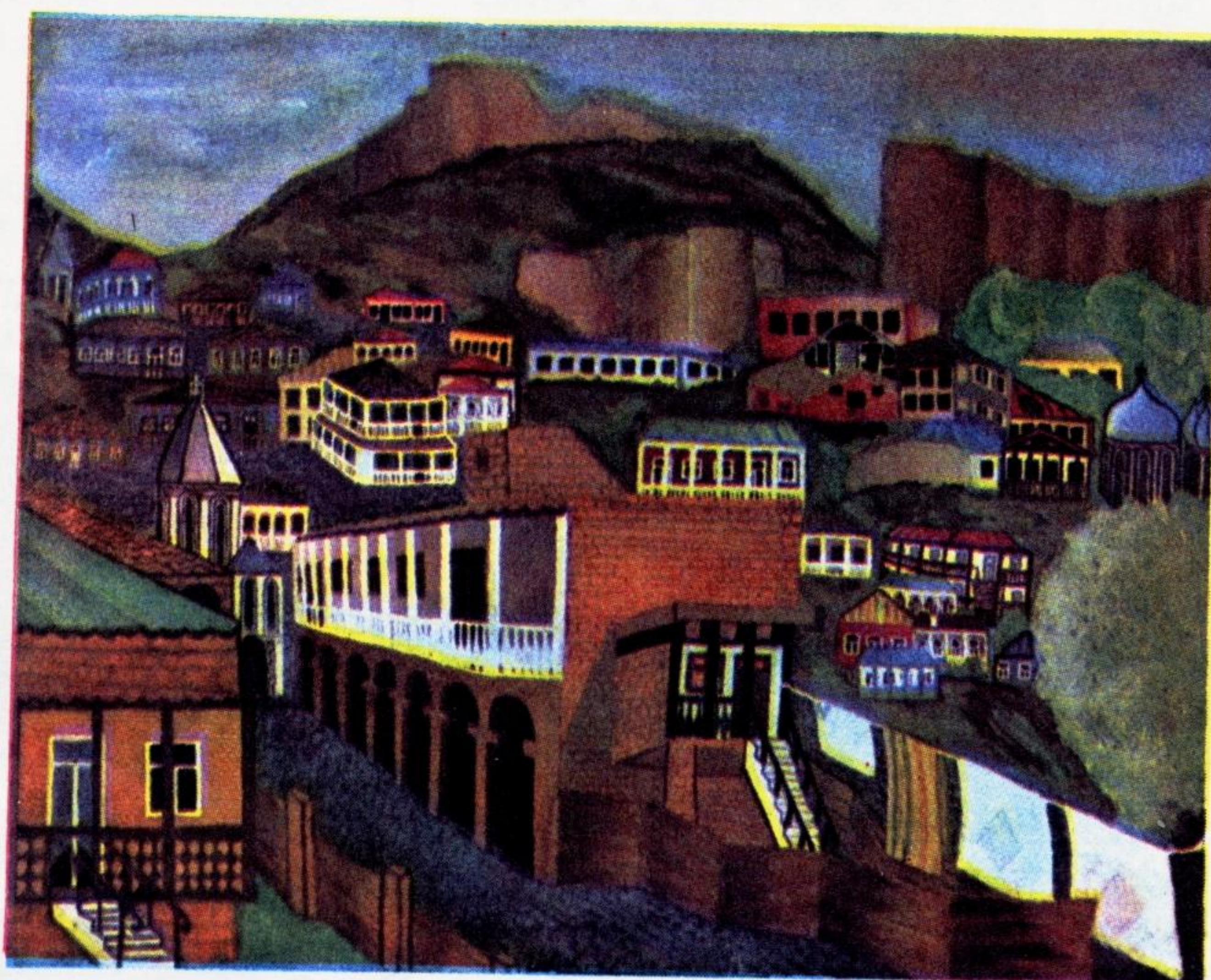
— Ой, что ты делаешь? Ты же умрешь! — воскликнула я.

— Не умру, — спокойно ответил Дин.

МОЙ ГОРОД.

Ираклий ДИАСАМИДЗЕ. 14 лет.

В это время раздался звонок в дверь, и Дин спрятался под мою кровать.

...Вечером я долго не могла уснуть. Дин высунулся из-под кровати и предложил мне:

— Хочешь пойти со мной в страну будущего?

Я подумала о маме, папе, сестрах, но все же согласилась. Поднялась, оделась и пошла. Дин приказал мне закрыть глаза, и когда я открыла их, то увидела, что нахожусь на огромной площади, огороженной барьером из железных решеток. По площади бродило много зверей, в том числе и динозавров. Вдруг в решетке открылась калитка и оттуда вышел человек в белом халате.

— Ага, попался, гуляка! — сказал он Дину.

— Иван Николаевич, я же только совсем немного погулял, — принялся оправдываться Дин.

Оказывается, Дин сбежал из зоопарка. Узнав, что я явилась из XX века, Иван Николаевич воскликнул:

— Так вы пришли из прошлого? Тогда вас нужно отправить в гостиницу.

Он помахал рукой и позвонил «везучку», маленький автомобиль с электроуправлением. Из автомобиля вышел дежурный робот.

— Отвезите эту девочку в гостиницу «Москва», — сказал Иван Николаевич.

Я сидела в «везучке» рядом с роботом и озираясь по сторонам. Первое, что бросилось мне в глаза, был слон, поднявшийся на задние ноги. У этого слона на брюхе был киноэкран. Робот мне объяснил, что такие слоны называются кинослонами.

Когда мы приехали к красивому прямоугольному зданию, я забеспокоилась: ведь у меня не было денег. Но директор гостиницы объяснил, что здесь деньги не нужны, все бесплатно. Мне отвели прекрасный номер. Почти все там было автоматическое, на кнопках: автошкаф, автостол, автодиван, автокресло. Особенно понравилось кресло. На нем были нарисованы всякие забавные рисунки, а еще можно было крутиться сколько хочешь, как на каруселях.

Быстро стемнело. Я подошла к автохолодильнику и нажала на кнопку с надписью «мороженое». Открылось отверстие в стенке холодильника, и оттуда выскочил стаканчик с фруктовым мороженым. Я попробовала его и восхитилась: мороженое мне показалось вкуснее всех мороженных в мире. Потом я заметила еще одну кнопку и, стора от любопытства, нажала на нее. Тут же передо мной возник робот с половой щеткой и веником и принялся быстро сметать пыль в свою пасть. Затем он вымыл пол и исчез, а я нажала на кнопку с надписью «кровать». Из стены выдвинулась кровать с постелью, я разделась и легла спать.

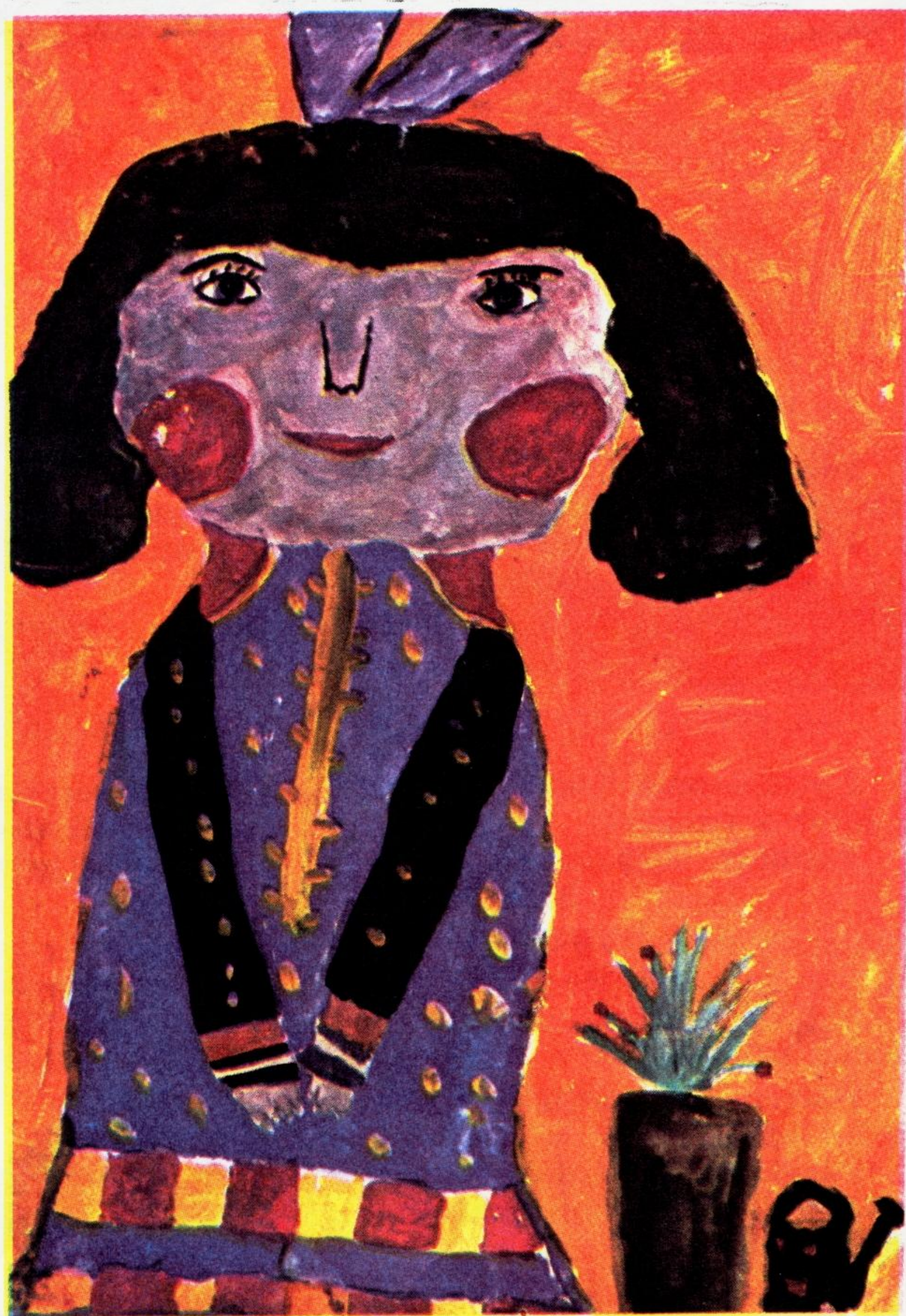
Утром, едва только я вышла из гостиницы, я увидела динозавра. Он шел по улице, неслышно ступая на мягких лапах.

— Ты опять убежал? — спросила я. — Иван Николаевич теперь запрет тебя в клетку и не будет больше выпускать.

— А я оставил ему записку, — беспечно ответил Дин.

Тут я почувствовала, что меня кто-то тянет сзади за платье, обернулась и чуть не умерла от ужаса: это был огромный дракон.

«Конец», — мелькнула у меня мысль. Но вслед за драконом бежал мальчик с железной палкой в

АВТОПОРТРЕТ. Света ЕГОРОВА, 6 лет.

руках. Миг — и палка вонзилась острием в бок дракона. Раздался страшный рев, дракон повалился на землю, и из него вылетел огонь. В один момент дракон превратился в огненный шар. Шар бешено завертелся на одном месте. Дин зажмурился и вдруг... впился в этот шар зубами! Послышался сухой треск, как от молнии, и шар превратился в пепел.

Нас с Дином увезли в больницу. Дина отправили к ветеринару, а меня к доктору. В кабинете врача стояло с десятков огромных баллонов. Врач посмотрел меня и велел сесть в баллон. К баллону он присоединил насос, и баллон стал понемногу нагреваться. Я увидела, что в соседних баллонах тоже сидят ребята, одна маленькая девочка сидела с куклой. Это тоже были больные. Стены кабинета были увешаны плакатами. Например: «Физкультурой занимайся и почаще умывайся, если будешь ты чумаз, не летать тебе на Марс» или: «Не соблюдаешь гигиену, может съесть тебя гиена». Тут же висела картинка, на ней был изображен динозавр. Вдруг картинка слегка колыхнулась, и из нее вышел мой друг Дин. Он улыбнулся мне, и я... проснулась. Я засмеялась и поспешила в школу, чтобы рассказать о своем сне ребятам.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Сколько букв в русском алфавите?

Ученик. 33 цифры.

Миша Райков,
г. Томск.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учительница. Какие растения растут в тундре?

Ученица. Моркошка.

Валя Агеева,
дер. Глазово, ТАССР.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель. В каких условиях жили рабы?

Ученица. Они ели невкусную похлебку и носили лохматую одежду.

* * *

Учитель. Что такое казна?

Ученица. Это когда отрубают голову за деньги.

Лена и Рита Харитоновы,
г. Горький.

НА УРОКЕ БОТАНИКИ

Учительница. К какому виду относятся цветы?

Ученица. К мягкому.

Нелля Зарудная,
г. Ворошиловград.

НА УРОКЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Учительница. С какой целью Чичиков скупал мертвые души?

Ученик. Чтобы заложить их в амбар.

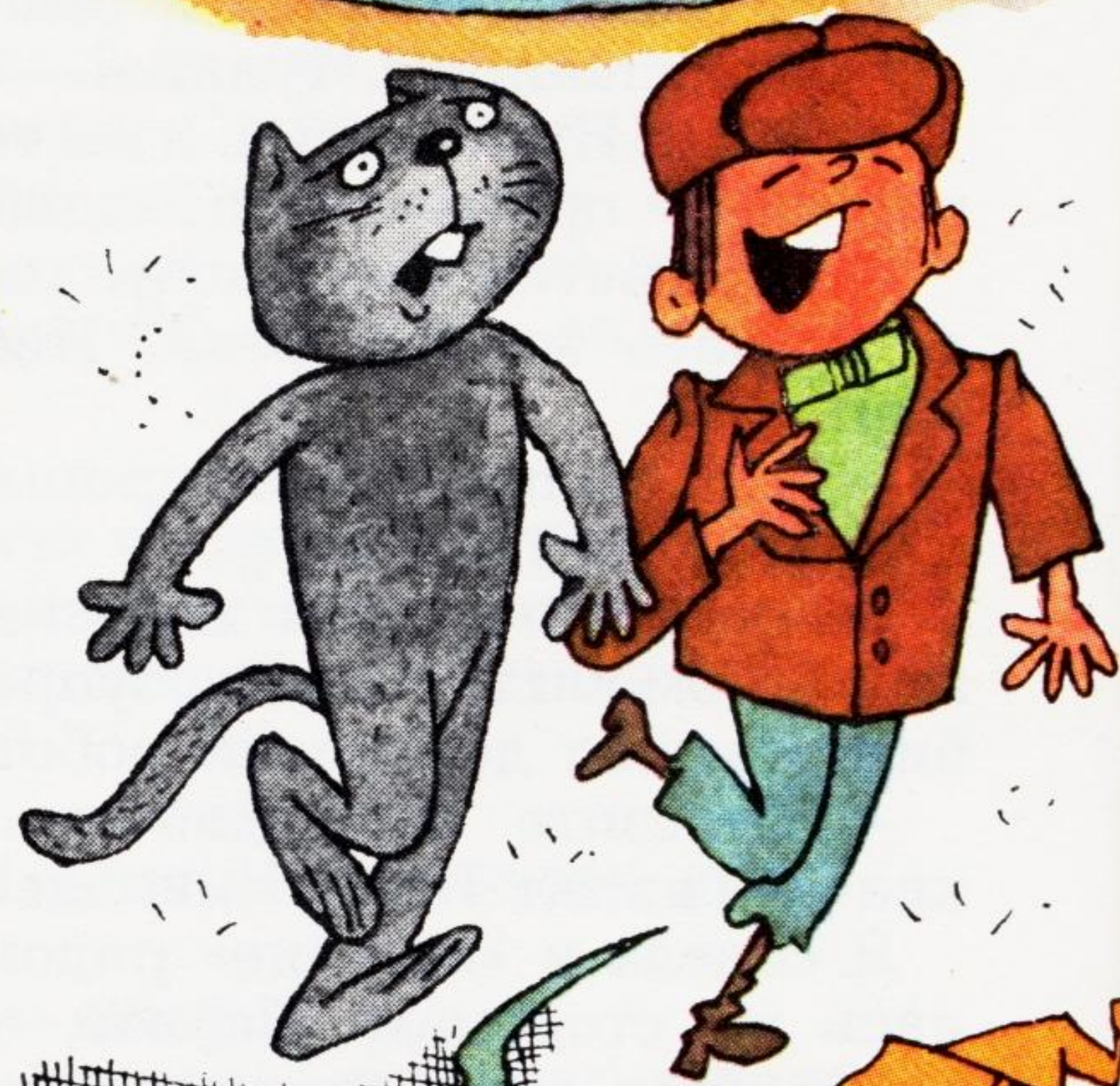
Игорь и Миша,
Ленинградская область.

НА УРОКЕ ПЕНИЯ

Учительница. А теперь, Миша, пропой нам первый куплет...

Миша. «Цветет апрель в начале мая».

Оля Кравченко,
с. Круглое,
Ростовская область.

Из школьных сочинений

«Там, где летали горы, катались горнолыжники».
«Лица у них строгие и повернуты только в море».
«В поход пошли одни девочки, кроме мальчиков».
«По дороге шел и громко мяукал Генка со своим большим черным котом Эдуардом».
«Нина не пошла в школу, и ее кусала совесть».
«На берегу озера сидели рыбаки и рыбки».
«Из-под снега выглядывала прошлогодняя весна».
«Было так холодно, что я вспотел».
«У нее на левом ухе родинка, которая ей очень к лицу».
«Простакова собирала оброк с крестьян по-стахановски».
«Прыгун взял высоту 2,85 м над уровнем моря».

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Дар
не дается
даром

В детстве мы все художники: рисование доступно всем. Изображай то, что вокруг, или то, что сам придумал, а карандаш и бумага всегда найдутся. Со стихами труднее. Недаром у древних греков поэзией — разными ее видами — «заведовали» сразу три музы.

Рисовать-то дети рисуют, другое дело — что у них получается. Скажем, домик с крышей треугольником и дымом из трубы или «точка, точка, запятая...» вряд ли можно считать шедевром изобразительного искусства; если «вышла рожица кривая», каждому ясно: не шедевр.

Для того, чтобы рисунок волновал, трогал душу, необходимо еще кое-что: чувство, отношение. Помните: «Солнечный круг, небо вокруг — это рисунок мальчишки...» В том рисунке, о котором поется в песне, есть и чувство, и отношение к жизни — к небу, к солнцу, к маме: «Пусть всегда будет...»

По разным причинам желание рисовать со временем гложет, уходит куда-то, и остаются — для большинства — только школьные уроки ИЗО, самые вольготные, на которых почти всегда можно «провести время».

Но бывают исключения — их принято называть счастливыми, — когда желание рисовать становится neodолимым, превращается в потребность и необходимость, и уже нельзя представить свою жизнь без этого ежедневного трудного труда, который почему-то приносит удовольствие и радость.

Итак, в детстве рисуют все. Потом художников становится меньше и меньше — как в беге на длинную дистанцию, когда силы и подготовка у стайеров разные. Вы, наверное, видели: сначала бегунов много, они держатся кучно, но постепенно растягиваются в цепочку, большая часть отстает, многие совсем сходят с дистанции. Она действительно длинная, эта дистанция, — длинной в целую жизнь. Только те, кто в «лидирующей группе», доходят до финиша — кончают специальные учебные заведения, становятся живописцами, скульпторами, графиками...

Русико Петвиашвили, восьмикласснице из Тбилиси, не было еще двух лет, когда она сделала свой первый рисунок. Появился на свет братишка, и Русико захотелось его нарисовать: это было большое событие в ее маленькой жизни. С тех пор она рисует всегда и везде. Были уже персональные выставки: в Тбилиси — давно, когда ей было 5 лет; в начале этого года — в Москве, в постпредстве Грузии; в конце года — в Центре Помпиду в Париже.

Я увидел рисунки Русико в зале приемов постпредства. Увидел, восхитился и... не поверил, что она сделала их сама: такие они интересные, зрелые; «взрослые». Хотелось докопаться до истины, увидеть Русико и поговорить с ней.

Я пришел в номер гостиницы, где Русико жила вместе с мамой и братом Георгием — тем самым,

которого она нарисовала когда-то. Она работала — делала рисунок в подарок своему дяде, живущему в Москве. Мои сомнения улетучились...

В этой семье рисуют все: и папа — он скульптор, и младшие дети (у Русико два брата и две сестры). Только мама составля-

ет исключение, зато она пишет пьесы для кукольного театра, а это тоже очень интересно.

Во всем, что не касается рисования, Русико вполне обычная девочка: улыбчивая, красивая, с большими черными глазами и нежным лицом. Учится хорошо по всем предметам и успешно занимается в 6 классе музыкальной школы, хотя, не стану скрывать, к музыке Русико относится без особой любви — терпит, потому что надо, потому что пригодится.

Для того, чтобы вы лучше познакомились с Русико, приведу несколько ее ответов на мои вопросы.

— Бывала ты раньше в Москве? Что тебе запомнилось?

— В Москве третий раз. Помню «Синюю птицу», только забыла, кто написал. Очень понравилась Митиль. И Фея — она добрая. И как спектакль был оформлен, свет.

— Что еще?

— Третьяковскую галерею. Картину Иванова (она имела в виду «Явление Христа народу»).

— Что тебе нравится из книг?

— Люблю смотреть альбомы Микеланджело и Леонардо да Винчи в папиной библиотеке.

— А из того, что читала?

— «Граф Монте-Кристо».

— Чего бы тебе хотелось в жизни?

— Изучить все языки. Математику. Но все это — после рисования.

— Когда ты готовишь уроки?

— Сразу после школы, чтобы поскорей рисовать.

Хочу, чтобы вы обратили внимание на два последних отве-

та — очень они, по-моему, интересные: сразу видно, что за человек Русико.

— Кого ты любишь, кроме родных?

— Ингу. (Это ее подруга.) Она правдивая, откровенная. Я ей верю. Добрая.

— А что не любишь?

— Когда насмеются и обижают. И назло делают.

Как видите, я рисую портрет не «идеального героя», а обычной девочки, только, может быть, более углубленной в себя, чем большинство ее сверстников. Но ведь мы все отличаемся друг от друга не одной лишь формой носа и цветом волос...

Известно: талант — это на де-

Русико никак не называет свои работы, не любит объяснять, что она хотела сказать ими. Зато ее рисунки заставляют работать наше воображение: мы можем сочинять, фантазировать, придумывать — о чем они, подбирать им названия.

вяносто процентов труд. Русико несколько часов в день отдает рисованию. Так было и в Москве, вдали от дома, в обстановке не только непривычной, но таящей множество соблазнов: музеи, театры. Да и собственная выставка отнимала много времени и сил: там надо было постоянно присутствовать, отвечать на вопросы посетителей...

Дело, наверное, в том, что рисование — главное для Русико, то, на чем она сосредоточена, чему подчинена ее жизнь. Умение видеть путеводную звезду и идти, не отвлекаясь, не разбрасываясь, — великое умение. Только оно — при наличии трудолюбия, разумеется, — может стать штурманом в открытом море интересов, желаний, увлечений.

Рисунки Русико удивительны тем, что в них есть отношение к окружающему миру, философия. Русико не излагает ее словами — она не очень разговорчива, — а переводит мысль прямо в рисунок, «рассказывает» рисунком. Так вот, скажем, в рисунке карандашом «Люди-поезда» (это название, как и другие, дал я,

чтобы было понятнее, — Русико оставляет рисунки безымянными) изображены три добрых молодца, три молодых богатыря, которые внутри себя, в своих грудных клетках везут множество людей в какие-то экзотические страны. Тут воплощена идея человеческой доброты.

«Трехглавый» — символ зла. Это не тот известный всем Змей-Горыныч о трех одинаковых головах, а чудовище, у которого одна голова пожирает людей, другая, хитрая и коварная, подкидывает идеи, является, так сказать, теоретиком, а третья, похожая на человеческую, вроде бы не одобряет происходящее, но и не борется со злом, а лишь отворачивается, чтобы его не видеть. Какая из голов самая страшная — еще надо подумать!

И все это интересно по композиции, а «Трехглавый», нарисованный акварелью, — еще и по цвету.

Я назвал всего две работы как пример, а рисунков сотни, может, и того больше (я не видел те, что остались в Тбилиси: просто невозможно было привезти в Москву все, что сделано за десять таких вместительных и плодотворных лет).

Наверное, Русико родилась художником — гены, сказали бы ученые. Может быть, и гены... Русико еще только в начале той марафонской дистанции, которая зовется жизнью. И того многого, что она успела сделать, мало, чтобы почивать на лаврах. Но она, судя по всему, и не собирается «почивать».

Пожелаем ей долгого, как говорят спортсмены, и чистого дыхания.

Л. КЕЛЬМАН

«ЖИЗНЬ КРАСОЙ ДУШИ КРАСНА»

Маленькая повесть
о большом русском поэте

Продолжение. Начало в № 2.

Жуковский

ЧАСТЬ II

Работа над поэмой продвигалась успешно. К осени Жуковский написал около 800 строк, половину задуманного. Болезнь отступала медленно. Но счастье творчества не покидало баденского затворника. Это не было счастье человека, отгородившегося от суетного мира стенами кабинета. Это были чувства художника, в полную силу таланта творившего для людей...

Творить для людей было жизненным принципом Жуковского, его гражданской позицией. Меньше всего он заботился о славе. Он стремился сделать искусство поэтического слова близким и понятным не только ценителям и знатокам, но и простому народу. Жуковский был первопроходцем нового литературного направления — романтизма, утверждавшего достоинство человеческой личности, ее свободу.

Романтизм вызывал яростную ненависть литературных и политических реакционеров. Они видели в нем идеи, враждебные крепостничеству и самодержавию. Утвердив в русской поэзии романтизм, Жуковский совершил подвиг.

Дело, начатое Жуковским, подхватили и развили его гениальный ученик Александр Пушкин, поэты-декабристы. Они обогатили романтизм народными традициями, общественно-политическим содержанием. Честный и взыскательный художник, Жуковский мужественно уступил свое первенство в русской поэзии новой литературной поросли...

Давно уже не было в живых Пушкина. Жуковский пережил своего ученика, как пережил и многих своих современников. Но Пушкин неизмен-

но жил в сердце старого поэта. Василий Андреевич постоянно держал под рукой его книги, часто перечитывал его письма, мысленно советовался с Пушкиным.

В один из дней пришла весточка из России. Жуковский получил письмо от своего давнего приятеля, критика Петра Александровича Плетнева. Плетнев интересовался здоровьем Жуковского, семейными и литературными делами и сообщал о новостях на российском Парнасе. К письму был приложен томик стихов Аполлона Майкова.

Даже в дни болезни Жуковский напряженно следил за развитием русской литературы. Ему захотелось поскорее познакомиться с творчеством поэта. Камердинер Василий, заменявший Жуковскому глаза и руки, читал стихи Майкова вслух. Василий Андреевич не мог сдержать восторга:

— Какая прелесть! Сколько гармонии и чувства! У Майкова — истинный поэтический талант. Как был бы рад его стихам Пушкин...

По улицам Баден-Бадена кружились желтые листья. Бодрящий воздух властно врывается в рабочий кабинет поэта, принося с собой пряные ароматы, запахи осенних костров, надвигающихся туманов и дождей. И снова к Жуковскому возвращались воспоминания, и снова его душа летела в давно прошедшие времена, в края детства.

Тогда тоже была осень. Осень 1790 года. Вася Жуковский впервые надолго распрощался с родным Мишенским. Афанасий Иванович, решивший, что пора наконец заняться образованием сына, перебрался в губернский город Тулу.

Тула совсем не походила ни на Мишенское, ни на соседний купеческий Белев. Разве что окружавшие город холмы да подступавшие к нему заповедные дубравы чем-то отдаленно напоминали окрестности родного села. В Туле было немало красивых каменных зданий — дворянских и купеческих особняков, общественных строений, церквей.

На берегу реки Упы, которая показалась Васе очень большой по сравнению с мишенской Выррей, возвышались корпуса знаменитого императорского оружейного завода. Река делила город на две части: Городскую, в которой поселились Бунины, и Зарецкую, куда вел широкий приземистый мост, сложенный из больших крепких бревен.

— Там, в Зарецкой слободе, — пояснили Васе старшие, — живут оружейники, на все руки мастера отменные. Сам Петр Великий им покровительствовал и повелел за счет казны оружейный завод в городе поставить.

Из всех памятных мест города оружейников особенно поразил воображение мальчика древний Тульский кремль. Его седые стены и башни хранили на себе следы былых сражений, помнили и набеги крымских татар, и нашествие польских шляхтичей. В центре кремлевской площади, словно памятник храбрым защитникам тульского каменного града, сиял на солнце огненной позолотой куполов величественный Успенский собор. В дни церковных праздников в собор на богослужение съезжалась вся местная знать. Афанасий Иванович брал с собой иногда и Васю — тот глаз не сводил с замечательных фресок, которыми были расписаны стены собора.

К этому времени Вася и сам уже научился хорошо рисовать, каждая встреча с искусством много значила для него.

Учебных заведений в Туле было мало. Выбор Афанасия Ивановича пал на частный дворянский пансион Христофора Филипповича Роде. Христофор Филиппович был добрым человеком и внимательным педагогом. Он старался будить мысль своих воспитанников, прививать им любовь к литературе, истории, математике... В пансионе особенно приистрастился Вася Жуковский к чтению — библиотека Христофора Филипповича, в которой было немало книг русских и западноевропейских, находилась полностью в распоряжении воспитанников. В пансионе Вася и сам пробует сочинять, подражая известным литераторам. Единственным предметом, который не давался Жуковскому, была математика: Афанасий Иванович даже был вынужден нанять репетитора, занимавшегося с мальчиком после уроков.

В марте 1791 года Афанасий Иванович сильно простудился, пролежал несколько дней в горячке и умер. Перед смертью Бунин позвал жену и попросил ее позаботиться о судьбе Васи и его матери. Мария Григорьевна обещала мужу воспитать мальчика и «вывести его в люди». Она пережила Афанасия Ивановича на двадцать лет и действительно многое сделала для Жуковского.

Занятия в пансионе Роде продолжались на протяжении двух лет. Содержание учебного заведения приносило непрактичному Христофору Филипповичу больше убытков, чем прибыли. С осени 1793 года он не мог продолжать занятия со своими воспитанниками. Жаль было расставаться с пансионом, с добрым и заботливым Христофором Филипповичем, но ничего не поделаешь — пансион закрылся...

Жуковского определяют в единственное в городе

казенное учебное заведение — Главное народное училище. Училище пользовалось хорошей репутацией.

— В училище замечательные педагоги, — уверяли Марию Григорьевну знакомые. — Возьмите, к примеру, Феофилакта Гавриловича Покровского. Способнейший молодой человек. Окончил с отличием Петербургскую учительскую семинарию, умен, начитан. Отлично знает математику, историю, изящную словесность, пишет философские трактаты.

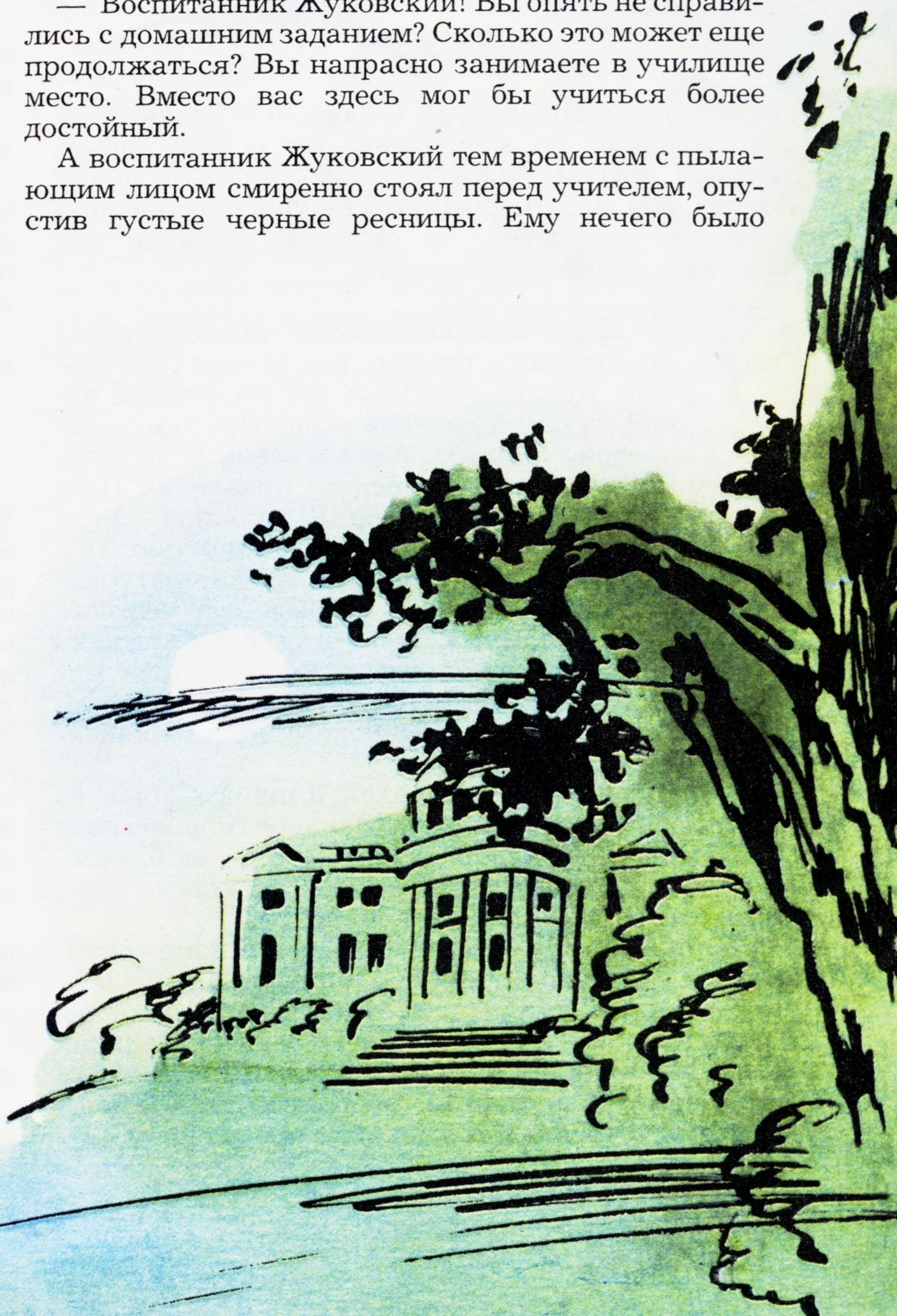
Много доброго говорили в городе и о директоре училища, отставном секунд-майоре Михаиле Васильевиче Хомякове: его стараниями в училище поддерживался образцовый порядок.

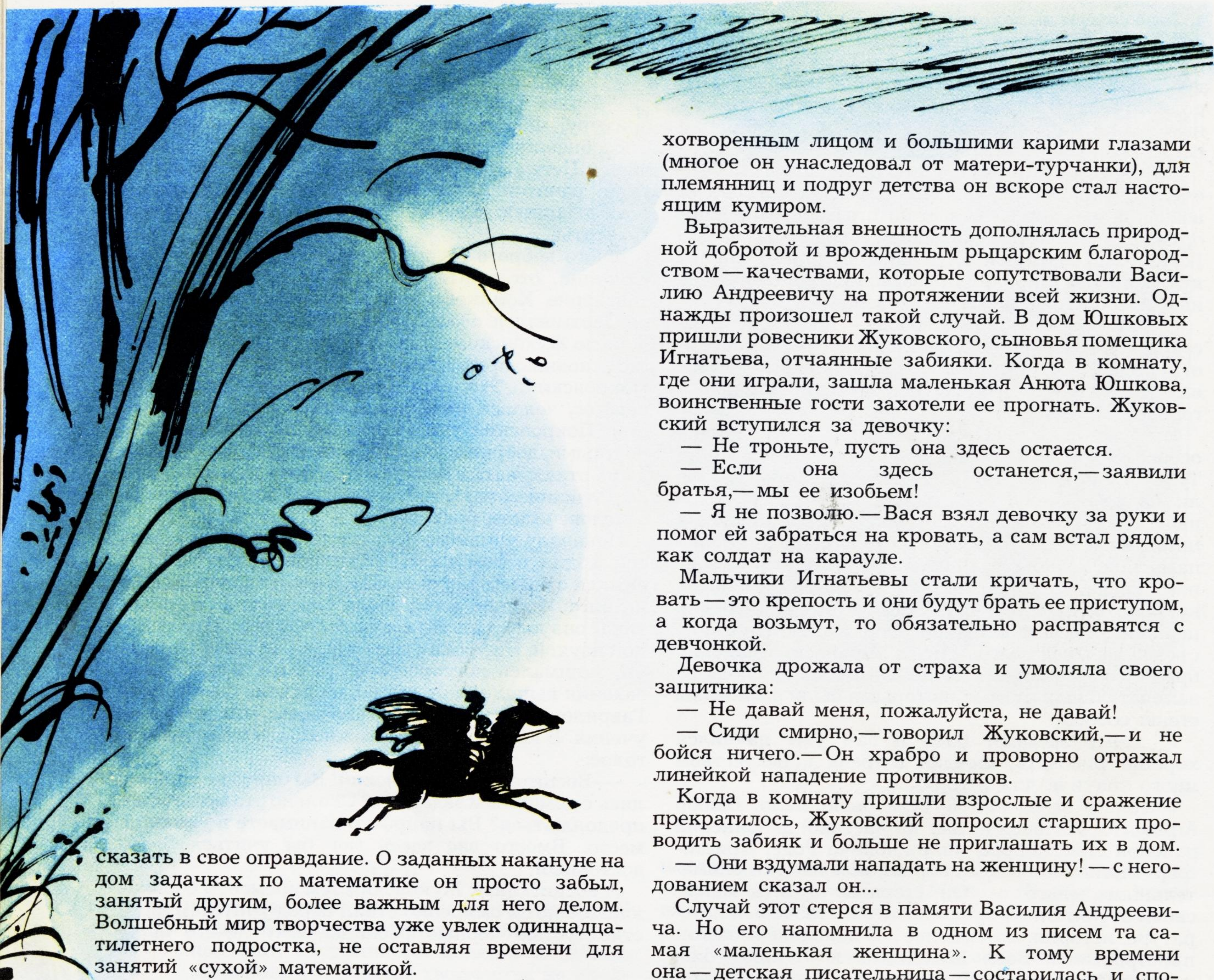
Васю Жуковского приняли сразу во второй класс, где основные предметы вел Феофилакт Гаврилович Покровский. Это был действительно одаренный педагог, человек разносторонних и глубоких знаний. Покровский учил своих воспитанников быть честными, добрыми и порядочными людьми, никогда не отказывать в помощи тем, кто в ней нуждается. Сознанием его владели идеи гуманизма и мечты о человеческом братстве.

Поначалу училище понравилось Васе. Он с охотой ходил в дом на Почтамтской улице, быстро свyksя с новым окружением. Но так продолжалось недолго. И виной всему была злосчастная математика: она казалась Жуковскому сухой и неинтересной наукой. На уроках математики он бывал рассеян, занимался посторонними делами, а домашние задания выполнял от случая к случаю. Феофилакт Гаврилович же был строг во всем, что касалось учения. В классе нередко можно было слышать его голос:

— Воспитанник Жуковский! Вы опять не справились с домашним заданием? Сколько это может еще продолжаться? Вы напрасно занимаете в училище место. Вместо вас здесь мог бы учиться более достойный.

А воспитанник Жуковский тем временем с пылающим лицом смиренно стоял перед учителем, опустив густые черные ресницы. Ему нечего было

сказать в свое оправдание. О заданных накануне на дом задачках по математике он просто забыл, занятый другим, более важным для него делом. Волшебный мир творчества уже увлек одиннадцатилетнего подростка, не оставляя времени для занятий «сухой» математикой.

Этот мир особенно явственно предстал перед Жуковским с тех пор, как Мария Григорьевна Бунина поручила его воспитание одной из своих дочерей — Варваре Афанасьевне Юшковой. Варвара Афанасьевна и ее муж, чиновник Тульского губернского правления Петр Николаевич Юшков, заметно выделялись среди местного дворянства своей образованностью. Под гостеприимным кровом их дома на литературно-музыкальные вечера собирался весь цвет местного образованного общества. Здесь читали и обсуждали последние произведения литераторов школы Карамзина и Дмитриева, здесь звучали романсы на стихи модного поэта Нелединского, шли оживленные споры об искусстве.

Своей популярностью салон Юшковых был во многом обязан хозяйке дома. Варвара Афанасьевна обладала тонким художественным вкусом, блистательным даром рассказчицы. Она прекрасно пела, рисовала, играла на фортепиано...

У Юшковых было четыре дочери. В доме воспитывались также племянницы Варвары Афанасьевны — дочери рано умершей Натальи Афанасьевны Вельяминовой — и еще несколько девочек, дальних родственников хозяев. Жуковский был единственным «кавалером» в шумной и говорливой девчоночьей компании. Стройный и ловкий, с прекрасным оду-

хотворенным лицом и большими карими глазами (многое он унаследовал от матери-турчанки), для племянниц и подруг детства он вскоре стал настоящим кумиром.

Выразительная внешность дополнялась природной добротой и врожденным рыцарским благородством — качествами, которые сопутствовали Василию Андреевичу на протяжении всей жизни. Однажды произошел такой случай. В дом Юшковых пришли ровесники Жуковского, сыновья помещика Игнатьева, отчаянные забияки. Когда в комнату, где они играли, зашла маленькая Аня Юшкова, воинственные гости захотели ее прогнать. Жуковский вступился за девочку:

— Не троньте, пусть она здесь остается.

— Если она здесь останется, — заявили братья, — мы ее изобьем!

— Я не позволю. — Вася взял девочку за руки и помог ей забраться на кровать, а сам встал рядом, как солдат на карауле.

Мальчики Игнатьевы стали кричать, что кровать — это крепость и они будут брать ее приступом, а когда возьмут, то обязательно расправятся с девчонкой.

Девочка дрожала от страха и умоляла своего защитника:

— Не давай меня, пожалуйста, не давай!

— Сиди смирно, — говорил Жуковский, — и не бойся ничего. — Он храбро и проворно отражал линейкой нападение противников.

Когда в комнату пришли взрослые и сражение прекратилось, Жуковский попросил старших проводить забияк и больше не приглашать их в дом.

— Они вздумали нападать на женщину! — с негодованием сказал он...

Случай этот стерся в памяти Василия Андреевича. Но его напомнила в одном из писем та самая «маленькая женщина». К тому времени она — детская писательница — состарилась и спокойно доживала свой век. Благодарность Жуковскому за дружбу и трогательное участие она сохранила до гробовой доски.

Дома было все иначе, чем в училище. Дома его почитали сверстники, с восторгом ловили каждое слово. Здесь можно было блеснуть знаниями произведений Флорана — любимого автора юного Жуковского, уметь рисовать, сочинять стихотворные экспромты. По сравнению с домом училище казалось нестерпимым. Вася учился все хуже и хуже. К весне он совсем разленился и сильно отстал от класса. Никакие увещания Феофилакта Гавриловича и Варвары Афанасьевны, которой Покровский постоянно жаловался на воспитанника, воздействия не имели. Переводных экзаменов в третий класс Жуковский не выдержал. А посему в назидание другим лодырям был отчислен из училища «за неспособностью».

Курьез? Ирония судьбы? Но так было. Угадать призвание ребенка бывает трудно даже самым опытным педагогам. Может быть, позднее Феофилакт Гаврилович бранил себя за оплошность. Но тогда он был убежден, что поступает по справедливости.

Гораздо суровее, чем учитель Покровский, боролся со своей леностью и другими недостатками

характера сам Жуковский. Он всю жизнь занимался самовоспитанием. «Я — ленив!» — говорил себе Жуковский и, вставая чуть свет, принимался за работу. «Я — ленив!» — говорил Жуковский и выбирал для себя самое трудное дело. Он не ждал, когда его посетит вдохновение, а садился за стол и начинал писать стихи, занимался литературными переводами. И уж тогда вдохновение непременно приходило к нему, оно не могло обойти его стороной...

Постепенно дом Юшковых наполнился домашними учителями и гувернерами. Васе Жуковскому

них были общие. Одним из самых ярких стал театр. Тула тех лет славилась своим театром. На его подмостках играли замечательные профессиональные актеры, в том числе такие знаменитости, как Трофим Константинов и Василий Рыкалов, впоследствии украсившие столичные сцены. Ставились разнообразные сочинения лучших российских и зарубежных авторов. Юшковы были заядлыми театрами и не упускали случая повести на спектакли детей.

Театр приводил Жуковского в восторг. Одаренным живым воображением подростком овладела страсть к театральному сочинительству. Масло в огонь подливал Андрей Тимофеевич Болотов. Этот известный на всю Россию человек — писатель, драматург, художник, издатель и автор знаменитого журнала «Экономический магазин», первый русский ученый-агроном — был частым гостем дома Юшковых и очень сильно действовал на Жуковского многосторонностью своих дарований.

— А почему бы тебе, Василий, — сказал однажды Болотов, — не завести свой домашний театр? Смотри, у тебя больше дюжины помощниц и каждая — прирожденная актриса.

— Получится ли? — смутился Жуковский. Болотов словно угадывал его тайные мысли.

— Получится! — убежденно сказал Андрей Тимофеевич. — Не боги горшки обжигают. — И рассказал Василию историю о том, как пятнадцать лет назад у себя в Богородицке он собрал детей и... устроил детский театр. Первый в России детский театр!

С этого все и началось. Зимой 1794—95 года двенадцатилетний автор пишет свое первое драматическое произведение — трагедию из античной жизни «Камилл, или Освобожденный Рим». На основе пьесы в канун новогодних праздников и в честь приезда в Тулу из деревни Марии Григорьевны ставится домашний спектакль.

С помощью старших в столовой дома Юшковых была сооружена импровизированная сцена, освещенная — спектакль, как и полагалось в настоящем театре, ставился вечером — свечами и плошками из залитой воском скорлупы грецких орехов. Декорации и кулисы соорудили из того, что было под рукой. Большая разрисованная простыня служила занавесом.

Каждой из юных обитательниц дома нашлась в спектакле своя роль. Анюта Юшкова стала консулом Мнестром. Ее младшая сестра Маша — вестником Лентулой. Остальные девочки, одетые в белые, на манер древнеримских туник, сорочки, украшенные лентами и шарфами, играли сенаторов, воинов, слуг и горожан.

Главную героиню — Ардейскую царицу Олимпию представляла самая старшая из девушек, воспитанница Юшковых. Главного героя трагедии, полководца Камилла, играл сам драматург и создатель домашнего театра — Вася Жуковский. Он был одет в курточку, подпоясанную широким кушаком. На голове отважного воина красовался искусно сделанный картонный шлем. Деревянная линейка для черчения преобразилась в древнеримский меч.

Спектакль был насыщен напряженным драматическим действием. Особенно удачной оказалась финальная сцена. Перед Камиллом, дававшим отчет римским сенаторам о победе над врагами, неожиданно появлялась Олимпия. Героиня, смертельно раненная, с распущенными волосами и бледным лицом, на вопрос Камилла: «Кто ты?», отвечала трагическим голосом:

Победителю-ученику от побежденного-учителя.

В тот великопраздничный день в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила».

Василию Жуковскому

1820 Маша 66 Великий праздник

В. А. Жуковский.

Литография с рисунка Е. Эстеррейха с дарственной надписью Жуковского Пушкину: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот великопраздничный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила».

ничего не оставалось, как продолжать занятия дома, вместе с девочками. К слову, среди учителей, преподававших в «домашнем пансионе» Юшковых, был и Феофилакт Гаврилович. Будучи сердитым на Васю, он все же согласился заниматься и с ним. Дома учиться было легче, дома помогали даже стены, но особенно помогало Жуковскому стремление во всем быть первым среди ровесниц. Ведь рыцарь не может уронить своего достоинства!

Так прошел еще один год. Для Жуковского и его друг детства он стал незабываем. Они настолько сдружились, что почти все интересы и увлечения у

— Познай во мне Олимпию, Ардейскую царицу, принесшую жизнь в жертву Риму!

— О боги! Олимпия,—воскликнул в ответ Камилл-Жуковский,—что сделала ты?

— За Рим вкусила смерть! — произнесла эти слова, Олимпия замертво падала перед взором восхищенной публики.

Успех трагедии превзошел все ожидания. Дети играли естественнее и лучше, чем многие драматические артисты той поры, стесненные рамками театральных условностей. Зрители спектакля — домочадцы и гости Юшковых — осыпали похвалами начинающего автора и юных артисток.

Ободренный успехом «Камилла», Жуковский берется за написание новой пьесы. На этот раз он заимствует сюжет из модного французского романа Жака Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния». Роман повествовал о трогательно-нежной дружбе и любви дочери дворянина Виргинии и сына крестьянки Поля, выросших на лоне природы, свободных от сословных предрассудков. Юный автор творчески переосмыслил сюжет. В основу пьесы он положил не историю любящих сердец, а трагедию матери Виргинии. Пьеса так и называлась — «Госпожа Де-ла-Тур». Что побудило к этому Жуковского? Может быть, трагедия его собственной матери? История его появления на свет уже не являлась для юноши тайной. Но он был по-прежнему разлучен с матерью и еще острее чувствовал свое сиротство. Все эти годы Елизавета Дементьевна жила в Мишенском, помогала Буниной в хозяйственных делах. Сделать что-либо для сына было не в ее силах...

Новый спектакль готовился со всей тщательностью. Актеры добросовестно учили роли, шили костюмы, помогали постановщику мастерить декорации. Вот когда пригодились Жуковскому навыки, полученные в местной рисовальной школе! Его учителем был способный живописец и педагог, выпускник Московского университета Федор Иванович Катышев.

Осуществить задуманное не удалось. Всему виной

оказался десерт, поданный на сцену Варварой Афанасьевной по ходу действия. Артисты так увлеклись лакомством, что забыли о ролях, и представление расстроилось. Вася тяжело переживал неудачу, отчаянно пытался исправить положение. Но взрослые уверили его, что ничего страшного не произошло и они с охотой посмотрят спектакль в следующий раз.

Уроки с домашними учителями, живое общение с милыми, умными, способными к восприятию всего прекрасного сверстниками, занятия литературным творчеством продолжались непрерывно до осени 1795 года. Осенью вспомнили о высказанном как-то желании Афанасия Ивановича определить сына на военную службу. Посодействовать в этом предложил один из друзей Юшковых, майор Дмитрий Гаврилович Постников. Он числился на службе в полку, расквартированном в Кексгольме, однако почти все время жил в Туле. Постников обещал, что при первой же необходимости явиться в полк он обязательно возьмет с собой Васю и будет хлопотать о его зачислении. В те времена многие дворянские дети чуть ли не с колыбели числились в составе драгунских, кирасирских, артиллерийских и прочих полков.

Возможная перемена и радовала и огорчала Жуковского. Его привлекала военная служба, но жаль было расставаться с Тулой. По совету Дмитрия Гавриловича Васе сшили полувоенный мундир. Облачившись в него, Жуковский предстал перед друзьями детства в новом, еще более привлекательном виде: юного поэта и будущего офицера. Мундир придавал ему солидность, подчеркивал ладную фигуру.

В октябре 1795 года Постникова вызвали в полк, и он взял с собой Жуковского. Для Васи это была первая дальняя поездка, первое знакомство с Россией. Жизнь Кексгольмского гарнизона была однообразной и скучной, наполненной ежедневной солдатской муштрой. Но для Жуковского здесь все было в новинку. Постников ввел мальчика в круг полковых офицеров. Среди них у Жуковского даже появились приятели.

— Ну, что, Василий, нравится тебе ратная служба? — спрашивали его новые знакомые.

— Очень! — говорил Вася. Глаза его пылали, в воображении возникали картины подвигов, героем которых, конечно же, был он сам.

В будние дни Жуковский вместе с новобранцами маршировал на плацу, обучался приемам владения ружьем. По субботам проводились разводы. Наблюдать за ними доставляло особое удовольствие. В один из дней он так увлекся этим зрелищем, что не заметил, как налетел шквалистый ветер, сорвал с головы и унес в залив его шляпу. Лишь с помощью знакомого офицера ее удалось выудить из ледяной воды.

В свободные часы Жуковский садился за письменный стол, занимался сочинительством, языками — немецким, французским, английским, которые усердно изучал в доме Юшковых, писал письма родным и друзьям. Среди адресатов была и Елизавета Дементьевна.

«Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна! Имею честь Вас поздравить с праздником и желаю, чтоб Вы онный провели весело и здорово. О себе честь имею донести, что я, слава Богу, здоров. Недавно у нас был граф Суворов, которого встречали пушечною пальбою со всех бастионов крепости. Сегодня у нас маскарад, и я

также пойду, ежели позволит Дмитрий Гаврилович. Впрочем, желая всякого благополучия, остаюсь Ваш послушный сын Васинька.

1795-го года, декабря 20 дня,
Кексгольм».

Однако добиться зачисления Жуковского в полк Постникову не удалось. Вася загрустил. Дмитрий Гаврилович утешил его, сказав, что не все потеряно, и предложил пожить вместе с ним немного в Петербурге. Так Жуковский впервые попал в столицу.

Северная Пальмира поразила юношу своим великолепием, величественными дворцами, знаменитым медным всадником, строгой красотой. Гуляя по Петербургу зимними днями 1796 года, Жуковский даже не мог предположить, что с этим городом впоследствии на долгие годы сроднит его судьба...

Недалеко отсюда, в Царском Селе, в 1815 году он встретит и полюбит на всю жизнь гордость русской поэзии Александра Пушкина, станет его наставником, «пестуном и хранителем» пушкинской музыки. Всякий раз, когда Пушкину приходилось тяжело, Жуковский был рядом. Он не раз спасал его от гнева царя, защищал от наветов врагов, от зоркого глаза жандармов, от необдуманных поступков. И все-таки не уберег. Воспоминания о гибели Пушкина скорбью отзывались в сердце Жуковского. Он считал себя, хотя к тому не было никаких оснований, повинным в том, что не смог отворотить от Пушкина руку убийцы. Василий Андреевич был последним человеком, которого пожелал видеть рядом с собой умирающий Пушкин. Жуковский своими руками положил его в гроб, принял на себя хлопоты по изданию его сочинений, сохранил для потомков его литературное наследие, которое царь посчитал крамольным и хотел предать огню...

Все это случится значительно позднее.

А пока Жуковский юн, полон новых впечатлений, светлых надежд. В зимнем Петербурге встретил он свое тринадцатилетие, а спустя пару недель был уже в Туле.

Здесь оставалось все по-прежнему. Подруги детских дней вновь приняли Жуковского в свою компанию, радостно приветствуя его приезд. Жуковский не успевал отвечать на их вопросы, увлеченно рассказывал о Петербурге, о Кексгольме, о Суворове, не упускал случая приукрасить повествование веселыми эпизодами и полуфантастическими вымыслами.

Обогащенный увиденным и пережитым, юный поэт стал еще настойчивее в своем желании сочинять, стал требовательнее относиться ко всему, что выходило из-под его пера. Каждое свое новое сочинение, будь то небольшое стихотворение или литературный перевод, Жуковский обсуждал в кругу сверстниц. Если им что-то не нравилось или казалось несовершенным, он тщательно переделывал написанное, добиваясь большей выразительности, отточенности.

Неожиданно у Жуковского открылось еще одно дарование: гувернантка Юшковых обнаружила у Васи тонкий музыкальный слух и хороший голос. Вместе они составили чудесный дуэт, который полюбили все домочадцы.

В ноябре 1796 года Россия облачилась в траур: умерла императрица Екатерина II. Вскоре на престол вступил ее сын, император Павел I. В жизнь и политику государства новый самодержец внес перемены. Затронули они и дела военные. Среди прочего запрещалось определять на воинскую службу не достигших совершеннолетия дворянских детей. С мыслью зачислить Жуковского в один из полков для подготовки к офицерской службе пришлось расстаться...

Кадровым офицером Жуковский не стал. Но военный мундир ему все же пришлось надеть, довелось участвовать и в сражениях. Произошло это в 1812 году, когда полчища Наполеона лавиной хлынули на русскую землю. Молодой, но известный уже среди любителей поэзии литератор, Василий Жуковский в чине поручика добровольцем вступил в Московское ополчение. Как храброго офицера его заметил сам Кутузов. При штабе выдающегося полководца Жуковский был Тиртеем*. Поэтическим памятником тех незабываемых для России дней стало одно из лучших его героико-патриотических стихотворений, «Певец во стане русских воинов», написанное по горячим следам событий...

Работая над поэмой об Агасфере, Жуковский вспомнил о Наполеоне и сделал его персонажем своего философского повествования. Жуковский ненавидел тиранию во всех ее проявлениях. «Постыдный путь от тьмы тюремной до могильной» поэт предрекал всем, кто посягал на свободу народов, кто грезил безумными идеями властвовать миром...

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

* Тиртей — древнегреческий поэт, воспевавший храбрость спартанских воинов.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОВОЙ.

Таинные
раскрытые
и нераскрытые

КОМЕТА? ЛАЗЕР? ИНОПЛАНЕТЯНЕ?

Ослепительная вспышка осветила сибирскую тайгу в районе реки Подкаменной Тунгуски 30 июня 1908 года. Взрыв огромной силы повалил лес на десятки километров вокруг. Вспыхнули пожары. Сейсмографы во многих лабораториях земли зарегистрировали колебания почвы, как при землетрясении. Крупнейшие метеостанции мира зафиксировали мощную звуковую волну, несколько раз оббежавшую земной шар. Все говорило о том, что произошло редкое и крайне интересное для науки событие — на Землю упал крупный метеорит.

Однако научная экспедиция, через какое-то время прибывшая на место катастрофы, метеорита или его частиц не обнаружила. Поиски метеоритного кратера тоже не увенчались успехом. Хотя, судя по силе взрыва, небесный гость был очень большой. Куда же он подевался?

Так родилась загадка Тунгусского метеорита, окончательно не разгаданная и до сих пор.

Взрывы атомных бомб, с которых, увы, началось исследование атомной энергии на Земле в конце 40-х годов, породили версию, что тунгусская катастрофа вызвана не падением метеорита, а ядерным взрывом огромной мощности. Множество деталей: световая вспышка и грохот, сопровождавшие взрыв; лес, поваленный на огромной территории; ожоги на деревьях — напоминали последствия атомного взрыва. Но откуда было взяться атомной бомбе в 1908 году?

Объяснение нашлось немедленно. Ну, конечно же, это был космический корабль с инопланетянами! «Летающая тарелка» с атомным двигателем! При посадке у пришельцев что-то не сработало, вот и произошел атомный взрыв.

Эту догадку подкрепляло еще одно наблюдение: взрыв, по-видимому, действительно произошел в воздухе, на высоте нескольких километров. Взрывная волна явно обрушилась на лес сверху. В самом центре взрыва деревья с обломанными сучьями стоят вертикально, а вокруг они сплошь повалены.

Но от этой захватывающей догадки, увы, пришлось отказаться. Специальная экспедиция, выезжавшая на место взрыва, никакой повышенной радиоактивности здесь не обнаружила. А после атомного взрыва она была бы обязательно.

Как только в шестидесятых годах были изобретены лазеры, тут же появилась новая гипотеза. Вспышку и взрыв в тайге мог вызвать сверхмощный лазерный луч, посланный к нам с соседней звезды, чтобы выяснить, есть около Солнца планеты или нет. Пославшие луч рассуждали так: если около Солнца пусто, то луч пройдет в его окрестностях беспрепятственно, а если на пути он натолкнется на планету, то даст вспышку света, видимую даже с дальней звезды. В подкрепление этой догадки ссылались на следы световых ожогов на деревьях.

Но расчеты показали, что при лазерной вспышке ожогов должно быть гораздо больше, а поваленных деревьев — меньше. Значит, лазер тут ни при чем. И это хорошо. А то как-то неуютно думать, что братья по разуму прощупывают космос испепеляющим лучом...

В семидесятых годах в науке возник большой интерес к «черным дырам». Это сгустки сверхплотного вещества, сжатые силами тяготения до такой степени, что ничто, даже луч света, не может вырваться и улететь с их поверхности. Поэтому они выглядят совершенно черными. Так, может быть, Тунгусский метеорит и не метеорит вовсе, а «черная дыра»? Точнее — «дырочка». Диаметр ее — доли миллиметра, но в этом пространстве спрессовано несколько миллиардов тонн вещества. Такая вот малютка и столкнулась с Землей.

Пролетая земную атмосферу, гостя могучим притяжением увлекла за собой воздух. Воздушная ударная волна повалила лес и была воспринята людьми как грохот взрыва. А твердые, тяжелые породы Земли не успели за стремительно мчащейся «черной дырой». Поэтому она прошла Землю насквозь, как раскаленная спица через кусок масла. И не оставила после себя следов, кроме крохотного отверстия, которое сейчас вряд ли можно разыскать.

Как проверить эту идею? Надо посмотреть, что показывали сейсмические приборы в этот день. «Черная дыра», вошедшая в Землю под углом 30 градусов к горизонту в Сибири, должна была вынырнуть в атмосферу севернее Англии. Здесь тоже должны были разыграться бурные события: ударная волна, взрыв...

Ученые изучили записи сейсмических станций Англии за 30 июня 1908 года. Как и ожидалось, через несколько часов после падения Тунгусского метеорита были зарегистрированы подземный толчок и воздушная волна, пришедшие в Англию с востока, из Сибири. Но на взрывную волну с севера, где «черная дыра» должна была вынырнуть, никаких намеков в записях сейсмографов нет.

Значит, небесный гость был не «черной дырой», а чем-то еще? Чем же?

Наиболее вероятно звучит сегодня объяснение, что Земля столкнулась с небольшой кометой. Комета имела очень рыхлое ядро, состоявшее из замерзшего водяного пара и газов. Когда она влетела в атмосферу, ядро раскалилось от трения о воздух, вода и газы испарились, и, еще не достигнув Земли, ядро превратилось в облако раскаленного газа. Облако породило вспышку и могучую ударную волну.

Это объяснение не противоречит никаким известным фактам, но и прямых доказательств его справедливости тоже нет. Например, никто из астрономов эту комету не видел.

Ну что ж, комета — так комета. Их в Солнечной системе много тысяч. Кто знает, не пожалует ли к нам еще какая-нибудь. Уж теперь-то ученые отнесутся к ее визиту куда внимательнее.

Г. С. ВОРОНОВ,
кандидат физико-математических наук.

ЗАЧЕМ ПОЧЕМУ?

Не пускайте «зайцев» на Венеру!

«Есть такие животные, как тихоходки: они выдерживают мороз в 272° и жару в 150° . А что, если для эксперимента завезти тихоходок на Венеру? Вдруг они там выживут? А если не на Венере, то на Марсе они уж точно должны прижиться!»

Света ФАДЕЕВА, 7-й класс,
г. Москва.

Тихоходки — зверюшки и правда замечательные. Хоть и крохотные, меньше миллиметра, а ничем их не возьмешь: жара или холод, они тут же впадают в особое, почти безжизненное состояние, в котором могут пребывать годами. Посмотришь, как будто мертвые, но стоит им почувствовать, что все вокруг пришло в норму, как они снова оживают.

Это еще не самый удивительный пример приспособляемости живых существ. Тихоходкам далеко до некоторых микробов: те могут не просто в полуживом состоянии пережить непогоду, а двигаться, размножаться во льдах Антаркти-

ки, в кипящих вулканических источниках... Не исключено, что удастся найти или вывести таких микробов, которые выживут даже в раскаленной, удушливой атмосфере Венеры. Только вот нужно ли это?

Представьте себе, что мы «для эксперимента» отправили на Венеру особо выносливых земных микробов. Они там прижились, приспособились, а приспособляясь, изменились до неузнаваемости: ведь микробы отличаются очень большой изменчивостью в необычных для себя условиях. А потом на Венеру прибудет с Земли научная экспедиция и обнаружит там далеких потомков этих микробов. Как узнать, что это за микробы: первоначальные обитатели планеты, изучение которых даст уникальные научные сведения, или же земные микробы?

Поэтому не только не предполагается забрасывать на другие планеты земные организмы, но, наоборот, принимаются все меры, чтобы какой-нибудь микроб не проник туда «зайцем». Космические корабли перед полетами стерилизуют, как шприц перед уколом.

А приспособляемость микробов можно изучать и на Земле, в лабораториях. Там не так уж сложно создать любые усло-

вия, еще почище, чем на Венере.

А. ДМИТРИЕВ

...И улетят все мухи в космос

«Мы с приятелем поспорили, почему мухи не падают, когда сидят на потолке. Я говорю, что у мух есть мельчайшие волоски, которыми они цепляются за потолок. А Саша говорит, что на мух не действует земное притяжение. Кто из нас прав?»

Боря ПОДЛАСЕНКО, 6-й класс,
г. Ростов-на-Дону.

Представляете, как было бы здорово, если бы оказался прав Саша! Все назойливые мухи улетели бы в космос, а что им помешает? За ними убрались бы комары, клещи...

Если разрабатывать эту замечательную идею дальше, то не худо бы избавиться от бремени земного тяготения тараканов, змей, фаланг и прочую живность, причиняющую нам беспокойство.

Только что бы стало с нашей Землей? Отправив куда подальше мух, мы лишили бы основного корма ласточек и других птиц. Избавившись от ласточек, мы обеспечили бы райские условия для процветания червячков и гусениц. Лично нас они не беспокоят, зато всюду пожирают фрукты, овощи и злаки, которые люди тяжким трудом выращивают совсем не для них. Короче говоря, нарушение равновесия в природе не осталось бы безнаказанным.

Нет таких существ, на которых не действовал бы закон всемирного тяготения. Нет и быть не может, иначе что это за закон?

Мухи действительно имеют на лапках приспособления, позволяющие им держаться вверх ногами. Только это не волоски. В тех случаях, когда муха не может зацепиться крючками (скажем, на стекле), она все равно держится присосками.

П. САВКО

Где мы были,
что мы видели

Я ВИДЕЛ ДРЕВНЕГО ШУМЕРА...

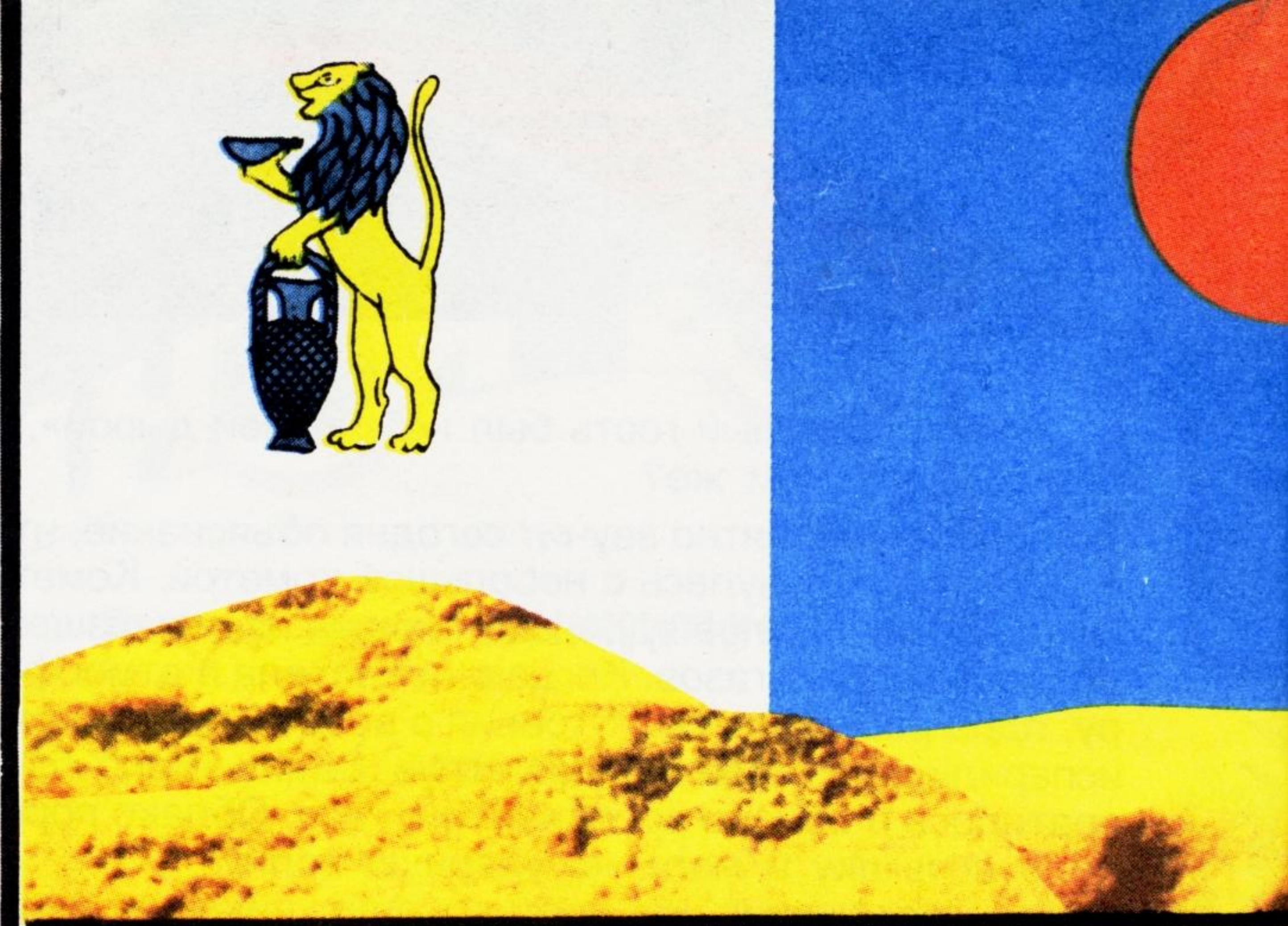
Я видел древнего шумера. Улыбчивого, широколицего, приземистого, с непостижимо ловкими руками. Он проворно мял глину, раскатывая ее на плоской дощечке. Получалась лепешечка. А на ней, пока глина не просохла, быстро писал острой палочкой красивые, но непонятные мне письмена...

Шумера — человека из племени первых на Земле грамотеев — я увидел, как живого, когда в Ленинграде, в Эрмитаже, мне показали бесценные глиняные таблички — шумерские письмена.

Таблички шумеров я раньше видел на фотографиях, а там не разберешь, большие они или маленькие. И только в Эрмитаже мне стало ясно, что они не больше ладошки, а знаки на них как букашки, но очень разборчивые. Самой старой из хранящихся на стенде надписей скоро будет пять тысяч лет: она сделана в двадцать девятом веке до нашей эры. Каменный век!

Он и впрямь был каменным. Почти все нужные человеку твердые предметы делались либо из дерева, либо из камня — природного или искусственного, слепленного из глины и высушенного на жарком южном солнце.

В те незапамятные времена — примерно шесть

тысяч лет назад — в долину Двуречья, где текут реки Тигр и Евфрат, откуда-то с севера переселились племена шумеров. Осели на плодородных землях, начали строить города, а в городах воздвигать храмы, украшенные изображением Имдугуд — страшной, непобедимой птицы с головой льва.

Каждый шумерский город (на наш взгляд, крошечный городишко с несколькими сотнями или тысячами жителей) становился самостоятельной державой, царь которой был и верховным жрецом.

Долго трудились ученые, пока сумели разобрать, о чем писали на своих табличках первые грамотеи, а когда разобрали... Большинство табличек были как бы страницами бесконечной бухгалтерской книги: перечни проданного, купленного, награбленного...

Дело в том, что города-государства то ссорились между собой, то мирились, но постоянно вели энергичную торговлю со всем окрестным миром. А торговля любит учет. Легко вести учет, пока у тебя есть

Домашняя лаборатория

Посмотри на электрон

Ты ничуть не удивляешься тому, что свет в комнате можно зажечь, всего лишь щелкнув выключателем. А зря. Подумай: что там течет по проводам, заставляя раскаляться добела волосок лампочки? Или что за-

ставляет светиться экран включенного телевизора?

Скажешь, электричество? А что это такое, ты знаешь?

Попробуй сделать с электричеством несколько простых опытов. Запасись обычным компасом, плоской батарейкой от карманного фонарика, кусочком голого медного провода длиной с карандаш и постоянным магнитом, изогнутым в форме подковы.

У стрелки компаса концы окрашены в разные цвета: один в синий, его называют северным, потому что он всегда направлен на Северный полюс Земли, а другой в красный — этот конец называют южным. Точно так же окрашены и концы магнита.

Если магнит поднести к компасу, его стрелка сначала закрутится, как собака, которая ловит себя за хвост, а потом застынет, притянувшись северным концом к южному полюсу магнита или южным концом — к северному полюсу. Так ведут себя все магниты.

Теперь согни медный провод в кольцо и поднеси это кольцо к компасу, убрав магнит. Убедившись в том, что стрелка от

этого не шелохнулась, намотай концы проволоки на металлические клеммы батарейки. Заметь при этом, что одна клемма длинная и при ней на бумажной обертке стоит знак «—», а другая клемма короткая и при ней стоит знак «+». Если теперь проволочное кольцо поднести к компасу, его стрелка зашевелится, показывая, что медное кольцо стало обладать всеми свойствами магнита: с одной стороны у кольца появился северный, а с другой — южный магнитный полюс. Это произошло потому, что по кольцу от батарейки идет поток крошечных частичек вещества — электронов.

Электронами пропитаны любые тела, как губка пропитана водой. Только в одних телах электроны прочно сидят на своих местах, а в других телах вроде металлов электроны могут легко передвигаться с места на место. Когда по металлическому проводу движутся электроны, провод становится магнитом, и мы говорим, что по нему идет электрический ток.

Важнейшее свойство электронов заключается в том, что

мы. И стал рисунок символом. Например, закорючка, упрощенно изображающая человеческую ногу, могла обозначать не только этот конкретный предмет, но и ходьбу (действие) и движение вообще (понятие), могла заменить часть слова — слог или отдельный звук, точь-в-точь как современная буква.

Знаков поначалу было очень много, сотни. Немало слез, видимо, проливали шумерские мальчишки, попавшие в учение к суровым писцам. Зато потом, овладев глиняной премудростью, жили в почете: знатоков письма было совсем мало, и они ценились.

Изредка ученым, разыскивающим в земле Двуречья следы древних цивилизаций, приваливает великое счастье. Находят они кучи табличек, заполненных стихами, легендами. Ведь грамотеи очень быстро сообразили, что письменность годится и для этого.

Так было найдено первое, может быть, в истории человечества произведение художественной литературы — «Эпос о Гильгамеше», сложенный шумерами...

Я сижу над стопкой бумажных листов, быстро вожу шариковой ручкой. Интересно, сколько времени пришлось бы возиться, чтобы записать этот рассказик на глиняных табличках языком шумеров? Посоветовался со знающими людьми, они сказали: дня за три бы управился. Правда, учиться для этого пришлось бы лет десять. И тут вспомнились мне знакомые школьники, которые жалуются, что никак не запомнят правила орфографии и пунктуации. А всего-то букв у нас тридцать три да знаков с десятком. Насколько же облегчилась жизнь грамотея за последние пять тысяч лет!

...Я видел древнего шумера. Улыбчивого, широколицего, проворного. Он смотрел на наш мир не без зависти.

В. ИНОХОДЦЕВ

один баран и ты меняешь его на один топор. Но шумерские города ворочали крупными партиями хлеба, скота, ремесленных изделий. Такие дела, если держать их в голове да полагаться на память, делать трудно — недолго и разориться. Вот и стали на той же глине, из которой лепили горшки, рисовать для памяти головы лошадей, быков, баранов...

Конечно, рисовать умели и пещерные жители, но здесь назначение рисунка стало новым. Число нарисованных головок равнялось числу голов проданного или купленного скота. Искусство рисования соединилось с ремеслом горшечников, чтобы дать начало письму и математике (головка, нарисованная особым способом, означала сразу пять, а то и десять реальных голов скота).

Такие рисунки появились у многих народов, и их еще нельзя считать грамотой. А вот шумеры сумели их упростить до условных закорючек, но закорючек строго определенной, обязательной и понятной фор-

они отталкиваются друг от друга и притягиваются к телам, в которых электронов недостает. Потри о пиджак пластмассовую расческу и поднеси ее к маленькому кусочку сухой бумаги. Кусочек сначала притянется к расческе, потому что от трения часть электронов снялась с насиженных мест. А потом оттолкнется от нее, так как электроны поровну разделились между расческой и бумагой.

Знаки «+» и «—», изображенные у полюсов электрической батарейки, как раз и показывают, где электронов больше, а где меньше. Когда ты замыкаешь полюса медным проводом, электроны устремляются от полюса, где их больше, к полюсу, где их меньше, — по проводу начинает течь электрический ток, и возникает магнитное поле.

Теперь осталось посмотреть на электроны. Это можно сделать, хотя электроны столь малы, что их не разглядеть даже в сильный микроскоп.

Посмотри на работающий телевизор. Светлые строчки и точки на экране возникают

там, куда попадает пучок электронов, несущихся в пустоте телевизионной трубки. Убедиться в том, что это именно и есть электроны, можно очень просто: достаточно осторожно поднести к экрану работающего телевизора магнит. От магнита путь электронов изменится, и светящиеся строки изогнутся. Из-за того, что на экране работающего телевизора всегда есть избыток электронов, экран притягивает к себе легкие предметы вроде пыли-

нок. Именно поэтому он так быстро грязнится.

...Опыты с электричеством люди начали делать тысячи лет назад. Сейчас электричество верно служит людям повсюду. И даже дети не удивляются тому, что, щелкнув выключателем, можно зажечь свет.

А зря не удивляются. Потому что человеку нужно очень долго учиться, прежде чем он по-настоящему поймет, что такое электричество.

В. БАТРАКОВ

Знаешь?

На высоте двенадцати тысяч километров над Землей бывают молнии, направленные вверх.

Создан завод, на котором роботы делают роботов.

У правшей левая рука обладает более быстрой реакцией, чем правая, а у левшей более быстрой реакцией обладает правая рука.

Снова об аквариумных рыбках

В прошлом году в нашем журнале был опубликован рассказ об увлечении аквариумными рыбками «Открываю подводные тайны!». Пришло более полутора тысяч откликов.

Вопросов, заданных в письмах, много. На некоторые из них мы хотим сегодня ответить.

«КАК УХАЖИВАТЬ ЗА РЫБКАМИ?»

Для начинающих аквариумистов публикуем «Календарь аквариумиста».

Ежедневно

Корми рыб один-два раза: утром давай пищу в небольшом количестве, а вечером столько, сколько могут съесть рыбы за три—пять минут.

Вечером обязательно удали оставшуюся после кормления пищу.

Проверь температуру воды в аквариуме.

Наблюдай за своими питомцами пятнадцать—двадцать минут. Интересные факты записывай в дневник.

Еженедельно

В субботу или воскресенье удали грязь с грунта.

Сотри пыль со стекол, подставки аквариума.

Ежемесячно

Очисти стебли и листья от осевшей мути, стенки—от извести и зелени.

Весной

Проведи генеральную уборку аквариума. Если нужно, смени часть воды, пересади растения.

Летом

Купи в магазине или заготовь сам комбинированный и сухой корма.

Осенью

Готовься к зиме: прорежи разросшиеся растения, установи и отрегулируй системы обогрева и освещения.

Зимой

Обычный уход за рыбами и аквариумом, занятия в клубах аквариумистов.

«КАКИХ РЫБ ПЕРВЫМИ ЗАПУСТИТЬ В АКВАРИУМ?»

Прежде всего помни: если ты завел рыбок, то обязан регулярно выполнять взятые на себя обязанности. Начинай с трех-четырех меченосцев и пецилий. Потом заведи золотых рыбок, барбусов.

«КАК СОДЕРЖАТЬ РАСТЕНИЕ РОГОЛИСТНИК?»

Весной роголистник вылавливают из естественных водоемов и высаживают в аквариум. Растению подходит любой грунт. Листья роголистника хорошо очищают воду, собирая мельчайшие частицы. Необходимо время от времени листья промывать.

Зимой растение отмирает, оставляя в грунте почки. Весной они дают жизнь новым растениям.

«ПОЧЕМУ РЫБКИ ВЫПРЫГИВАЮТ ИЗ БАНКИ?»

Видимо, потому, что им не хватает кислорода. Лучше содержать рыб в просторных аквариумах, хорошо устроенных, продуваемых воздухом.

«ЧТО ДЕЛАТЬ, ЕСЛИ РЫБЫ ЧАСТО БОЛЕЮТ?»

Соблюдай следующие правила: создавай и поддерживай благоприятные условия для всего населения аквариума. Особенно обрати внимание на кислородный и температурный режимы.

Приобретай здоровых рыб и здоровые растения.

Вновь приобретенных рыб выдержи в карантине три-четыре недели.

Лови корм в водоемах, где нет рыб.

«ВИДЯТ ЛИ РЫБЫ СВОИХ ХОЗЯЕВ, МОГУТ ЛИ УЗНАВАТЬ ИХ?»

Да, видят. Заметь, что когда ты подносишь руку с кормом к аквариуму, рыбы следят за твоими движениями.

Большинство рыб различают цвета. Особенно реагируют на красный цвет.

Всех читателей нашего журнала, приславших отклики на материал «Открываю подводные тайны!», благодарим. Желаем вам дальнейших успехов в вашем увлечении.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Все увидетъ самому...

Есть у меня знакомый писатель. Бывает, по телефону звонят ему по срочным делам, а родные отвечают: «Нет дома, уехал к китобоям, на север...» Или: «На Кубу улетел. Книгу о крокодилах пишет». Или: «В Африке Святослав Владимирович. Где-то между горой Килиманджаро и озером Виктория...»

Чуть не весь земной шар объехал писатель Сахарнов.

Из путешествий он обязательно привозит новые книги для детей. О далеких странах, о жизни людей, о животных. Побывал на Тихом океане у ловцов трепангов, написал книгу «Трепанголовы». Был в африканском заповеднике в Танзании, написал две книги: «Друг Тембо» и «Слоны на асфальте». Вернулся с Кубы, опять две книги: «В гостях у крокодилов» и «Осьминоги за стеклом»...

Сахарнов рассказывает: поехал однажды он вместе с художником Николаем Устиновым на Курильские острова. И попали они в землетрясение. А тут еще слух прошел, что вот-вот хлынет на берег гигантская волна — цунами. Все приезжие перепугались, бросились кто куда, а художник и писатель остались. Волна подошла к острову, поднялась горой, с размаху ударила о камни так, что берег загудел, а корабли на якорях закачались как игрушечные...

После подходит к ним один местный рыбак и говорит:

— Я, извините, удивляюсь: все спасаются, а вы на месте стоите и все головами по сторонам крутите! Интересуетесь, что ли?

— Такая у нас работа...

— Что же это за работа?

— Он художник, — ответил Сахарнов, — а я писатель... Все нам нужно увидеть своими глазами...

Самому все увидеть, самому узнать, самому испытать — за этим и путешествует писатель.

А первые его книги были морские. Много лет он плавал на кораблях. По профессии Святослав Владимирович — штурман дальнего плавания, а в молодости — военный моряк. Когда был еще курсантом, ходил на парусной шхуне «Учеба». Потом — тральщики, «морские охотники», торпедные катера... В годы Великой Отечественной воевал на Черном море, на Тихом океане. Тоже на кораблях.

Писать начал так. Катер, которым он командовал, стоял в одном порту на Японском море. И нужно было спуститься под воду, чтобы осмотреть винты. Водолаза как назло не было. Сахарнов облачился в тяжелый водолазный костюм и пошел... И вот тут-то увидел подводный мир, таинственный мир, мир морских глубин, морских животных. Прикоснулся к тайне, к открытию. Изучению этого мира Сахарнов посвятит потом многие годы. С тех пор он опускался под воду на многих морях и океанах — в водолажном костюме, с аквалангом, просто с маской и ластами. На рифах возле кубинских берегов, в Индийском океане, на Черном море, у африканского порта Дар-эс-Салам...

Первая его книга называлась «Морские сказки».

Начав писать о море, писатель понял: тема эта неисчерпаема. На чем люди плавают? Кто живет

под водой? Какими стали в наши дни моряки? Как говорят? Как шутят? А как ведут себя обитатели моря? Как маскируются? Как плавают? Как ищут и добывают пропитание? Какие бывают подводные дома? Какие бывают аппараты для исследования морей? И что это за люди — моряки, ученые, рыбаки?..

Начали выходить у писателя Сахарнова книги и о героических кораблях, и о моряках-героях, о подводной технике, о людях морского труда. А через пятнадцать лет после первой, тоненькой книжечки сказок вышел толстенный том — «Детская морская энциклопедия» («По морям вокруг Земли»).

Между прочим, впервые с отрывками из «Детской морской энциклопедии» познакомились читатели журнала «Пионер». Сейчас эта книга переведена на многие языки, и читают ее дети разных стран.

Вот так и случилось. Сначала — писатель-моряк, потом — писатель-путешественник, исследователь. А в недавно вышедших книгах (прочитайте-ка «Белые киты» и «Слоны на асфальте») увидите вы писателя, обеспокоенного судьбами всего живущего не только в море, но и вообще на земле, узнаете человека, понимающего, что море и землю — всю природу нужно не только покорять, но и оберегать...

Как-то спросил я у Святослава Владимировича: «У вас вышло пятьдесят книг. Когда вы успели их написать?» Он засмеялся: «Когда другие спали, я писал. По ночам...» «И сейчас пишете по ночам?» «Нет, теперь пишу по утрам. Встаю в шесть, а то и в пять часов. Успеть-то нужно еще много».

Сахарнов еще и главный редактор детского, пионерского журнала «Костер». Дел у редактора много. Вечером — домой и снова за рукопись своей новой книги.

Когда я был у писателя в гостях, то обратил внимание на его письменный стол. Удивительное дело: на самом краю столешницы выемка. Глубокая. Присмотрелся получше и понял: это за двадцать пять лет писательской работы след пишущей руки...

...Заканчивая писать этот очерк, я решил кое-что уточнить в биографии писателя. Набрал номер его телефона, а мне отвечают: «К сожалению, нет дома... Святослав Владимирович только что улетел...»

Ну что ж, подождем... И из этой поездки привезет он новые интересные книги.

Олег ОРЛОВ

Виктор БАНЬКИН

ВАЛЕРКИН КАЛЕНДАРЬ

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № № 1, 2.

Рисунок М. ПЕТРОВА.

Звонкая капель

Весь день в опаловой теплеющей выси плавило ясное мартовское солнце. А с пудовой сосулищи над окном летели вкось обжигающе огнистые искры.

Валерка с завистью глядел на бойких синиц, скакавших по кусту шиповника. Вольные души! А ему вот тоска-кручинушка сидеть дома в этакий распогожий, веселый денек.

Уходя утром на работу, мама строго-настрого запретила Валерке и нос высовывать на улицу.

— Сам виноват: наглотался сосулек, а ночью кашлял. Сиди теперь дома.

Попробовал Валерка включить телевизор, но передавали концерт для арфы с оркестром.

Вдруг в сенях звякнула щеколда. Встрепнулся Валерка. Кто бы мог быть? Отец в отъезде, мама лишь под вечер придет с медпункта... Распахнулась тут дверь, и в избу шариком вкатился закадычный друг Петька-Петушок.

— Ба-а! — гаркнул пучеглазый Петька. — В школе думают: захворал Ситников, а он... а он, как столетний дед, на печке дремлет!

— Не на печке, а у окна, — возразил Валерка. — Разве не видишь: у меня горло болит? Такая мука — вся шея исчезалась от колючего шарфа.

— Подумаешь, горло! — сказал неунывающий Петька. — Я вчера ноги промочил, и то ничего.

Колупнул на щеке сургучного цвета ссадину и нетерпеливо выдохнул:

— Собирайся! Я тебе что покажу!

Поежился Валерка.

— А если мама узнает?

— Не узнает. Мы ракетой слетаем. А вернемся, за уроки засядем.

Эх, была не была! Спрыгнул с табурета Валерка — и на печку за валенками.

— Промочишь, — предостерег Петька. — На солнышке лужи.

— Калоши надену.

Одевался Валерка торопливо, словно на пожар спешил.

Еще в сенях услышал он дружную капель. Навес над крыльцом ощерился острыми сосульками. И с каждой сосульки-шилца скатывались — одна за другой — прозрачные хрустальные зернышки.

Кап-кап! Кап-кап! У крыльца — лужица, будто серебряное зеркальце. И в него засматривалось солнце.

А на заборе дрались воробьи. Дрались азартно: легкие перышки летели в разные стороны.

— А вчера... вчера совсем не капало, — растерянно протянул Валерка.

— А сам не хотел на улицу! — бодро сказал Петька.

Проулок был весь в густой синеве.

— У меня подошвы приклеиваются. — Валерка схватил за руку друга. — А у тебя?

— Да еще как! — мотнул головой Петька. — Март клею подпускает.

Мнилось, замешкайся чуть, и прихватит подошвы. И шагу не шагнешь!

К холмистому перелеску, начинающемуся за огородами, крались втихомолку.

Березки на опушке оттаяли, блестя мокрой корой. Даже еле приметным парком курились.

А верба, верба-то! Не только выпустила пушистые барашки, но и зарумянилась вся. И когда она успела так расфуфыриться?

Валерке захотелось провести пальцем по стволу вот этой выбежавшей ему навстречу березки — беззащитно хрупкой, ниточкой тянувшейся ввысь, да торопыга Петька потащил его дальше.

На взгорке росла кряжистая, разлапистая сосна. Остановился запыхавшийся Петька. Кивнул Валерке:

— Видишь?

— Я эту сосну давно знаю, — сказал Валерка. — Когда еще маленьким был, а отец...

— Маленьким! Отец! — передразнил усмешливо приятель. — А ты в данный момент смотри. Во-он в той развилке... Голову лося приметил?

Повнимательнее глянул Валерка на сосну-богатыршу. А из-за колючей зеленой лапы на него уставилась лосиная морда. Точно искусный мастер из мрамора изваял гордо вскинутую голову. А потом взял и взгромоздил ее на крепкий сосновый сук.

— Правда, здорово? — прошептал Петька. — Обыкновенный ком снега, а на тебе!

Звонче стал лес, веселее. Колокольчиками заливались овсянки, наперегонки с ними по-свистывали синицы.

И снова Петька увлек за собой друга.

— Сейчас покажу тебе сову.

Когда же подошли к полянке с огромным еловым выворотнем, Петька в растерянности развел руками.

— Позавчера в этом месте вот большущая сова сидела. Как раз на вершине корня-удава... Неужто растаять успела? Или пацанята нашкодили?

— Может, и обрушилась.— Валерка старательно приминал носком блестящей калоши растороженный на солнцепеке наст.

Скользнул взглядом вправо. Со старой березы шагах в пяти от него светлыми слезами плакал снежный ком, застрявший в развилке сучка.

Увесистые горошины, отливающие жарким золотом, со звоном падали в глубокую ямку вокруг прочерневшего у комля ствола. Живая талая вода искрилась в этой нерукотворной чаше.

Внезапно померкло вокруг. Посерел снег, как намокшая простыня, чаша превратилась в обледенелую воронку.

Поднял Валерка голову. Тяжелое облако, ровно льдина, наплзло на солнце. Все небо испестрили облака-льдины, и они тоже тянулись к солнышку. Чудилось: в прорубь провалилось ясное светило.

— Домой бежим, Петь! — сказал Валерка, зябко передернув плечами. Чуть погода добавил: — Давай завтра после уроков заглянем к дедушке на ферму. Он теляток Ночки нам покажет.

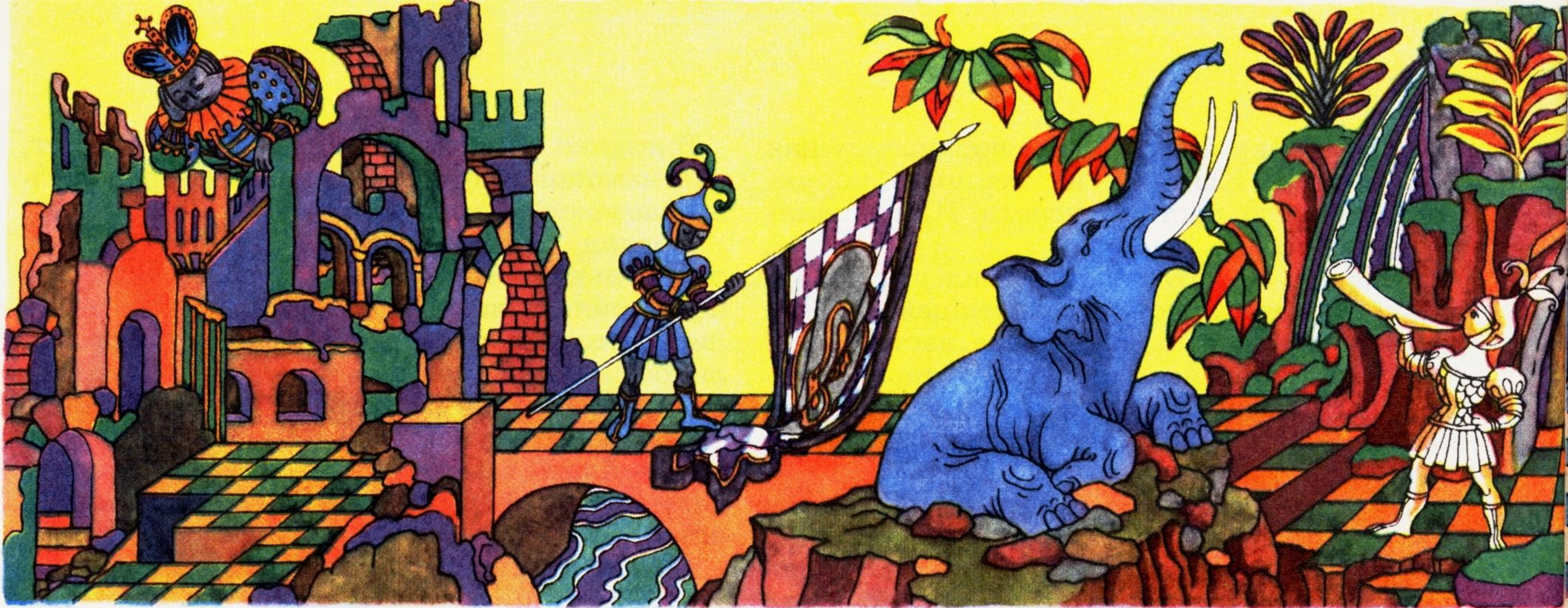
Петька сговорчиво мотнул головой:

— Слетаем!

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

— Правда, здорово? — прошептал Петька. — Обыкновенный ком снега, а на тебе!

Чемпион мира — МОСКОВСКИЙ ШКОЛЬНИК

Недавно в Эквадоре проводилось первенство мира среди шахматистов не старше шестнадцати лет. Почетное звание чемпиона мира завоевал московский школьник Женя Бареев. Он уверенно занял первое место с результатом $8\frac{1}{2}$ очков из десяти возможных.

Спортивный путь нового чемпиона начинался в небольшом уральском городе Еманжелинске, где он успешно выступал в школьных соревнованиях и турнирах клуба «Белая ладья». Пять лет назад Женю приняли в спортивный интернат. Здесь он получил отличную шахматную и физическую подготовку.

На соревнования в Эквадор Женя поехал как кандидат в мастера. Теперь он международный мастер. Это звание ему присвоила Международная шахматная федерация.

Не так легко было попасть на ответственные соревнования в Эквадоре. В отборочном турнире лучших юных шахматистов Женя Бареев разделил первое и второе места с Алешей Дреевым из Кисловодска. Между ними состоялся еще один небольшой матч. Победив в этом матче, Женя и добился права выступать в первенстве мира.

Вот два фрагмента из партий Жени Бареева. Вам наверняка будет интересно с ними познакомиться.

(Диаграмма № 1)

Эта позиция возникла на отборочном турнире в партии Жени Бареева (он играл белыми) с Арташесом Минасяном из Еревана.

У белых материальное преимущество, но реализовать его непросто: очень опасна черная пешка f3. Жене все-таки удалось найти четкий путь к победе.

44... Ла3—а2 45. Крd2—с1!

Безуспешной была бы попытка затормозить движение пешки f3. Если 45. Кре3, то 45... Ла3+ 46. Крf2 Ла2+ и так далее.

45... f3—f2 46. Ла6—f6 Kh4—g6 47. Сb7—а6 Kd6:e5 48. Lf6—f5 f7—f6.

Проигрывало и 48... Кс6 ввиду 49. Сс4. Попробуйте сами проанализировать эту позицию. Найдите, как бы играли белые в случае 49... Ла4.

49. Са6—b5 h6—h5 50. а5—а6 h5:g4 51. h3:g4 Ke5—с6 52. Lf5:f2!

Определите, почему этот ход сильнее, чем очевидное 52. С:с6.

52... Ла2:f2 53. Сb5:c6 Lf2—а2 54. Сс6—b5 Ла2—h2 55. Крс1—b1 Lh2—h1+ 56. Крb1—b2 Lh1—h2+ 57. Крb2—b3 Lh2—h3+ 58. Крb3—а4. Черные сдались.

(Диаграмма № 2)

На диаграмме позиция из партии Е. Бареев — Б. Морак, которая была сыграна на чемпионате мира. Пешки черных слабее, и Женя хорошо использовал свое преимущество. Окончание этой партии мы советуем вам разобрать на занятиях школьной шахматной секции.

Вот как развивались события:

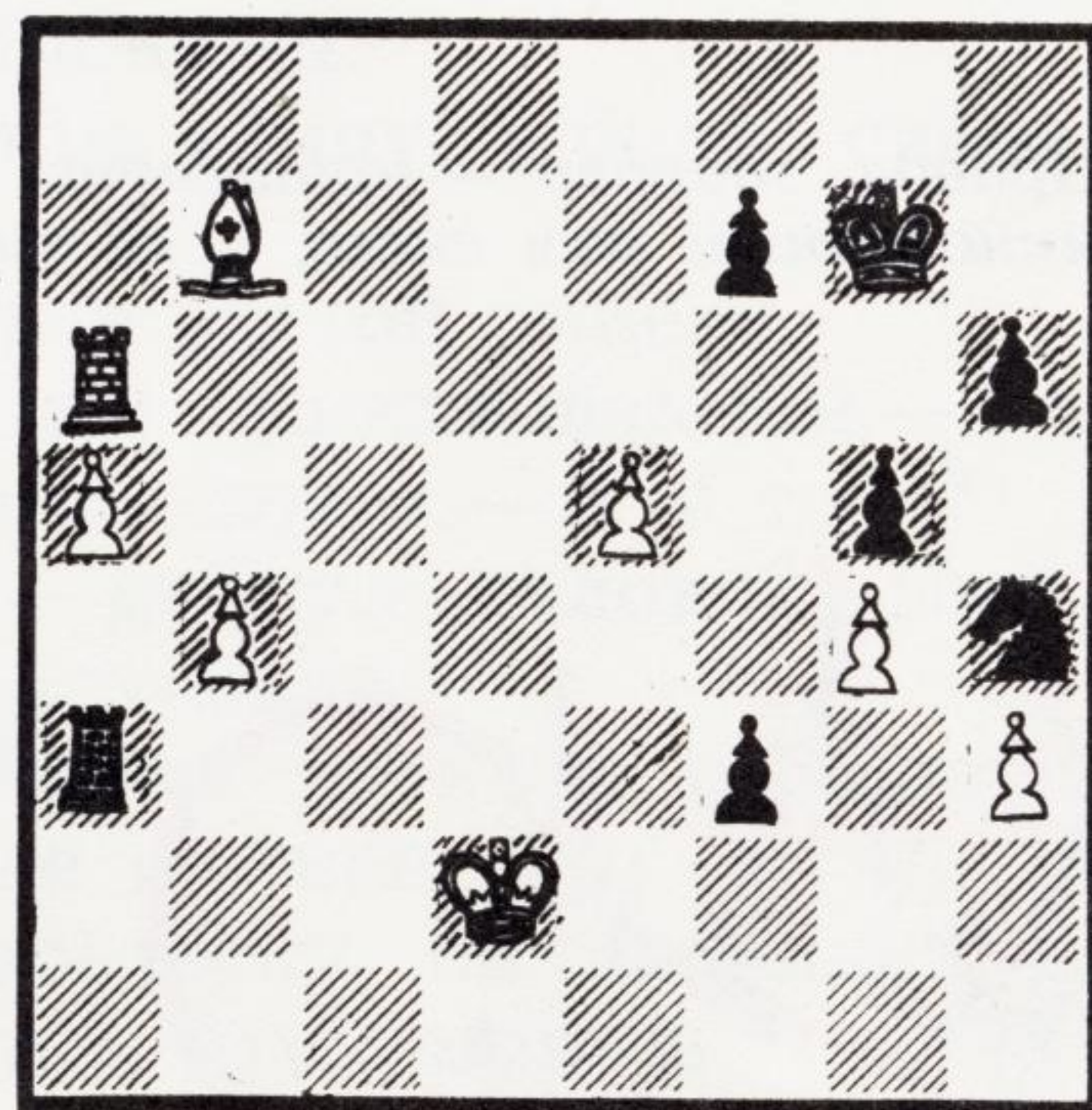

Диаграмма № 1

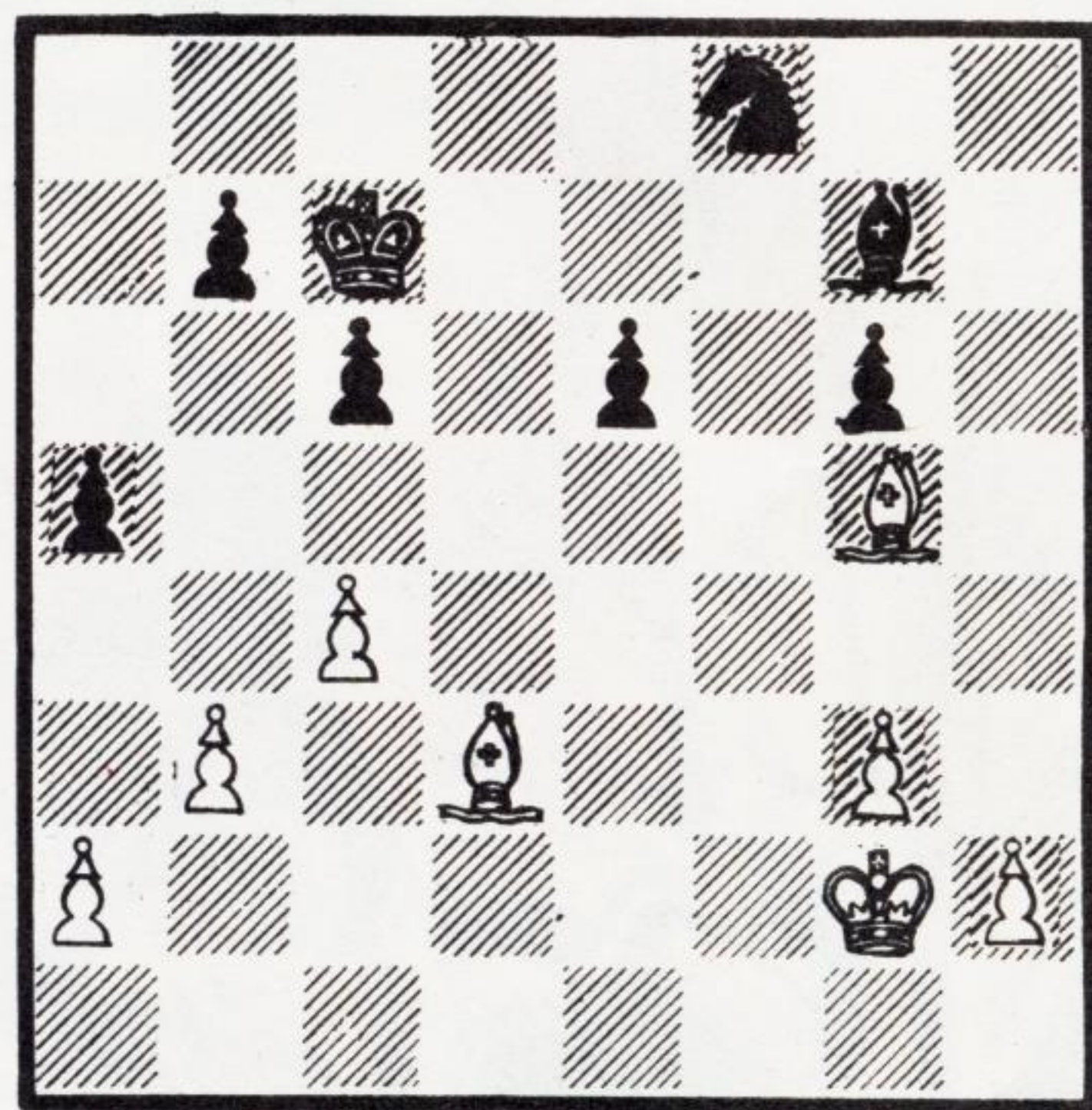

Диаграмма № 2

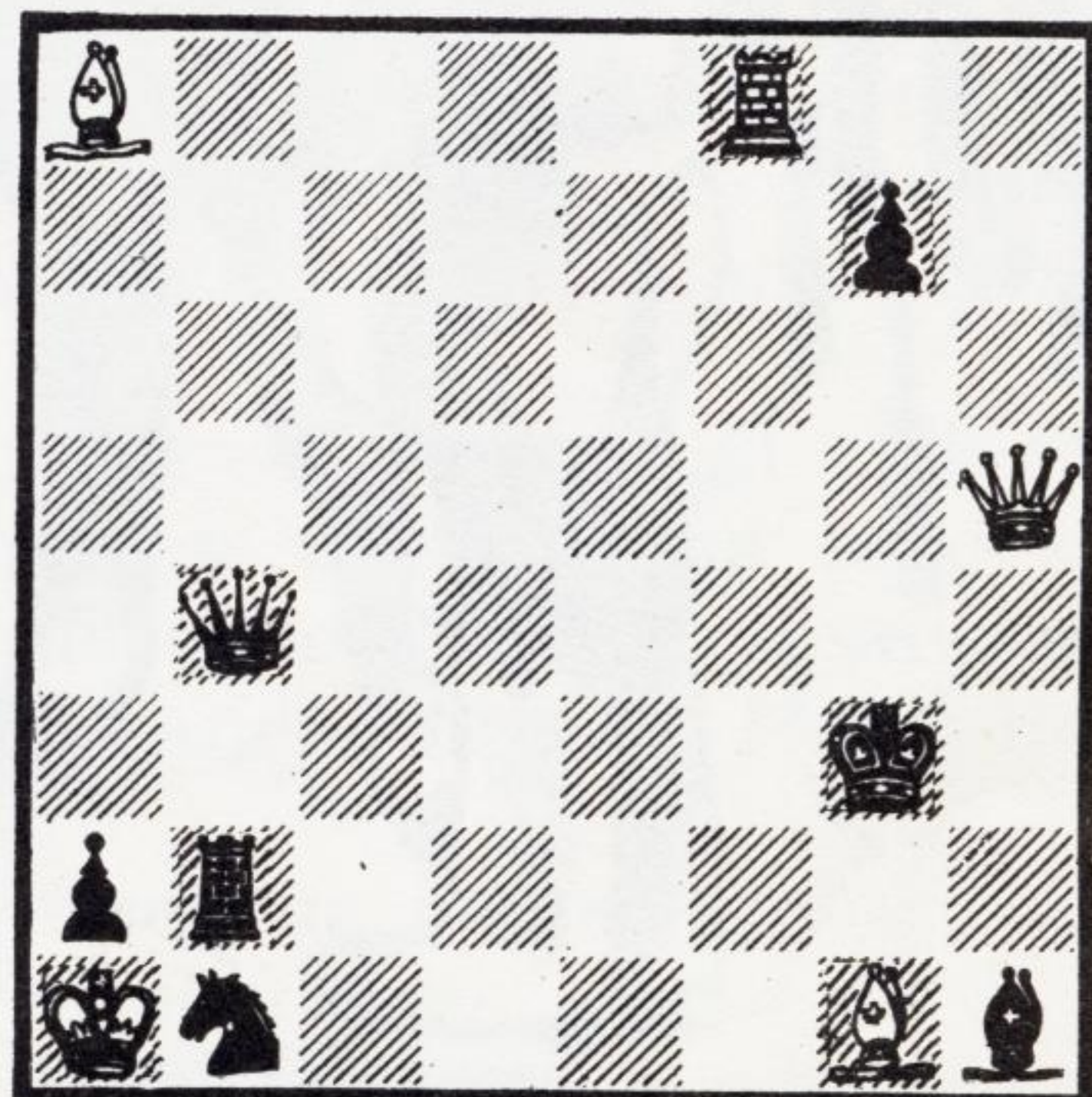

Диаграмма № 3

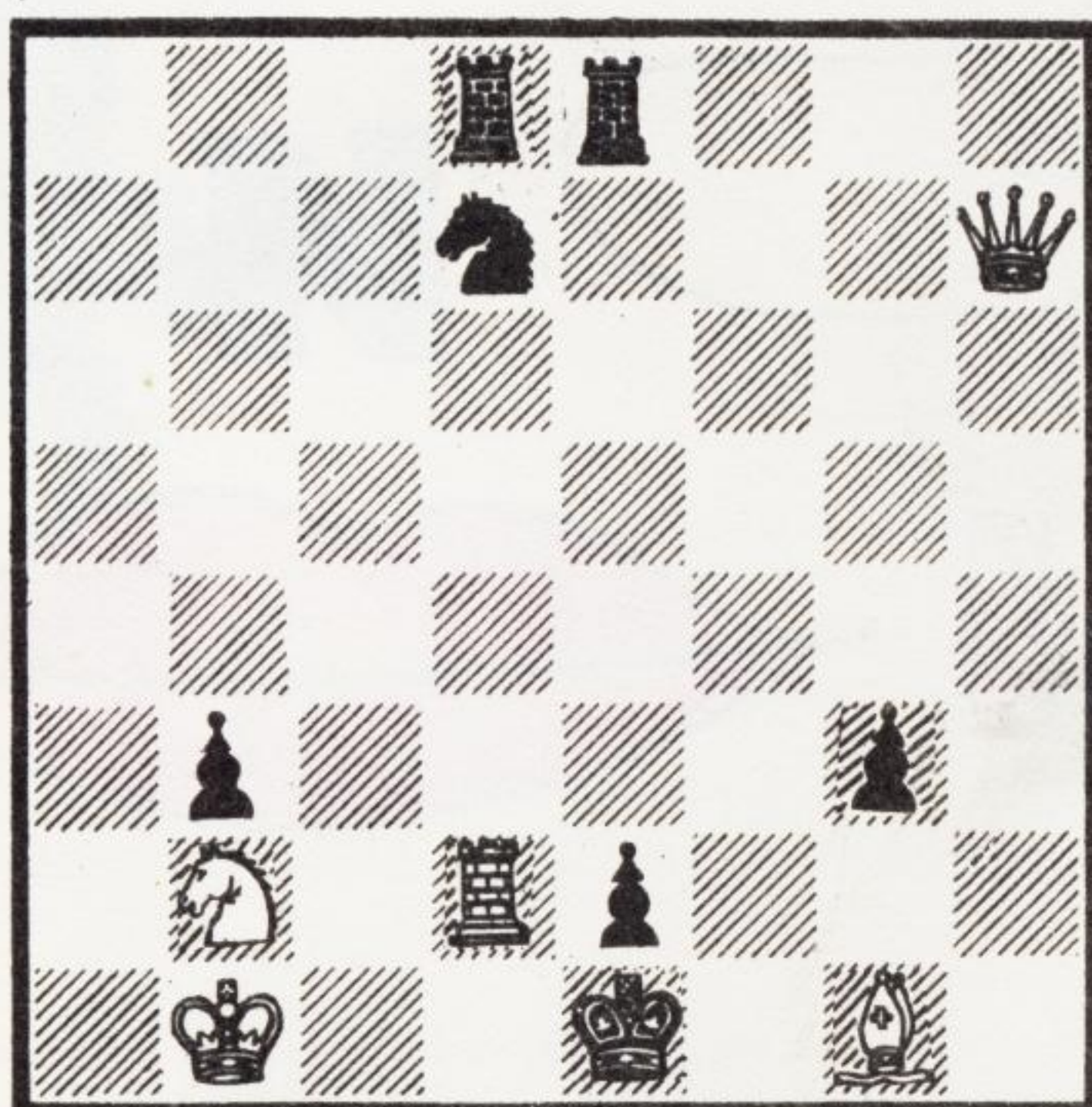

Диаграмма № 4

Трудно было попасть на соревнования юных шахматистов в Эквадоре! Отборочные турниры, серьезные противники ковали победу будущего чемпионата мира среди юниоров.

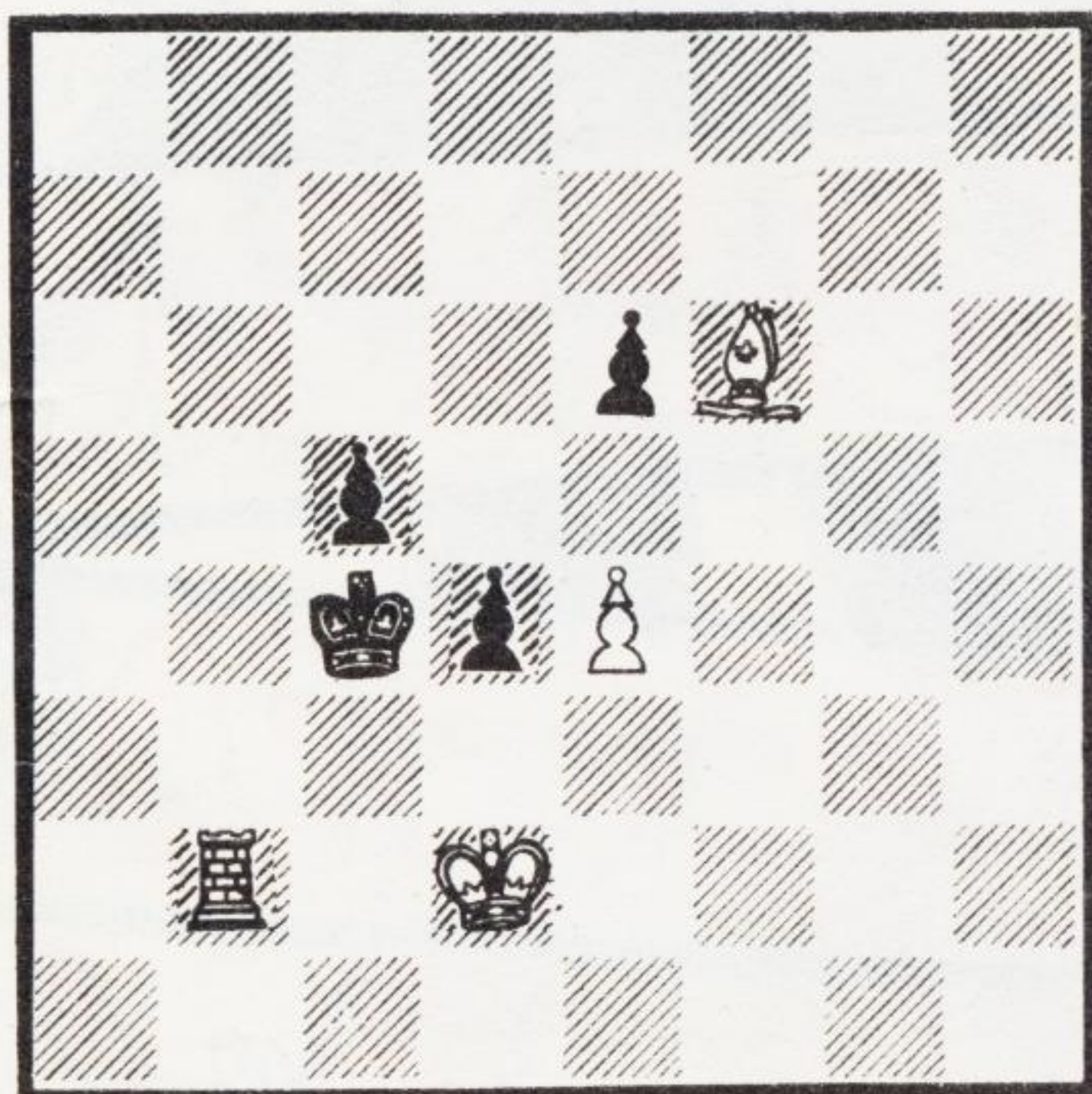

Диаграмма № 5

31. Cg5—d2! a5—a4 (на 31... b6 очень сильно 32. c5!) 32. b3:a4 Kpc7—d6 33. Cd2—b4+ c6—c5 34. Cb4—d2 Kf8—d7 35. Cd3:g6 Kd7—c5 36. Cd2—f4 Kpd6—e7 37. Cf4:e5 Cg7:e5.

Черные надеялись, что в окончании с разноцветными слонами они смогут избежать поражения, но их надежды не оправдались.

38. a4—a5! Ce5—c7 39. Cg6—e4 Cc7:a5 40. Ce4:b7 Кре7:f6 41. h2—h4 Kpf6—e5 42. Cb7—c8 Ca5—e1 43. Kpg2—f3 Кре5—f6 44. a2—a4 Kpf6—e5 45. h4—h5. Черные сдались.

В клубе «Белая ладья»

По всей стране идут сейчас соревнования клуба «Белая ладья». Юные шахматисты оспаривают право выступить в финальном турнире, который состоится летом.

Например, в Заполярной зоне Красноярского края отличились ребята из г. Норильска и г. Игарки. Ученики норильской школы №5 перворазрядники Валера Рубан, Вася Стремилло, ученица школы №3 Диана Лапшина и Андрей Ефанов из школы №8 выступают на соревнованиях особенно успешно.

Шестьдесят восемь команд участвовали в Архангельских областных соревнованиях нашего клуба. Многие ребята получили первый и второй спортивный разряды. В Гродненской области создано триста шестьдесят четыре пионерских шахматных кружка, в которых занимаются четыре тысячи четыреста пятьдесят ребят. В областном турнире девочек первое место с результатом 12 очков из 13 возможных заняла Алла Пьянина.

Таких сообщений очень много,

и мы решили провести специальный конкурс решений для членов клуба «Белая ладья», участников пионерских школьных турниров.

Участникам конкурса предстоит решить три задачи и ответить на два вопроса. Итоги нашего нового конкурса будут подведены на финальном турнире «Белой ладьи». Главный приз — шахматные часы, а удачные ответы будут отмечены грамотами журнала «Пионер».

При ответах не забудьте рассказать о шахматистах вашей школы, о том, как проходят ваши занятия в секциях.

(Диаграмма № 3)

Найдите, как в этом положении белые дают мат в два хода? Учтите, что во всех позициях этого конкурса игру начинают белые.

(Диаграмма № 4)

Мат в три хода.

(Диаграмма № 5)

Мат в четыре хода.

Ответьте на вопросы конкурса:

1. Кому принадлежат слова: «Нужно дорожить не выигрышем, а интересными комбинациями»?

2. В каком литературном произведении и какого автора один из героев получает совет: «В шахматы тоже учись, Славка. Попадешь в какую-нибудь компанию, а ты раз — за шахматы: желаете? К тебе сразу другое отношение»?

Ждем ваших писем. Ответы на конкурсное задание надо отправлять не позднее чем через месяц после получения журнала.

УМА

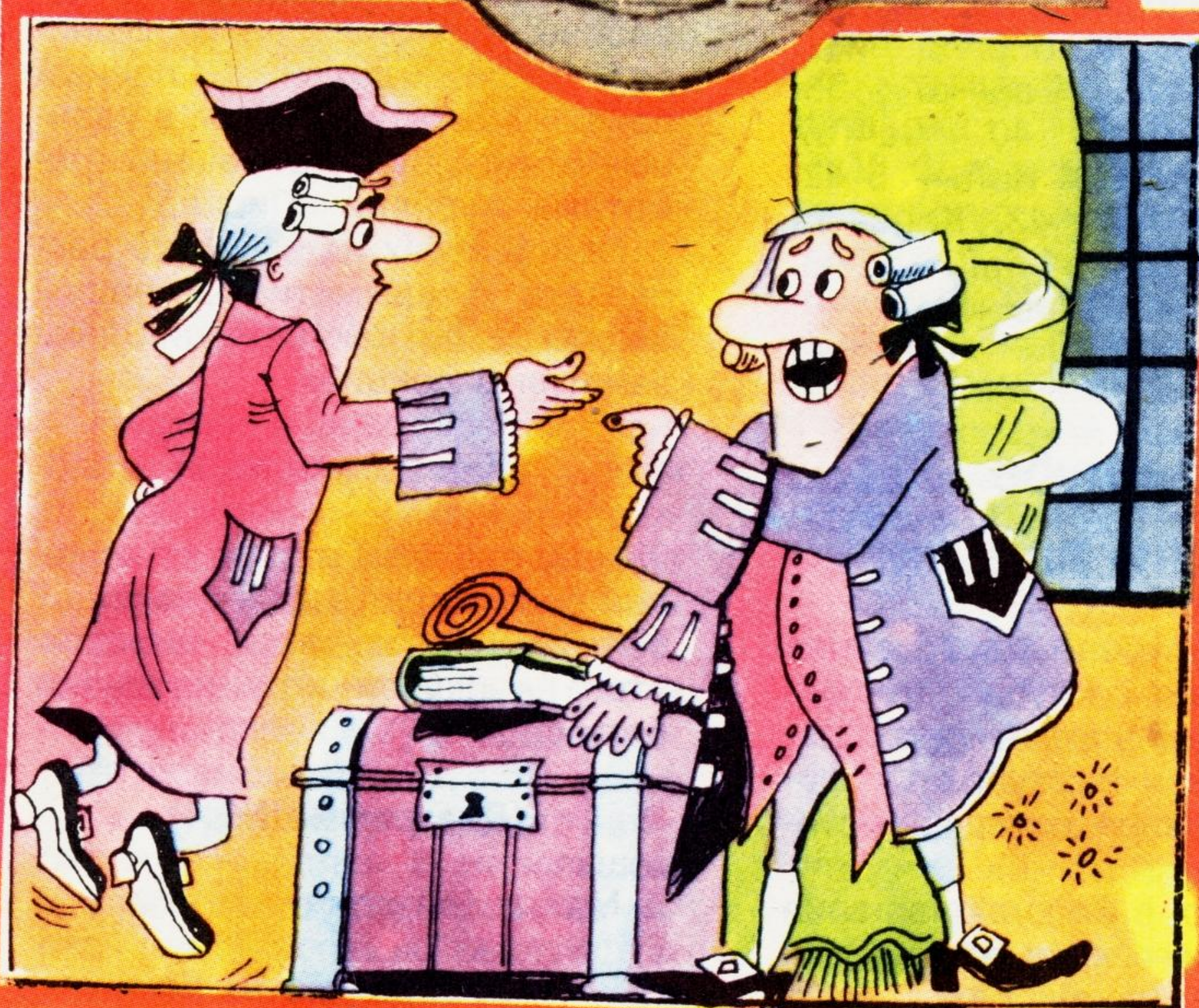

ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

ТОСКАНСКИЕ ЛЬВЫ

Игры
Луны и
Пинцетов

/невероятная история/

В тысяча шестьсот восьмом году
В португальском городе Тоскана
Два ковбоя — Ду и Рудуду —
Поздней ночью в спор вступили рьяно.
— Мой альбом смотрели только вы! —
Ду кричит, взмахнув своим арканом.
Так куда же испарились львы?
Почему их нет под целлофаном?
Здесь невероятностей полно,
Друг за другом целая цепочка!
(Четкий штемпель — истины звено!)
А в стихах — всмотритесь — все неточно!

ГЛАЗКИ,

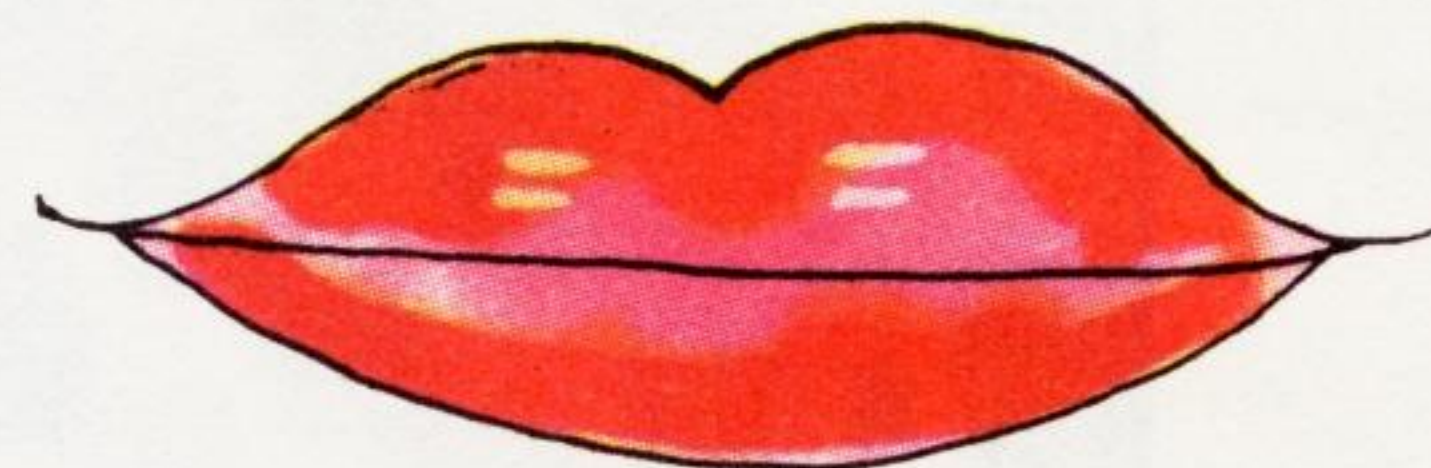

НОСИКИ

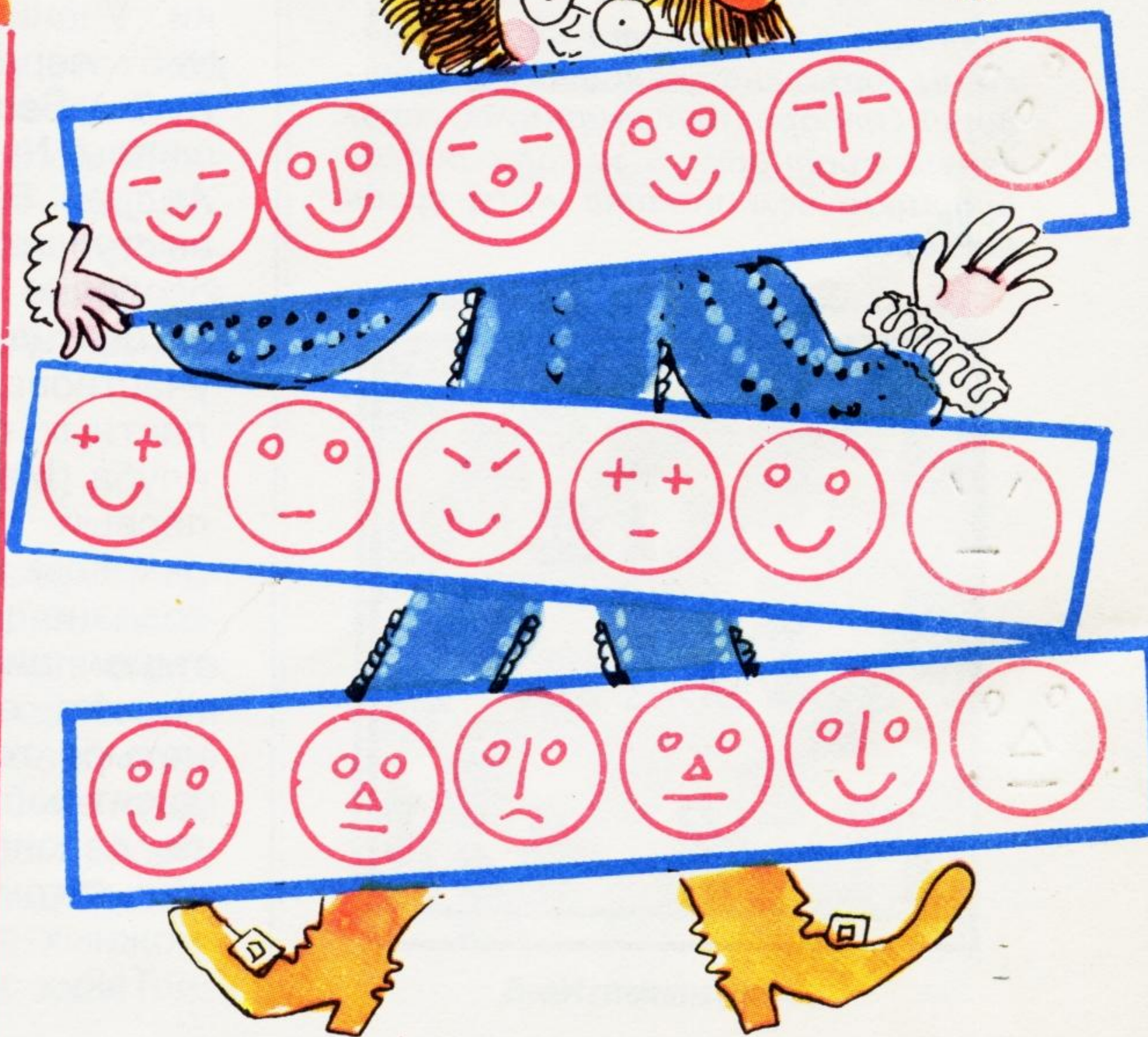
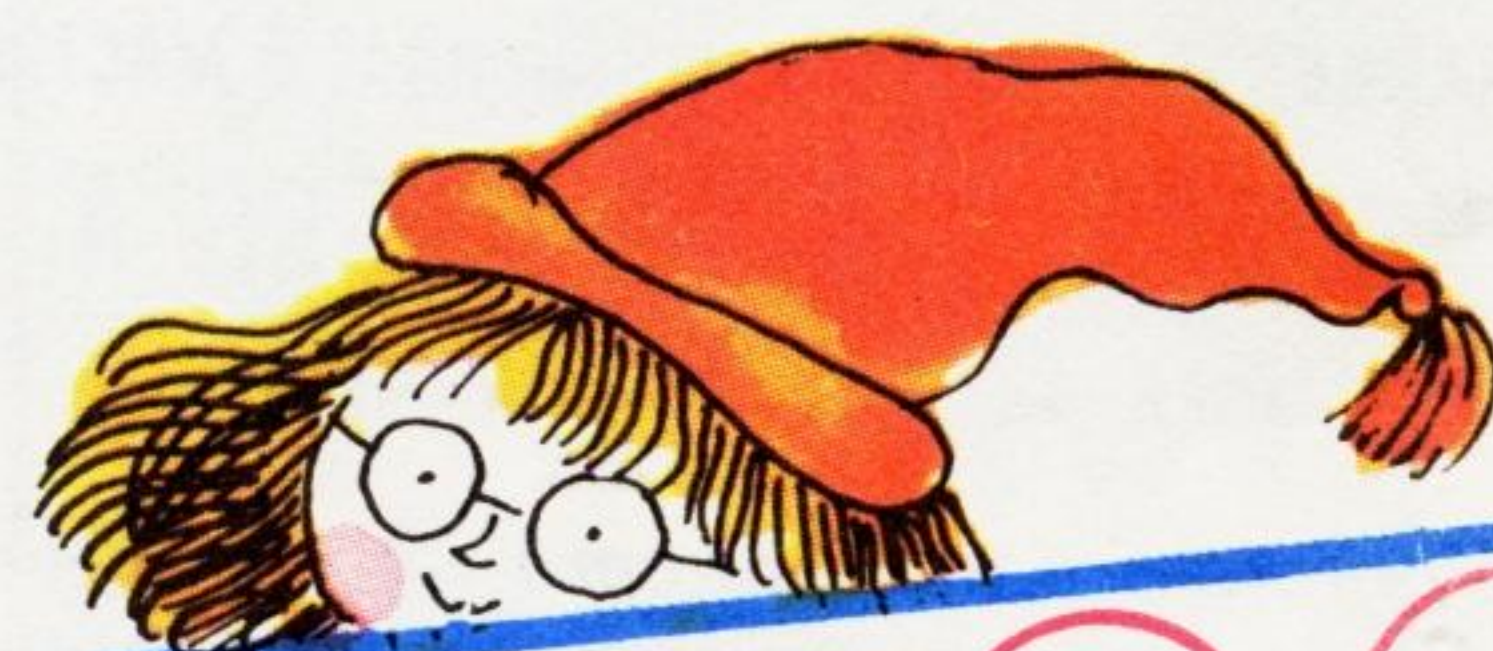
И

РТЫ

Поиграй сегодня ты
В «глазки, носики и рты».
Присмотрись к моим кружкам
И пустой заполни сам.
Изучите каждый ряд,
Тренируйте ум и взгляд.
Всюду строгий есть закон,
Соблюдаться должен он!

Живживка.

Гости из Кампучии

Недавно гостями нашей редакции были пионерские работники из Кампучии — Лыук Сарат, Кхуон Пхыук и Уи Сонхани. Они рассказали о пионерской организации Кампучии и первых пионерах, о том, как кампучийские ребята помогают взрослым налаживать в стране мирную жизнь.

Пионерская организация Кампучии еще молода. Она родилась 1 января 1980 года. Сейчас в ее рядах более 300 тысяч пионеров. Девиз кампучийских пионеров: «Всегда готов во имя родины, во имя народа!» На счету у кампучийской пионерии уже много замечательных дел. Ребята обучают грамоте крестьян, участвуют в тимуровском движении, озеленяют улицы, помогают органам безопасности разоблачать врагов — провокаторов, шпионов, клеветников.

— Хорошим примером для кампучийских пионеров могут стать Марши юных ленинцев, — сказала на нашей встрече Лыук Сарат, председатель Национального Совета пионерской организации Кампучии. — Поэтому мы с большим интересом изучаем опыт работы советских пионеров. Мы побывали в Московском Дворце пионеров и школьников на Ленинских горах, встретились с пионерским активом столицы, познакомились с работой клубов интернациональной дружбы. Встречи эти навсегда останутся в нашей памяти как яркие, незабываемые события. И что особенно порадовало — интерес у советских ребят к делам кампучийских пионеров.

В Книге почетных гостей «Пионера» Лыук Сарат записала:

«Рады знакомству с замечательным детским журналом «Пионер». Новых ярких публикаций, новых интересных начинаний хочется пожелать коллективу редакции и пионерским юнкорам. Пусть крепнет дружба между кампучийскими и советскими пионерами!»

СОДЕРЖАНИЕ

Советский характер	
В небе держат только свои крылья.— А. Тарасов	Побл. 3
Малая пионерская энциклопедия	4
Отряд говорит с отрядом.— Рисунки А. Вовиковой	6
Наш дорогой Михалков! — М. Прилежаева	8
На вопросы читателей отвечает Сергей Владимирович Михалков.— Рисунки А. Борисова. Фотография В. Гусева	10
Под славными знаменами	
Ракетные войска.— В. Верстаков. Фотографии Л. Якутина	12
Журавленок и молнии.— Роман для ребят и взрослых В. Крапивина. Рисунки Е. Медведева	23
Это мало или много? Прогулка по лесу.— Стихи И. Мазнина	24
Ради светлого будущего.— Л. Разгон	25
На рубежах пятилетки	
Последний остров на БАМе.— В. Маркин	28
Звездная крыша. Бабушка. Скрипач. Ветер-музыкант. Старый стул.— Стихи Е. Григорьевой. Рисунки А. Дугина	29
Сами о себе	30
Медаль.— Рассказ В. Рыбина. Рисунки М. Лисогорского	34
Международный пионерский клуб «Товарищ»	37
Всесоюзный штаб Тимура	
Зимние письма.— И. Андрианова	40
«Кораблик»	42, III обл.
Переменка	43
В мир прекрасного	
Дар не дается даром.— Л. Кельман	46
«Жизнь красой души красна...» — Повесть Б. Тебиева. Рисунки В. Дудкина	52
На научной волне.— Ведет В. Никитина	56
Мой конек	
Снова об аквариумных рыбках.— И. Алексеева	57
Все увидит самому.— О. Орлов	58
Валеркин календарь.— Повесть В. Баныкина. Рисунок М. Петрова	60
В стране шаха — владыки черных и белых полей	62
Ума палата	64
Летопись «Пионера»	IV обл.
Кружевные сказки.— Из сюиты «Музыка русских узоров». Музыка Ю. Чичкова. Стихи П. Синявского. Фотография А. Шпикалова	

На обложке:

«Весна идет! Весне — дорогу!».— Рисунок А. Борисова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, В. А. БЛИЗНЕНКОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, В. П. КРАПИВИН, С. Л. МАКЕЕВ (ответственный секретарь), М. В. МАТВЕЕВА (редактор отдела коммунистического воспитания), С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, О. М. САВВАТЕЕВА, Л. С. СИМОНОВА (зам. главного редактора), И. Н. ХРИСТОВАЯ (редактор отдела литературы и искусства), Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.

Редактор отдела оформления А. М. ГРИШИН.

Технический редактор В. Н. ВЕСЕЛОВСКАЯ.

Макет Ю. Л. РОДИНА.

© Издательство «Правда», «Пионер», 1983.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.01.83.

Подписано к печати 18.01.83. А 02609. Формат 84 × 60¹/₈.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 660 000 экз. Изд. № 363. Заказ № 35.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

О том, что грузинского актера Вахтанга Кикабидзе любят зрители — и взрослые, и дети, — мы, конечно, знали давно. Но когда «Переменка» получила такое письмо: «Срочно расскажите про Вахтанга Кикабидзе все-все-все! И обязательно про то, какой он не в кино, а на самом деле...» — мы поняли, что пора просить нашего корреспондента Рeginу Дубовицкую представить вам Вахтанга КИКАБИДЗЕ.

Корреспондент. Первый вопрос традиционный: как вы стали артистом? Насколько я помню, все началось с песни?

Кикабидзе. Э, нет, все началось с барабанов... Когда я был мальчишкой, я очень любил рисовать. Но рисовал я всегда одно и то же — только барабаны! Рисовал их где попало, даже на асфальте и... в школьных тетрадях. Обо мне на нашей улице в Тбилиси так и говорили: «Мальчик, который рисует барабаны».

Как раз в то время знакомые ребята решили организовать ансамбль. На мое счастье, среди них не оказалось ударника, и тогда они вспомнили о «мальчике, который рисует барабаны», и предложили мне эту «должность».

Корреспондент. И вы ее приняли?

Кикабидзе. С восторгом. Я был уверен, что играть на барабане еще интереснее, чем его рисовать. И не ошибся. Причем играть я начал на барабане, который сделал сам.

Корреспондент. Как — сам?

Кикабидзе. Откуда же нам, ребятам, было взять настоящий барабан в то послевоенное время? Натянули на каркас старого барабана брезент и получили новый инструмент. И мне так понравилось играть на нем, что рисовать барабаны стало просто некогда.

Корреспондент. А как вы стали профессиональным музыкантом?

Кикабидзе. Это уже было потруднее... Я до сих пор храню рецензию на мой дебют. Статья называлась «Неужели это все

всерьез?». Она гласила: «Выходит на сцену какой-то молодой человек и начинает непонятным голосом петь какие-то непонятные песни». Не совсем лестный отзыв... Но рецензия сделала свое дело. Меня пригласили в Тбилисскую филармонию, и директор, послушав меня, коротко приказал: «Оденьте его построжее, в черное! В этом парне что-то есть. Пусть поет».

Корреспондент. С этого началась ваша работа в ансамбле «Ореро»?

Кикабидзе. Работу в «Ореро» я всегда вспоминаю с удоволь-

ствием, много было интересного, много забавного... Однажды нашему ансамблю срочно нужно было возвращаться из Франции на родину. А в кассе — ни одного билета. Французская авиакомпания поставила нам условие: они возьмут нас в рейс без билетов, если мы дадим в самолете концерт для пассажиров, но... прежде всего нас необходимо взвесить. Почему? Да ведь нас брали вместо определенного количества груза. Вместо НЗ. И — беда! Общий вес участников «Ореро» плюс наши инструменты на три килограмма превышал вес НЗ! Что делать? Пришлось всех участников ансамбля посадить на диету. И в день вылета наш

общий вес соответствовал норме!

Корреспондент. Вахтанг Константинович, наверное, немало курьезных случаев связано у вас и с кинематографом?

Кикабидзе. Как-то, приехав в Москву, я сел в такси. Водитель ни о чем меня не расспрашивал, но когда я с ним стал расплачиваться, он наотрез отказался брать деньги. «Почему?» — удивился я. «Ничего с вас не возьму, товарищ Мимино. Вас и так ободрал водитель, который вез к гостинице «Россия». А я не хочу, чтобы вы подумали, что у нас в Москве все таксисты такие». «Да это же было в кино! — говорю я. — Это в фильме с моего Мимино взяли столько денег за проезд, с Мимино, а не с меня!» Но водитель все равно не взял денег. И тогда я ему сказал, что когда он увидит в Москве афиши о моих концертах, — пусть обязательно придет...

Корреспондент. Ну и как — встретились вы с ним еще раз?

Кикабидзе. Пока нет. Но я уверен, что встретимся непременно.

Корреспондент. Вахтанг Константинович, а вот интересно, какие зрители вам самому больше всего по душе?

Кикабидзе. Неравнодушные. Я вообще терпеть не могу равнодушных людей. С ними очень скучно и холодно...

Корреспондент. А как вам кажется, каким зрителям особенно нравится актер... Вахтанг Кикабидзе?

Кикабидзе. Как ни странно — детям! Я ведь никогда не пел детских песен, не снимался в детских фильмах... Но потом я понял одну вещь и думаю, что я прав: ребятам нравится, как я улыбаюсь... Друзья рассказывали мне: однажды, услышав смех своего трехлетнего сына, они вошли в комнату и увидели, что на экране телевизора пою я, а их сын смотрит на меня и громко хохочет. Родители возмутились: «Сейчас же перестань хихикать. Из-за твоего смеха не слышно, как дядя Буба поет!» Но малыш возразил: «А я не могу перестать! Меня дядя Буба сам расхихикал!» И, честно говоря, я, как актер, доволен, что нравлюсь детям...

Корреспондент. Вахтанг Константинович, что вы хотите пожелать читателям «Пионера»?

Кикабидзе. Быть всегда веселыми и отзывчивыми людьми, сражаться с равнодушием и не забывать улыбаться!

Кружевные сказки

Из сюиты «Музыка русских узоров».

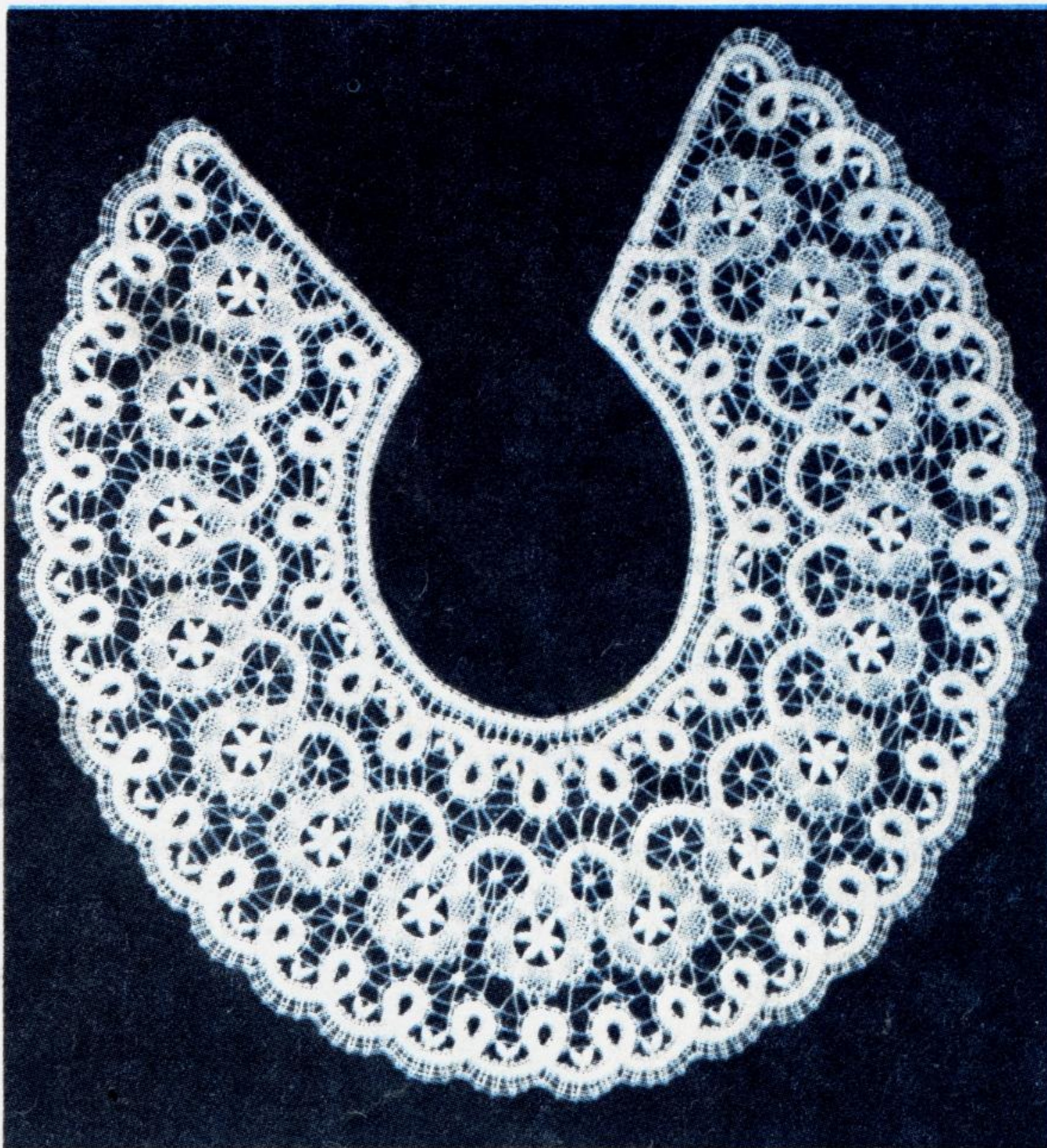
Музыка Юрия ЧИЧКОВА,
лауреата премии
Ленинского комсомола.

Стихи Петра СИНЯВСКОГО.

Вологда завьюжена
Белыми снегами,
Вьюга стелет кружево
Прямо под ногами.
Рассыпают искорки
Северные краски,
Снежные присказки,
Кружевные сказки.

Девицы-красавицы
Взяли подглядели,
Как переплетаются
Звонкие метели.
И рисуют девицы
Белые картинки,
Кружево стелется
Тоньше паутинки.

— Вот еще подучимся,—
Окают подруги,—
Кружево получится
Лучше, чем у вьюги.
На морозе-холоде
Иней серебрится.
В городе Вологде
Чудо-кружевницы.

16 81

Оживленно.

Во - ло - га за - вью - же - на бе - лы - ми сне - га - ми

вью - га сте - лет кру - же - во пря - мо под но - га - ми.

рас - сы - па - ют ис - кор - ки се - вер - ны - е крас - ки

снеж - ны - е прис - каз - ки кру - жев - ны - е сказ - ки

рас - сы - па - ют ис - скор - ки

се - вер - ны - е кра - ски

снеж - ны - е прис - каз - ки кру - жев - ны - е сказ - ки

Для повторения

снеж - ны - е прис - каз - ки кру - жев - ны - е сказ - ки

Для окончания

во - ро - ге во - ло - ге чу - го кру - жев - ны - цы.

во - ро - ге во - ло - ге во - ро - ге во - ло - ге

чу - го кру - жев - ны - цы